

Российская академия образования
Институт педагогики и психологии
профессионального образования

А.Ф. Корниенко

Возникновение и развитие
допсихических,
психических
и
социальных
форм регуляции поведения
* * *
организма, субъекта, личности

Казань - 2010

УДК 159.9:316.6
ББК 88
К 67

Печатается по решению Ученого совета
института педагогики и психологии профессионального образования
Российской академии образования (ИПППО РАО)

Рецензенты:

доктор психологических наук И.М. Юсупов
доктор психологических наук А.Н. Грязнов

Корниенко А.Ф.

К 67 Возникновение и развитие допсихических, психических и социальных форм регуляции поведения организма, субъекта, личности. – Казань: Изд-во "Печать-Сервис-XXI век", 2010. – 185 с.: ил.

ISBN 978-5-91838-026-0

В предлагаемой читателю книге предпринимается попытка системного решения фундаментальных проблем психологии, связанных с определением сущности психики и сознания, специфики и особенностей эволюционного развития познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов, психических и социальных форм регуляции поведения субъекта и личности. Особое внимание уделено механизмам возникновения и развития сознания, личности и социальных отношений в фило- и онтогенезе.

Книга предназначена для психологов, занимающихся научной и преподавательской деятельностью, а также студентов психологических факультетов и всех, кто интересуется психологией.

УДК 159.9:316.6
ББК 88

ISBN 978-5-91838-026-0

© Корниенко А.Ф., 2010
© Институт педагогики и психологии
профессионального образования
Российской академии образования, 2010
© Оформление. Издательство
"Печать-Сервис-XXI век", 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ДОПСИХИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ОРГАНИЗМА	10
1.1. Проблемы выделения допсихических форм регуляции поведения .	10
1.2. Понятие живого организма	15
1.3. Формы активности живого организма	20
1.4. Понятие о поведении	24
1.5. Безусловно-рефлекторная форма регуляции поведения на основе раздражимости	26
1.6. Условно-рефлекторная форма регуляции поведения на основе чувствительности	30
1.7. Механизмы реализации чувствительности	36
1.7.1. Реализация чувствительности на основе физиологических гуморальных процессов	36
1.7.2. Реализация чувствительности на основе нервных процессов	40
1.8. Формирование двигательных навыков на основе синергичности ..	44
1.9. Динамика эволюционного развития допсихических форм регуляции поведения.....	49
ГЛАВА 2. ПСИХИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА	54
2.1. Понятие о психике и психической форме отражения действительности	54
2.2. Простейший психический процесс и возможные механизмы его реализации в нервной системе	61
2.3. Виды психических процессов и их функции в регуляции поведения	68
2.4. Регуляция сенсо-моторного поведения на стадии элементарной сенсорной психики	74
2.5. Регуляция предметно-манипулятивного поведения на стадии перцептивной психики	78
2.6. Регуляция разумного поведения на стадии интеллекта	80

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	94
3.1. Понятие о сознании как высшем уровне развития психики	94
3.2. Деятельность как сознательная форма поведения человека	107
3.3. Психологические механизмы социальной детерминации возникновения сознания в фило- и онтогенезе	117
3.3.1. Постановка проблемы социальной детерминации сознания..	117
3.3.2. Психологические механизмы возникновения сознания в онтогенезе	120
3.3.3. Онтогенетические механизмы возникновения речи и социальных отношений	127
3.3.4. Возникновение сознания, речи и социальных отношений в филогенезе	138
3.4. Понятие о личности и социальных формах поведения	143
3.5. Социальная регуляция поведения личности на основе формирования самооценки	148
3.6. Механизм формирования навыков социальных отношений посредством ролевых игр	152
3.7. Социальная регуляция поведения личности на основе совести....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
ЛИТЕРАТУРА	174

ВВЕДЕНИЕ

Очень часто в повседневной жизни мы используем определенные слова, не особенно вдаваясь в их научно-терминологические значения и варианты научных интерпретаций. Мы используем их, полагаясь на общепринятые, устоявшиеся на житейском уровне смыслы, считая их достаточно очевидными, понятными и не требующими каких-либо пояснений. К таким словам относятся, в частности, понятия "жизнь", "психика", "сознание", "осознание", "знание", "понимание", "активность", "поведение" и т.д. Не зная научных определений понятий "жизнь" и "психика", все прекрасно понимают, что имеется в виду, когда говорится о "живых" и "неживых" объектах, о том, что у неживых объектов, например стены, нет психики, что психикой обладают живые организмы, хотя и не все. Вместе с тем, в психологии до сих пор нет четких научных определений указанных понятий. Как отмечает В.И. Гинецинский, "одна из фундаментальных проблем психологии состоит в обнаружении демаркационной границы между живыми существами, обладающими психикой, и живыми существами, не обладающими ею" [23, с. 8].

Затрудняясь в научном определении понятий "понимание" и "сознание", мы допускаем, что в основе поведения некоторых видов животных лежат не только врожденные рефлексy, но и процессы понимания, а человек, обладая сознанием, может еще и осознавать и сознательно регулировать свое поведение. В то же время достаточно часто можно встретить смешивание и использование в качестве синонимов таких понятиях как "психика" и "сознание", "сознание" и "осознание", "понимание" и "осознание", "активность" и "поведение", "поведение" и "деятельность", "деятельность" и "процесс" и т.д.

Конечно же, если речь идет об использовании того или иного понятия вне научной дискуссии, то мы можем позволить себе вложить в него то содержание и тот смысл, которые сочтем необходимыми для того, чтобы наш собеседник понял, что мы имели в виду или что мы хотели сказать. Однако в науке, в научных дискуссиях вольное или некорректное обращение с научными понятиями нежелательно. В прин-

ципе, это тоже все прекрасно понимают. Но что делать, если в самой науке нет четких и непротиворечивых определений тех или иных понятий? Если взять психологию, то здесь что ни понятие – то проблема. Как отмечал К.К. Платонов, "ни одна наука не относится так небрежно к своим понятиям, так мало делает попыток для их уточнения и согласования, как психология" [103, с. 10]. По словам Б.М. Теплова, "за многими психологическими терминами и выражениями стоят не научные понятия, а неопределенные интроспективные представления" [116, с. 72].

В настоящее время в психологии считается общепринятым, что психика и сознание, являясь особыми свойствами нервной системы (мозга), предназначены для отражения действительности и регуляции на основе этого отражения поведения и деятельности. Но уже не одно столетие ученые бьются над решением так называемой "психофизиологической проблемы", пытаясь выяснить не только как в процессе эволюции живых организмов из "физиологического" возникает "психическое", но и как "психическое", будучи нематериальным, может оказывать влияние на материальные физиологические процессы, и тем самым обуславливать возникновение психических форм регуляции поведения организма.

Очевидно, что решение проблемы возникновения психики и, соответственно, психических, в том числе сознательных, форм регуляции поведения невозможно без ответов на вопросы о том, что такое "психика" и что такое "сознание". И вот здесь мы вынуждены констатировать, что в особой отрасли науки, называемой "Психология", призванной изучать особенности психики и психических явлений, до сих пор нет четких ответов на эти вопросы. То, что психика и сознание существуют, а точнее то, что существует нечто, обозначаемое понятиями "психика" и "сознание", особых сомнений не вызывает. Иначе, как справедливо отмечает Д.А. Теплых, "... нет смысла дальнейшего разговора о психологии: ведь не может же наука изучать нечто-не-сущее (ничто)" [117, с. 87]. Вопрос в том, что это за "нечто". Однако, как уже было сказано, ни психика, ни сознание, как высший уровень развития психики,

до сих пор не имеют удовлетворительных непротиворечивых и нетавтологических научных определений. Как отмечает Н.И. Чуприкова, "психология всегда испытывала немалые трудности в определении своего предмета, они существуют и по сей день... Однако все трудности начинаются тогда, когда поднимается вопрос о том, что же такое психика" [127, с. 104].

Что касается "сознания", то, как считает В.М. Аллахвердов, "о чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно" [3, с. 52]. В предисловии к русскому изданию книги Г. Ханта "О природе сознания" В.П. Зинченко отмечает, "к сожалению, философия и наука не могут похвастаться тем, что они за тысячи лет своего существования и развития пришли к сколько-нибудь однозначному определению сознания. Живое сознание, при всей своей очевидности, упорно сопротивляется любым концептуализациям" [42, с. 11].

Не лучшим образом обстоят дела и в зарубежной психологии. "За последние несколько лет, – пишет Д. Чалмерс [Chalmers], – появилось много книг и статей, посвященных сознанию, и можно подумать, что мы имеем прогресс в его изучении. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что во многих из этих работ наиболее трудные проблемы, касающиеся сознания, остаются не затронутыми" [138, с. xi].

Отсутствие удовлетворительных определений наблюдается и в отношении понятий "поведение" и "деятельность". С.Л. Рубинштейн, например, рассматривал "поведение" как "определенным образом организованную деятельность, осуществляющую связь организма с окружающей средой" [108, с. 102]. Понятие "деятельность" в этом определении оказывается исходным, более широким понятием, чем "поведение". Сама же деятельность, как особая форма активности, оказывается присущей любым живым организмам.

Аналогичное понимание "деятельности" мы находим и у А.Н. Леонтьева. "Деятельность, – пишет А.Н. Леонтьев, – есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта. В более узком смысле, т.е. на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого

состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире" [79, с. 141]. И далее он отмечает: "... эволюция поведения и психики животных может быть адекватно понята именно как история развития предметного содержания деятельности" [Там же].

Точно такое же определение "деятельности", но через понятие "активность", приводит Б.Ф. Ломов. "Не рассматривая всех используемых (и возможных) значений слова «деятельность», отметим, – пишет Б.Ф. Ломов, – что в самом широком значении оно относится к любым активным системам. В этом значении оно эквивалентно термину «активность» и, безусловно, может применяться при описании и анализе очень широкого класса явлений, в том числе и психических" [83, с. 192]. В то же время, в качестве системообразующих элементов деятельности он выделяет "мотив" и "цель". "Немотивированной, так же как и нецеленаправленной, деятельности просто не может быть" – отмечает Б.Ф. Ломов [Там же, с.205]. Поскольку понятия "мотив" и "цель" часто связываются с осознанием потребности и предполагаемого результата активности, возникает дилемма – либо признать наличие мотивов, целей и сознания у простейших живых организмов, проявляющих активность и, соответственно, осуществляющих "деятельность", либо использовать понятия "деятельность" лишь по отношению к человеческим, причем сознательным формам активности и поведения.

Особую проблему в психологии составляет вопрос о возникновении сознания, личности и социальных отношений. Как и для чего в процессе эволюции живых систем возникли сознание и человек, обладающий сознанием? Как и для чего возникла особая форма взаимодействия человека с другими людьми, которая получила название социальных отношений? Традиционные представления о том, что сознание возникает в совместной трудовой деятельности, алогично и не выдерживает критики, поскольку совместная и, тем более, трудовая деятельность сама по себе предполагает наличие человека, имеющего сознание. В данном случае можно согласиться с В.М. Аллахвердовым, который отмечает, что "часто встречающееся утверждение, что сознание порождается социальными процессами, вообще выглядит нелепостью"

[3, с. 49]. Тем не менее, сознание и социальные отношения появились. Значит, были и механизмы их породившие. Вопрос, что это за механизмы? Каковы естественнонаучные, а не религиозные трактовки механизмов порождения сознания, личности и социальных межличностных отношений?

Ответам на все эти вопросы и посвящена данная работа. Кроме того, мне хотелось представить психологическому сообществу один из возможных вариантов единой системы психологических понятий, позволяющих описывать и объяснять разноуровневые психические явления и их проявления на поведенческом уровне.

* * *

Завершая это небольшое вступление, хочу выразить свою глубокую признательность коллегам по работе, общение с которыми на протяжении многих лет побуждало меня не только к педагогической, но и научной деятельности, а также студентам, которые, слушая мои лекции и проявляя к ним неподдельный интерес, укрепляли мою уверенность в значимости того, чем я занимаюсь.

Особую благодарность выражаю своей супруге Екатерине, которая всегда поддерживала меня и вдохновляла, создавая условия для моей научной работы и научного творчества.

Апрель 2010 г.

ГЛАВА 1

ДОПСИХИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ОРГАНИЗМА

1.1. Проблемы выделения допсихических форм регуляции поведения

Выделение форм регуляции двигательной активности и жизнедеятельности организмов, которые можно было бы однозначно отнести к допсихическим или предшествующим психическим, представляет собой крайне сложную проблему по той простой причине, что в научном мире до сих пор ведутся дебаты по вопросу о том, что такое "психика" [63].

Наличие проблемы с определением понятия "психика" обуславливает появление, как в истории психологии, так и в философии самых разных точки зрения относительно того, когда эта "психика" могла возникнуть, каким видам материальных объектов она может быть присуща и в чем она может проявляться на внешнем феноменологическом уровне. Разнообразие взглядов на природу психики простирается от учения о панпсихизме, согласно которому психика присуща любым формам материи, как живым, так и неживым объектам, до антропсихизма, в котором наличие психики признается лишь у человека – наиболее сложноорганизованного живого существа. Среди учений, занимающих "промежуточное" положение, обычно выделяются биопсихизм и нейропсихизм [77]. В учении о биопсихизме постулируется наличие психики у любых живых организмов, в том числе простейших, и отсутствие ее у неживых объектов. Согласно учению о нейропсихизме психика присуща не всем живым организмам, а лишь тем, у которых имеется нервная система.

Оценивая степень адекватности различных учений о психике, насколько они правильно ориентируют нас в проблеме возникновения психики, А.Н. Леонтьев указывал, что "последовательно материалистической науке чуждо как то утверждение, что психика является привилегией только человека, так и признание всеобщей одушевленности материи" [77, с. 144]. Он считал, что "психика – это такое свойство материи,

которое возникает лишь на высших ступенях ее развития – на ступени органической, живой материи" [Там же]. Вместе с тем, он отвергал и учение о биопсихизме, отмечая, что оно "противоречит современным научным знаниям о простейшей живой материи" [Там же]. Однако и учение о нейробиопсихизме А.Н. Леонтьев не склонен был принимать безоговорочно, считая неверным произвольное допущение прямой связи между появлением психики и появлением нервной системы.

Нетрудно убедиться, что в разных учениях о психике наличие психики приписывается не просто разным объектам, существующим в Природе, а определенным группам объектов, появление которых можно соотнести с определенными этапами их эволюционного развития. Последовательность этапов эволюционного развития и появления специфических групп объектов в Природе с указанием учений, согласно которым данным группам объектов приписывается наличие психики, представлена на рис. 1.

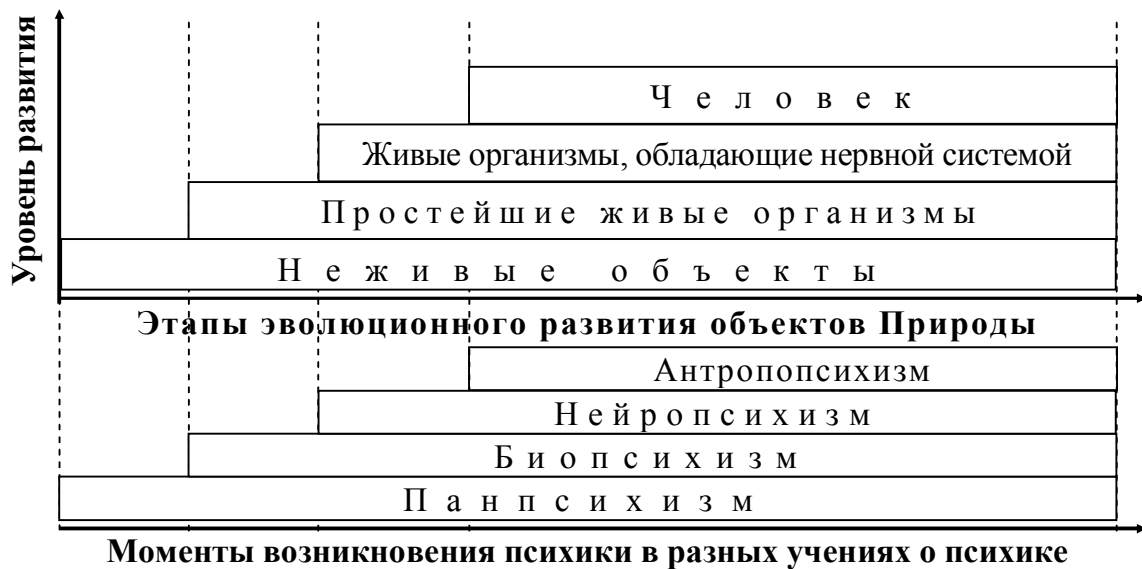

Рис. 1. Соотношение этапов эволюционного развития объектов Природы и моментов возникновения психики, постулируемых в разных учениях о психике.

Рассуждая о природе и возможных механизмах возникновения психики, А.Н. Леонтьев, на наш взгляд, допустил роковую для своей концепции логическую ошибку, посчитав, что функция, которая приписывается нервной системе как органу психики, первоначально могла

реализовываться "процессами, протекающими в протоплазме без участия нервов" [77, с. 145]. Фактически А.Н. Леонтьев постулировал возможность возникновения психики до появления не только мозга, но и вообще нервной системы. А это означает, что он допускал наличие психики у самых простейших живых организмов, жизнедеятельность которых обеспечивается системой биохимических процессов. Но зачем нужно было вводить понятие о психике, рассматривая механизмы функционирования простейших организмов? Почему недостаточно было понятий "раздражимость" и "чувствительность"? И.П. Павлов, например, полагал, что без понятия "психика" вполне можно обойтись даже при описании сложных форм поведения животных, у которых прекрасно развита нервная система и имеются не менее хорошо развитые мозговые структуры. Вывод, к которому в результате анализа различных учений о психике приходит А.Н. Леонтьев, состоит в утверждении, что "проблема возникновения психики до сих пор не может считаться решенной, даже в ее самой общей форме" [77, с. 145].

Следует признать, что наличие психической формы активности у живых организмов, не обладающих нервной системой, допускается и в наше время. Е.А. Климов, например, призывает нас "расстаться ... с привычным пониманием дела, что психика – это не что иное, как функция только нервной системы, мозга. ...Нервная система, – утверждает Е.А. Климов, – обеспечивает, но не предопределяет психическую активность... Мы знаем, что существует и донервная ступень развития психики у простейших животных" [49, с. 166-167].

К кардинальным изменениям в представлениях о психике призывает всех психологов В.М. Аллахвердов. Он предлагает отказаться от общепринятых представлений, согласно которым функцией психики является отражение действительности и регуляция деятельности живого организма, называя их "банальными". "Как отражение, так и регуляция деятельности, – утверждает В.М. Аллахвердов, – осуществляются организмом автоматически, и психика для этого вовсе не нужна" [3, с. 5].

Наличие подобного рода утверждений со стороны известных и титулованных психологов вынуждает нас констатировать, что вывод, к

которому пришел А.Н. Леонтьев, до сих пор остается актуальным. Если мы не можем указать, на каком этапе эволюционного развития живых организмов и при каком уровне сложности их телесной организации и поведенческих проявлений возникает психика и что это такое, значит, проблема возникновения психики по-прежнему существует и, соответственно, существует проблема выделения допсихических форм регуляции поведения организмов.

Вместе с тем, подходы к решению проблем возникновения психики и дифференциации психических и допсихических форм регуляции поведения организмов имеются, и значительный вклад в их решение, вне сомнения, внес сам А.Н. Леонтьев. В этой связи необходимо, прежде всего, отметить его высказывание о том, что "психика возникает на определенной ступени развития жизни не случайно, а необходимо, т. е. закономерно" [77, с. 159].

Значение этого высказывания состоит в том, что в поисках ответа на вопрос о сущности психики и сути психических форм регуляции поведения живого организма оно ориентирует исследователя на поиск и выявление тех причин и факторов, которые закономерно порождают необходимость в их возникновении, обуславливают естественную динамику их эволюционного развития. По существу, ставится вопрос о том, зачем живому организму нужна психика.

Если в процессе эволюции живых организмов происходит их усложнение, как в плане телесной организации, так и механизмов функционирования, и при этом на каком-то этапе эволюции у них с необходимостью возникает психика, значит, она им для чего-то нужна и без нее невозможно обеспечение их жизнедеятельности. С другой стороны, существовали и продолжают существовать организмы и без психики. А это говорит о том, что сложившаяся у них телесная организация и имеющиеся механизмы функционирования и регуляции различных форм внутренней и внешней активности являются необходимыми и достаточными для обеспечения их нормальной жизнедеятельности, и психика им вовсе не нужна. Но в таком случае возникает вопрос: "Что порождает недостаточность механизмов функционирования и, соответ-

ственно, необходимость в дальнейшем эволюционном развитии организмов, с необходимостью приводящем к возникновению у них психики и психических форм регуляции поведения?".

Подобный вопрос, как мы знаем, ставился Л.С. Выготским. "Как известно, – писал Л.С. Выготский, – две основные проблемы до сих пор еще не разрешены для старой психологии: проблема биологического значения психики и выяснения условий, при которых мозговая деятельность начинает сопровождаться психологическими явлениями" [18, с. 139].

Следует отметить, что, указывая на проблему биологического значения психики, Л.С. Выготский соотносил появление психики не с возникновением нервной системы самой по себе, против чего, собственно, выступал А.Н. Леонтьев, а с наличием мозга и мозговой деятельности. Но если А.Н. Леонтьев и Е.А. Климов в поисках истоков психики обратили свои взоры на моменты, предшествующие появлению нервной системы, то у Л.С. Выготского появление психики соотносится с последующим развитием нервной системы, в частности, с появлением мозга.

На психику как функцию мозга и на обусловленность психических проявлений в поведении организма особенностями мозговой деятельности указывал в свое время И.М. Сеченов. Внешние проявления деятельности головного мозга служат, по мнению И.М. Сеченова, выражением психической деятельности. В известной работе "Рефлексы головного мозга" он писал: "... мозг есть орган души, т.е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинам в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность" [112, с. 37].

В наше время проблеме соотношения "мозг – психика" посвящены работы Н.И. Чуприковой [126, 127], И.М. Фейгенберг [121], Д.И. Дубровского [30, 33], А.М. Иваницкого [44] и множество других публикаций. По мнению Н.И. Чуприковой, "в настоящее время вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что психика животных и человека является

функцией их мозга. Вопрос, однако, состоит в том, какова природа этой функции" [127, с. 104].

Чтобы ответить на этот вопрос и выяснить, на каком этапе эволюционного развития живых организмов появилась психика, необходимо, очевидно, рассмотреть и проанализировать все этапы в развитии живых организмов, начиная, буквально, от момента зарождения жизни, на что указывал А.Н. Леонтьев, приступая к разработке проблемы возникновения психики. "Для решения вопроса о возникновении психики, – писал А.Н. Леонтьев, – мы должны начинать с анализа тех условий жизни и того процесса взаимодействия, который ее порождает" [77, с. 159]. На наш взгляд, следует проанализировать различные механизмы регуляции поведения организмов, которые появляются на каждом из этапов их эволюционного развития, и выявить те функциональные ограничения, которые присущи этим механизмам и которые с необходимостью преодолеваются и устраняются на последующих этапах эволюции. Если появление психики и психических форм регуляции поведения живых организмов было связано с развитием нервной системы и появлением мозга, значит нейрофизиологические механизмы отражения и регуляции поведения, существовавшие до появления психики, имели определенные функциональные ограничения, которые с необходимостью и должны были быть преодолены за счет появления психики. То, что психика не "прибавляется" к жизнедеятельности организма на определенном этапе его развития, а порождается его жизнедеятельностью, причем порождается известными формами существования живой материи, указывал в свое время А.Р. Лурия [84]. Можно лишь добавить, что ее порождение было причинно детерминировано и в силу этого неизбежно.

1.2. Понятие живого организма

Следует отметить, что первые представления о "живом" были самым непосредственным образом связаны с понятием "психика", а точнее с его житейским эквивалентом в виде понятия "душа". "Живое" рассматривалось как некоторое материальное образование (тело), в котором находится нечто, именуемое "псюхе" или "душа". Это "нечто" по

представлениям древних мыслителей представляло собой некую "субстанцию" материальной или нематериальной природы, способную проникать в тело и тем самым давать ему жизнь. Как отмечает Ю.Б. Гиппенрейтор, согласно учению Аристотеля "душа есть сущность живого тела" [24, с. 23]. Главная функция души – реализация биологического существования организма. Соответствующие учения о душе, получили название общее название "анимизм". Не трудно убедиться, что определение "живого" через понятие о душе, которая сама определяется как причина "живого", представляют собой тавтологическую конструкцию. Чтобы устранить тавтологию, необходимо развести понятия о "живом" и о "душе", и дать им независимые определения.

Самое общее научное определение "живого" дается в известном утверждении Ф. Энгельса, согласно которому жизнь – это "форма существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой" [133, с. 29]. В данном определении можно выделить два центральных момента: во-первых, что живое – это тело или некоторое целостное образование, состоящее из белковых соединений, и, во-вторых, что оно имеет определенный механизм существования, благодаря которому, собственно, и сохраняется его целостность.

Несколько иное определение жизни дается в работе одного из современных представителей биологической науки Б.М. Медникова: "Жизнь – это активное, идущее с затратой энергии поддержание и воспроизведение специфической структуры" [87, с. 8]. Сравнивая два определения нетрудно заметить, что формально в силу отсутствия ссылки на класс объектов, которые "поддерживают и воспроизводят свою специфическую структуру", определение Б.М. Медникова является более широким. Вместе с тем, раскрывая суть своего определения, Б.М. Медников рассматривает не что иное, как именно белковые соединения. Что же касается самого словосочетания "поддержание и воспроизведение специфической структуры", то его можно рассматривать как уточняющее форму или способ существования белковых тел. Если объединить два рассмотренных определения, то получится примерно

следующее: жизнь – это форма (способ) существования белковых тел путем активного поддержания и воспроизведения своей специфической структуры с затратой энергии, получаемой за счет постоянного обмена веществ с окружающей их внешней средой. К этому определению можно было бы добавить, что возникновение жизни, как способа существования белковых тел, составляет одно из звеньев общего процесса эволюционного изменения материи. Как психика возникает на определенной стадии эволюционного развития живого организма, так и сам живой организм должен возникать в процессе эволюции, в частности, в процессе эволюции органической материи. Только в этом случае будет соблюдено единство естественнонаучной парадигмы в исследовании физического (среды), биологического (тела) и психического (души).

Анализ механизмов возникновения живого организма в рамках общего эволюционного подхода к изучению материальных явлений дается в работе академика Э.М. Галимова. "Эволюция материи по тому пути, который мы называем эволюцией живого, – пишет Э.М. Галимов, – не замкнута в пределах органического мира... Когда мы говорим об эволюции живого, речь идет об очень общем свойстве материи, а не свойстве собственно биологических систем" [20, с. 17].

Согласно точке зрения Э.М. Галимова, возникновение "живого" в процессе эволюции связано, с одной стороны, с возникновением биосинтеза особых белковых соединений, называемых полипептидами, которые выполняют функцию катализаторов, фиксирующих определенный характер или "путь прохождения" биохимических реакций, и, с другой стороны, с возникновением других белковых соединений – полинуклеотидов, способных к репликации (воспроизведению) соответствующих полипептидов. "Производство структур, обладающих каталитическими свойствами, есть способ достижения условия устойчивости стационарных систем и, следовательно, эволюции жизни" – пишет Э.М. Галимов [20, с. 109].

Очевидно, что между полипептидами и воспроизводящими их полинуклеотидами существует самая тесная связь – они взаимно дополняют друг друга, выступая как две стороны единой биологической

структуры. Соответствие между элементами полипептидов и полинуклеотидов известно в биологии как генетический код. По мнению Э.М. Галимова, сложная биологическая структура, обладающая определенным генетическим кодом, в которой протекают каталитические и репликационные процессы, и есть тот самый организм, который можно назвать живым. Вид организма, специфика его структуры и характер функционирования определяется тем генетическим кодом, который складывается в нем в процессе и в результате его взаимодействия с окружающей средой.

Не вызывает сомнения и тот факт, что возникновение генетического кода и самого организма как некоторого устойчивого многокомпонентного белкового образования непосредственно связано с процессами сохранения изменений, происходящих в развивающемся организме. Любые изменения в организме, которые повышают его жизнестойкость, его адаптивные способности, должны быть сохранены. Сохранение же или фиксация каких-либо изменений есть не что иное, как проявление механизма памяти. Следовательно, условием эволюционного развития живого организма является не только наличие органических соединений и особых форм их взаимодействия, но и наличие особых механизмов памяти, обеспечивающих сохранение полезных для организма структурных и функциональных изменений. Поскольку изменения происходят в организме на уровне биохимических процессов речь, очевидно, должна идти о биохимических формах памяти. У простейших организмов соответствующие биохимические формы памяти проявляются в наличии каталитических (связанных с фиксацией) и репликационных (связанных с воспроизведением) биохимических процессов.

Между биохимическими процессами, которые в живом организме приобретают каталитический характер, и условиями окружающей среды, в которых осуществляется жизнедеятельность организма, существует прямая зависимость. Каталитическими становятся те биохимические процессы, которые являются реакцией на многократно и регулярно повторяющиеся внешние воздействия, имеющие для организма жизненное значение или, по-другому, биологическую значимость. Можно

сказать, что информация о значимых для организма воздействиях окружающей среды определенным образом отражается в характере протекающих в нем каталитических процессов. Появление каталитических процессов в организме можно рассматривать как возникновение у организма специфических механизмов получения знаний об особенностях окружающей его среды.

Однако прямая связь существует не только между каталитическими процессами и внешними воздействиями. Она, как уже отмечалось выше, наблюдается и между каталитическими и репликационными процессами, протекающими в организме. Репликации подлежат те белковые соединения, которые способствуют возникновению необходимых для организма каталитических процессов. В данном случае можно сказать, что информация о каталитических процессах, формирующихся в организме, определенным образом отражается в характере протекающих в нем репликационных процессов. Если каталитические процессы мы связывали с процессами получения знаний о внешних воздействиях, имеющих существенное значение для жизнедеятельности организма, то репликационные процессы можно рассматривать как процессы использования этих знаний.

Взаимосвязь и согласованность каталитических и репликационных процессов, протекающих в организме, обеспечивают ему возможность более или менее адекватного взаимодействия с окружающей средой и адаптации к условиям существования. И вот здесь важно отметить следующее. Уже на уровне простейшего организма для анализа особенностей его структуры и механизмов функционирования в качестве своеобразной "единицы анализа" выделяется единый акт взаимодействия организма с внешней средой, в котором в качестве его отдельных составляющих рассматриваются два разных процесса: каталитический и репликационный. Каждый из процессов имеет свою специфику, но в рамках акта взаимодействия организма с внешней средой они выступают вместе, образуя своеобразный "тандем" и взаимно дополняя друг друга.

Схематично механизм формирования реакции простейшего живого организма на внешнее воздействие посредством каталитических и репликационных биохимических процессов представлен на рис. 2.

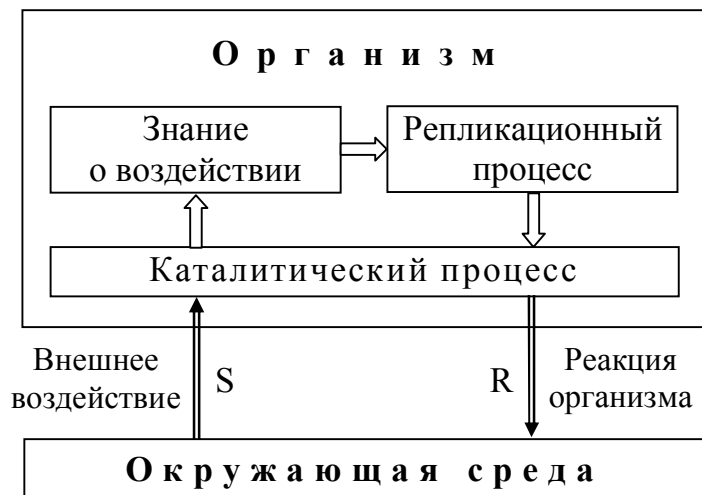

Рис. 2. Механизм формирования реакции простейшего организма на внешнее воздействие.

1.3. Формы активности живого организма

Обычно, когда речь идет об активности живого организма, имеется в виду такая форма взаимодействия организма с окружающей средой, при которой изменения в организме детерминируются или побуждаются не только внешними факторами (внешними воздействиями), но и некоторыми внутренними факторами (процессами, протекающими во внутренних структурах организма) [61]. Если в неживой природе изменения в объектах вызываются и детерминируются непосредственно внешними воздействиями, то в живых организмах в силу наличия у них активности изменения могут инициироваться и регулироваться внутренними потребностями организма.

Биохимические процессы или биохимические реакции, возникающие в живом организме при его взаимодействии с окружающей средой, детерминируются или инициируются не только внешними воздействиями, но и внутренними потребностями организма, прежде всего, потребностью в существовании (сохранении своей биологической структуры и возможности ее функционирования). Собственно именно этим

живой организм и отличается от неживых объектов. Наличие внутренних факторов, детерминирующих появление реакций в живом организме при его взаимодействии со средой, характеризует его как активного объекта действительности. Необходимо отметить, что введение понятия об активности живого организма предполагает наличие пассивного или реактивного типа взаимодействия, характерного для неживых объектов.

Наличие у живых организмов механизмов активности позволяет им вступать в особые взаимодействия с другими объектами среды. В результате с течением времени, то есть в процессе эволюции, в живых организмах начинают происходить специфические структурные и функциональные изменения, соответствующие, с одной стороны, особенностям внешней среды, в которой они оказываются, и, с другой стороны, потребностям самих организмов в сохранении своей целостности и жизнеспособности. Изучая факторы, влияющие на процесс приспособления животных к окружающей среде, А.Н. Северцев отмечал: "Важным и весьма прочно установленным результатом эволюционного учения в его современной форме является положение, что эволюция животных есть *эволюция приспособительная*, т. е. что она состоит в развитии признаков, соответствующих той среде, в которой живут данные животные. Другим таким же важным результатом мы можем считать положение, что эволюционный процесс имеет *эктогенетический* характер, т. е. что он происходит под влиянием изменений внешней среды, в которой живут животные" [110]. Будучи жизненно важными, эти структурные и функциональные изменения не просто возникают, они фиксируются и затем с помощью механизмов наследования передаются последующим поколениям организмов. Для обозначения способности организмов к такого рода изменениям А.Н. Северцев использовал термин "пластичность".

Очевидно, что "пластичность" в понимании А.Н. Северцева и необходимость в приспособлении к условиям внешней среды характерно для любого живого организма, находящегося на любом уровне эволюционного развития. Отсюда вытекает очень важный, можно сказать,

принципиальный вывод о том, что наличие приспособительного эффекта в поведении живого организма само по себе не может служить критерием "психического". Это общий принцип, одно из основных условий эволюции живых организмов.

Приспособление организма к условиям внешней среды или соответствие его поведения имеющимся условиям среды может достигаться при наличии у организма:

а) способности к получению знаний об особенностях воздействий, источником которых является внешняя среда и которые представляют для организма определенную биологическую значимость (то есть являются, по терминологии А.Н. Леонтьева, "биотическими");

б) способности к осуществлению таких реакций на воздействия окружающей среды, в которых учитываются знания, полученные о воздействиях среды, и которые соответствуют условиям той среды, в которой непосредственно осуществляются реакции. (В качестве реакций могут выступать приспособительные структурные и функциональные изменения в организме, а также внешне проявляемые двигательные реакции).

Способность организма к получению знаний об особенностях внешней среды есть не что иное, как способность к проявлению познавательной активности, а возможность регулировать поведение в соответствие с получаемыми знаниями есть проявление двигательной активности. Несомненно, что обе формы активности при взаимодействии организма с внешней средой, также как и ранее рассмотренные каталитические и репликационные процессы, взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга.

Поскольку знания, получаемые организмом, используются им в регуляции поведения, существенное значение приобретает степень адекватности знаний, их соответствие тем особенностям воздействий и тем реальным свойствам объектов действительности, отражением которых они являются. От степени адекватности получаемых знаний во многом зависит и степень адекватности поведения или двигательной активности организма.

Несмотря на согласованность и взаимодополняемость, познавательная и двигательная формы активности существенным образом отличаются по своим внутренним механизмам функционирования. Для реализации познавательной активности в структуре организма формируются необходимые виды органов чувств и специализированная сенсорная система, а для реализации двигательной активности – необходимые органы движения и особая двигательная система.

Общая структурно-функциональная схема, иллюстрирующая механизм взаимодействия организма с внешней средой посредством познавательной и двигательной форм активности, представлена на рис. 3.

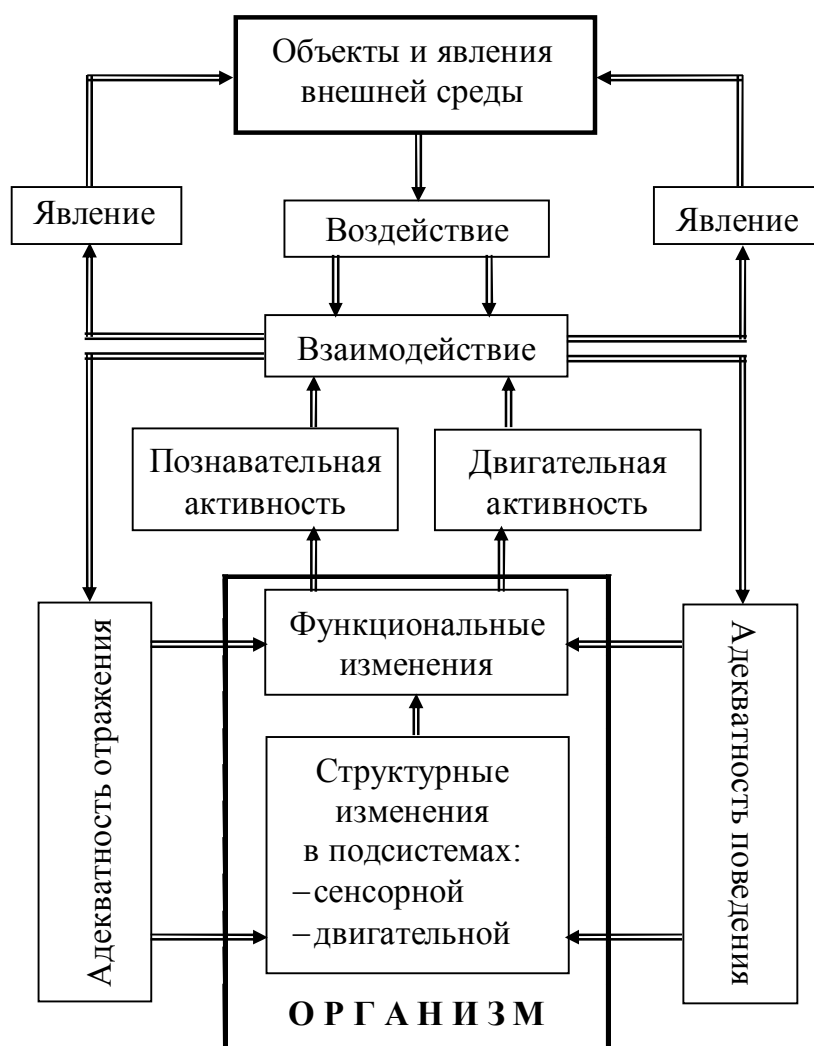

Рис. 3. Механизм взаимодействия организма с внешней средой посредством двигательной и познавательной форм активности.

Для решения проблемы, связанной с выделением допсихических форм регуляции поведения живых организмов и возникновением более сложных психических форм регуляции, необходимо не только обозначить специфику внешних поведенческих признаков соответствующих форм поведения и внутренних механизмов, их обуславливающих, но и определиться с понятием "поведение" и далее с понятиями о безусловном и условном рефлексах, которые, согласно общепринятым представлениям, являются простейшими формами поведения организма, реализуемыми на основе раздражимости и чувствительности.

1.4. Понятие о "поведении"

В Большом психологическом словаре под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко понятие "поведение" определяется следующим образом: "Поведение – извне наблюдаемая двигательная активность живых существ ..." [13, с. 388]. Согласно данному определению поведение, во-первых, присуще не только человеку и, во-вторых, является одной из форм активности, а именно двигательной. Двигательная – значит связанная с движением. Движение в узком физическом смысле означает изменение положения материального объекта в пространстве. В более широком философском смысле движение понимается как изменение состояния чего бы то ни было. Коренным и в том, и в другом случаях является понятие "изменение". Но любое изменение, возникающее в объекте или с объектом, имеет в своей основе определенную причину. Либо эта причина внешняя по отношению к объекту, либо она внутренняя. В первом случае мы говорим о реактивном характере изменений, описывая их известной формулой $S \rightarrow R$, где S – внешнее воздействие, R – реакция на это воздействие. Во втором случае мы связываем наблюдаемое изменение с протеканием каких-то внутренних процессов в объекте и используем для его характеристики понятие "активность". В связи с этим, двигательная активность – это, по существу, та же реакция R , но возникающая вследствие не внешних, а внутренних причин или факторов.

Как мы уже отмечали выше, понятие "активность" используется по отношению к живым объектам, к живым организмам. В символической

форме данное понятие можно выразить формулой $V \rightarrow R$, где V – некоторые биохимические, физиологические, нейрофизиологические или другие процессы, протекающие во внутренних структурах организма. Если R – это наблюдаемое изменение положения организма в пространстве, то есть движение, и оно обусловлено внутренними процессами, внутренними факторами, то, очевидно, мы вправе говорить о проявлении двигательной активности организма. Но для того, чтобы организм мог проявлять двигательную активность, у него должна быть двигательная система, в которой должны протекать определенные биохимические и физиологические процессы, которые, собственно, и обуславливают возможность его движения и перемещения в пространстве.

Возникает вопрос: "Когда и в связи с чем у живого организма, обладающего двигательной системой, возникает необходимость в двигательной активности?"

Проявление организмом какой-либо формы активности принято связывать с наличием у него определенной потребности, а точнее с ее актуализацией. При этом под "потребностью" чаще всего понимается необходимость в чем-то, без чего невозможно существование и развитие организма. По отношению к живому организму это "что-то" является внешним, находится в окружающей его внешней среде и выступает, согласно определению А.Н. Леонтьева, как предмет его потребности. "Потребность, – отмечает А.Н. Леонтьев, – как биологическое понятие выступает перед нами прежде всего как объективная необходимость, то есть объективная нужда организма в чем-то внешнем, во внешних условиях, которые служат как бы дополнением живых систем ... Потребности всегда предметны. Потому что это всегда потребность в чем-то, нужда организма в чем-то. И это что-то мы будем называть предметом потребности" [80, с. 410-412]. Но знания о том, что необходимо организму для его существования, как и сама потребность в этом, определенным образом представлены во внутренних структурах организма. Первоначально эти знания, и соответствующие потребности закрепляются в живых организмах благодаря механизмам естественного отбора. Затем, будучи закрепленными и зафиксированными механизмами гене-

тической памяти, они передаются другим поколениям организмов благодаря механизмам наследования.

Очевидно, что для удовлетворения какой-либо потребности живой организм должен обладать не только двигательной системой и соответствующей двигательной активностью, но и системой обнаружения предмета своей потребности, то есть некоторой сенсорной системой. В данном случае под "сенсорной системой" понимается совокупность клеток организма, имеющих повышенную чувствительность к воздействиям определенного типа, в частности, к биотическим воздействиям. Основной функцией сенсорной системы является получение знаний об особенностях воздействий, которым подвержен организм в текущий момент времени в текущих обстоятельствах. Без получения знаний о наличии внешнего воздействия и идентификации его как биотического, соответствующего предмету потребности, двигательная активность организма будет носить характер малоэффективных хаотических движений. В связи с этим при определении понятия "поведение" целесообразно подчеркивать, что это двигательная активность организма, имеющая определенную направленность, которая обуславливается потребностью организма в сохранении его целостности и жизнеспособности и обеспечивается наличием познавательной системы (сенсорной системы) и соответствующей познавательной активностью (процессами получения знаний о наличии воздействий и их особенностях).

1.5. Безусловно-рефлекторная форма регуляции поведения на основе раздражимости

Считается, что простейшей формой поведения живого организма является безусловный рефлекс или безусловно-рефлекторная реакция организма на внешнее биотическое воздействие, которая соотносится с понятием "раздражимость". "Активность живых организмов, находящихся на допсихическом уровне развития, – отмечает В.И. Гинецинский, – характеризуется как раздражимость, т.е. как способность избирательно и специфическим образом отвечать на жизненно значимые воздействия среды в соответствии с потребностями обмена веществ, сохранения целостности организма" [23, с. 8]. Как отмечает С.Л. Ру-

бинштейн, "способность реагировать на исходящие из среды раздражения – раздражимость – является основным свойством всякого, даже самого элементарного одноклеточного организма" [108, с. 125]. Рассматривая появление жизни как определенный этап эволюционного развития материи, А.Р. Лурия указывал на то, что данный этап характеризуется явлениями обмена веществ и возникновения раздражимости по отношению к биотическим веществам [83].

При наличии непрерывного потока внешних биотических воздействий изменения, происходящие в организме вследствие проявления его способности к раздражимости, постепенно приводят к тому, что он приобретает такую структуру и такие механизмы функционирования, которые обеспечивают возможность его существования и развития в тех условиях, в которых он оказывается. Происходящие в живых организмах структурные изменения и особенности их функционирования в специфических для них условиях среды фиксируются в силу наличия генетических механизмов и далее посредством механизмов наследования передаются последующим поколениям организмов данного вида [109]. В результате организмы новых поколений появляются на свет с уже имеющимися врожденными знаниями о том, какие воздействия являются для них биотическими и как на них нужно реагировать. Поэтому, как только при взаимодействии с окружающей средой вновь появившийся организм начинает подвергаться воздействию, которое носит биотический характер, сразу же возникает и соответствующая данному воздействию ответная двигательная реакция организма. Реакция эта является врожденной в том смысле, что возможность ее реализации не требует предварительного обучения организма. Связи между элементами сенсорной системы и двигательной системы, которые необходимы для осуществления реакции на биотическое воздействие, возникают в организме в процессе его созревания еще до появления самих биотических воздействий.

Однако прежде, чем будет осуществлена определенная врожденная реакция на определенное биотическое воздействие, это биотическое воздействие, как уже было отмечено, должно быть идентифицировано

именно как биотическое. То есть в организме должен быть какой-то механизм, позволяющий отличать воздействия биотические от всех других, небитических воздействий, на которые, очевидно, нет необходимости реагировать. Другими словами, должен быть механизм сопоставления индивидуально приобретаемых знаний о текущих воздействиях, с врожденными знаниями о совокупности воздействий, которые для данного вида организмов являются биотическими.

Место врожденных (унаследованных) знаний о биотических воздействиях и о соответствующих реакциях на них, а также индивидуально приобретаемых знаний о текущих воздействиях, которое они занимают в структуре механизмов регуляции простейших безусловно-рефлекторных форм поведения, показано на схеме, представленной на рис. 4.

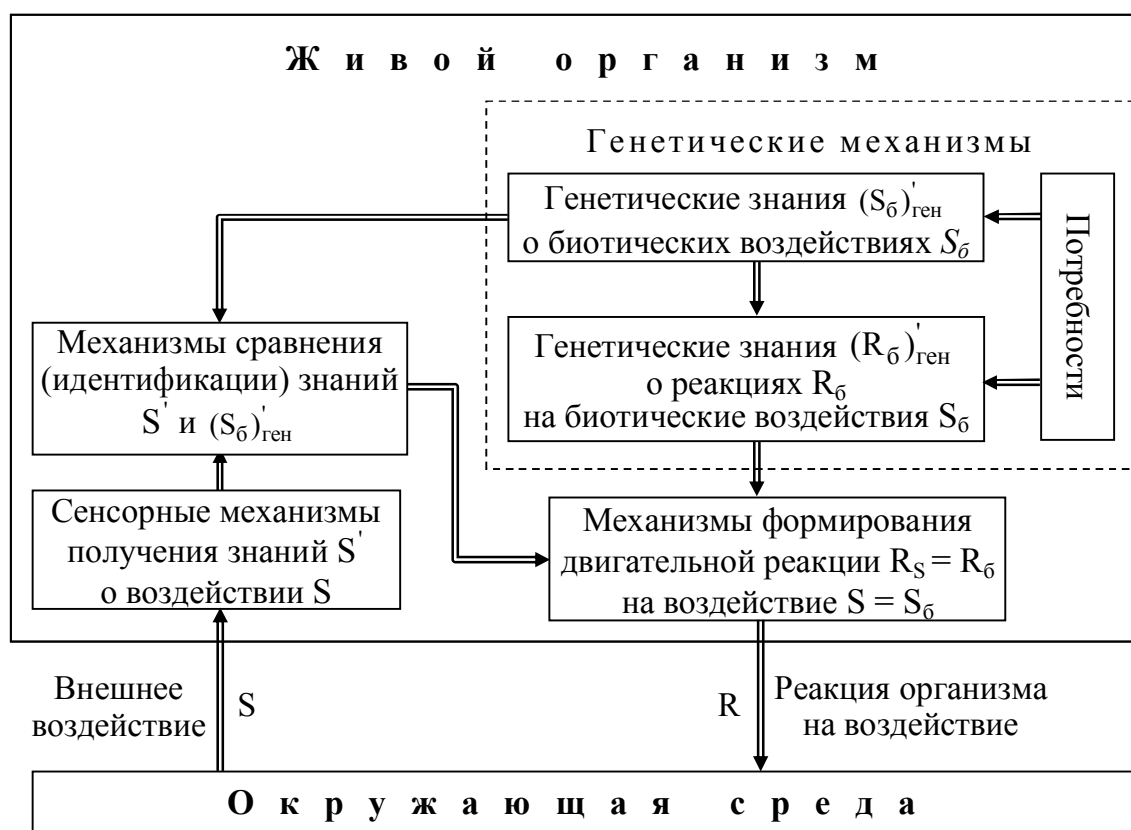

Рис. 4. Место врожденных и индивидуально приобретаемых знаний о воздействиях и реакциях на них в структуре механизмов регуляции безусловно-рефлекторной формы поведения организма.

Очевидно, что врожденные знания – это знания о потенциальных воздействиях и соответствующих им потенциальных реакциях организма, рассчитанных на появление условий, идентичных тем, в которых осуществлялась жизнедеятельность предыдущих поколений этого организма. Но жизнь не стоит на месте. Условия и обстоятельства, в которых протекает жизнедеятельность организмов, непрерывно изменяются, и чем дальше – тем более существенно. Поэтому новые поколения организмов с неизбежностью оказываются в более сложных условиях обитания. И к этим новым условиям надо как-то приспособливаться. Для этого нужны новые, не врожденные механизмы регуляции поведения, а механизмы формирования индивидуального опыта. И такие механизмы с неизбежностью, то есть вполне закономерно, начинают появляться. Логично предположить, что первым шагом в этом направлении было появление механизмов индивидуальной памяти на те воздействия, которые в новых условиях жизнедеятельности организма оказывались для него новыми биотическими воздействиями, и на те реакции, которые формировались организмом в ответ на эти воздействия. Если генетические механизмы памяти обеспечивали получение организмом знаний, на основе которых строилось поведение предыдущих поколений организмов данного вида, то механизмы индивидуальной памяти обеспечивали организму сохранение знаний S' о текущих воздействиях S , получаемых с помощью сенсорной системы, а также знаний R_S' о текущих реакциях, осуществляемых двигательной системой организма в ответ на текущие воздействия. Однако, несмотря на некоторое усложнение внутренней структуры организма и появление механизмов индивидуальной памяти, двигательная реакция организма на новые биотические воздействия, по существу, не выходила за рамки формы поведения, обозначаемой понятием "раздражимость", суть которого, как уже было сказано, выражается соотношением $S_6 \Rightarrow R_6$.

Вместе с тем, наряду с механизмами индивидуальной памяти на новые биотические воздействия в живых организмах стали возникать и механизмы индивидуальной памяти на новые обстоятельства, сопутствующие появлению тех биотических воздействий, знания о которых

уже имелись в недрах генетической памяти. Развитие этих механизмов индивидуальной памяти обеспечивало организмам возможность осуществлять новую форму поведения – реагировать не только на биотические, но и на те абиотические воздействия, которые непосредственно были связаны с биотическими и могли выступать в качестве предвестников или сигналов о возможном их появлении. По существу формировалась способность к условно-рефлекторным формам поведения, которую А.Н. Леонтьев сначала обозначил как "чувствительность", а затем без должных оснований считал возможным рассматривать ее как простейшую форму психики, то есть ощущение [77].

1.6. Условно-рефлекторная форма регуляции поведения организма на основе чувствительности

Как было показано выше, на начальных этапах эволюции живые организмы приобретают способность избирательно реагировать на жизненно важные (биотические) воздействия внешней среды и проявлять двигательную активность в форме раздражимости. Однако в общем случае любой организм подвергается не только биотическим, но и другим воздействиям, которые образуют с биотическими определенные пространственные и временные связи. Более того, эти связи могут носить характер причинно-следственных отношений. Воздействия, связанные с биотическими, сами по себе биотическими не являются, тем не менее, в силу наличия непосредственных и особенно причинно-следственных связей, они также приобретают для организма существенное значение. В частности, они начинают выполнять функцию сигнала о наличии или возможном присутствии в зоне ближайшего окружения организма объектов, имеющих для организма биологическую значимость. Такого рода воздействия А.Н. Леонтьев предложил называть абиотическими, а способность организма выделять эти абиотические воздействия и специфическим образом реагировать на них – чувствительностью. По определению А.Н. Леонтьева, "чувствительность (способность к ощущению) есть генетически не что иное, как раздражимость по отношению к такого рода воздействиям среды, которые соотносят организм с другими воздействиями, т.е. которые ориентируют

организм в среде, выполняя сигнальную функцию" [77, с. 173]. С подобным определением чувствительности солидарен и А.Р. Лурия, отмечая, что новая форма раздражимости по отношению к ранее индифферентным агентам, вступающим в связь с биотическими условиями и приобретающими сигнальное значение, может быть названа чувствительностью [83].

И вот здесь хотелось бы особо отметить то обстоятельство, что и А.Н. Леонтьев, и А.Р. Лурия чувствительность трактуют как раздражимость, хотя и ее особую, "новую" или "качественно своеобразную" форму. Но раздражимость в ее простейшей форме – это возникновение в ответ на внешний раздражитель определенных изменений в биохимических процессах, протекающих в организме, и их проявлений в форме простейших двигательных реакций организма. Если чувствительность рассматривать как особую форму раздражимости, значит, в качестве механизма возникающей на ее основе двигательной реакции организма следует рассматривать либо особые более сложные биохимические процессы, либо другие более сложные процессы, отличные от биохимических, например, физиологические или нервные. Однако ни А.Н. Леонтьев, ни А.Р. Лурия не указывают на таким образом понимаемую специфику процессов, лежащих в основе чувствительности. У них речь идет не о качественной специфике процессов, а о специфике их функций, то есть о функциональной специфике. "Первое и основное допущение нашей гипотезы, – отмечает А.Н. Леонтьев, – заключается именно в том, что функция процессов, опосредствующих деятельность организма, направленную на поддержание его жизни, и есть не что иное, как функция чувствительности" [77, с. 173]. Вопрос состоит в том, может ли функция чувствительности быть функцией биохимических процессов, или для ее реализации нужны более сложные физиологические или нервные процессы. Анализ возможных объективных критериев, которые позволили бы отличить проявления чувствительности от раздражимости, привел А.Н. Леонтьева к неутешительным выводам. "Мы лишены, – пишет А.Н. Леонтьев, – объективных оснований для различения, с одной стороны, раздражимости, которая обычно опреде-

ляется как общее свойство всех живых тел приходить в состояние деятельности под влиянием внешних воздействий, с другой стороны – чувствительности, т. е. свойства, которое хотя и представляет собой известную форму раздражимости, но является формой качественно своеобразной" [Там же, с. 149]. И далее он отмечает, "невозможность объективно различить между собой процессы чувствительности и раздражимости привела физиологию последнего столетия вообще к игнорированию проблемы этого различения. Поэтому часто оба эти термина – чувствительность и раздражимость – употребляются как синонимы" [Там же, с. 151].

Вместе с тем, и А.Н. Леонтьев, и А.Р. Лурия полагают, что чувствительность, хотя и является формой раздражимости, есть не что иное, как проявление элементарной формы "психического". По мнению А.Н. Леонтьева, те специфические процессы организма, которые возникают в результате осуществления чувствительности, и есть процессы, образующие основу явлений ощущения [77, с. 173]. А.Р. Лурия считает, что появление у организмов чувствительности, которая проявляется в способности реагировать на сигнальные раздражители, может рассматриваться как объективный признак появления элементарной психологической формы существования" [83].

Придание А.Н. Леонтьевым чувствительности статуса ощущения, как простейшей формы психики, при функциональном подходе к определению чувствительности без привязки к виду материальных процессов, на основе которых может реализовываться функция чувствительности, породило представление о том, что появление и наличие психики возможно у организмов не только не обладающих мозгом, но не обладающих даже нервной системой. Подтверждением тому могут служить высказывания и самого А.Н. Леонтьева, и Е.А. Климова, которые мы приводили выше. Но тогда возникает вопрос, а как быть с представлениями, например, И.М. Сеченова, о том, что материальным носителем психики является мозг [112], или с аналогичными представлениями, развиваемыми в работах Н.И. Чуприковой [126], Д.И. Дубровского [30], А.М. Иваницкого [44] и многих других? По словам Н.И. Чуприко-

вой, "в настоящее время вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что психика животных и человека является функцией их мозга" [127, с. 104]. Неужели все это научные заблуждения, которые следует, по примеру В.М. Аллахвердова, признать "банальными" и не соответствующими действительности?

Не вдаваясь пока в анализ правомерности и целесообразности рассмотрения явлений чувствительности как явлений психики, рассмотрим, что из себя представляет чувствительность и каковы механизмы ее реализации.

Как уже было сказано, появление чувствительности А.Н. Леонтьев связывает с появлением у живых организмов особой формы раздражимости – способности реагировать на абиотические воздействия окружающей среды, которые, будучи непосредственно связанными с биотическими, выполняют по отношению к ним сигнальную функцию. Благодаря чувствительности организм, как считает А.Н. Леонтьев, приобретает возможность ориентироваться в окружающей среде и осуществлять поиск воздействий, имеющих жизненную или биологическую значимость. Чувствительность обеспечивает способность организма к ориентированию в окружающей среде и к отражению существующих в ней объективных связей. "Процессы чувствительности, – отмечает А.Н. Леонтьев, – могут возникнуть и удержаться в ходе биологической эволюции, конечно, лишь при условии, если они вызываются такими свойствами среды, которые объективно связаны со свойствами, непосредственно биологически значимыми для животных... Они, следовательно, необходимо должны соответствовать объективным свойствам окружающей среды и правильно отражать их в соответствующих связях" [77, с. 173].

Отсюда делается вывод, что чувствительность, во-первых, выполняет функцию отражения особенностей объективной действительности в ее связях и отношениях, и, во-вторых, обуславливает в силу этого появление индивидуальных форм приспособительного поведения организмов в тех специфических условиях действительности, в которых они оказываются. Здесь можно отметить, что выделение в процессах чувст-

вительности функции отражения объективной действительности послужило для А.Н. Леонтьева решающим основанием для придания чувствительности статуса психического процесса. Ведь одной из наиболее существенных функций психики считалось, и сейчас считается, именно функция отражения объективной действительности. То, что эти представления о сути психики, ставшие общепринятыми не совсем правильные, мы покажем чуть позже. Сейчас же отметим лишь сам факт признания А.Н. Леонтьевым, а вслед за ним и другими психологами, явлений чувствительности как появлений простейшей формы психики – ощущения.

Не вызывающим сомнения представляется нам положение о том, что с появлением чувствительности у организмов в дополнение к механизмам генетической памяти начинают формироваться механизмы индивидуальной памяти и индивидуальные формы или индивидуальный опыт регуляции поведения. Вследствие этого, поведение организмов, обладающих способностью к чувствительности, начинает существенным образом зависеть от их прошлого опыта, приобретенного ими в процессе своей индивидуальной жизнедеятельности.

Очевидно, что если условия окружающей среды, при которых у организма сформировалась новая индивидуальная форма поведения, будут воспроизводиться, то будет воспроизводиться и эта индивидуальная форма поведения. А что, если такие же условия будут воспроизводиться достаточно часто не только при жизни данного организма, но и его потомков, а затем и потомков этих потомков? Можно ли ожидать, что регулярное воспроизведение условий и соответствующей индивидуальной формы поведения приведет к тому, что в каком-то поколении организмов данная форма поведения будет приобретаться отдельными организмами не путем выработки индивидуального навыка, а путем наследования, то есть будет врожденной? Логика здравого смысла подсказывает, что на этот вопрос можно дать положительный ответ. Ведь врожденные формы поведения не появляются просто так из ничего. Любая форма поведения, ставшая врожденной у одного поколения организмов, первоначально должна была появиться как результат особой индивидуальной активности организмов предыдущего поколения или серии более ранних поколений.

Положение о возможности наследования приобретаемых форм поведения было сформулировано Ж.Б. Ламарком и возведено им в ранг одного из центральных принципов эволюционного развития живых организмов [74]. Как отмечает Л.А. Животовский, данное положение в более поздние годы своей жизни принял и Ч. Дарвин. Несмотря на открытие механизмов естественного отбора и постулирование случайности в начальных изменениях наследственности, он, по словам Л.А. Животовского, "пришел к выводу, что наличие сложных приспособительных признаков случайными вариациями объяснить невозможно, и принял идею Ж. Ламарка, дополнив ее гипотезой пангенезиса – некоего физиологического механизма, по которому изменения в органах и тканях, вызванные реакцией организма на окружающую среду, переносятся особыми частицами в половые клетки особи и становятся частью ее наследственных свойств" [35, с. 22]. Современные сведения о механизмах ароморфоза и возможности наследования приобретенных признаков представлены в работах И.И. Шмальгаузена [130], В.А. Красилова [72], А.С. Северцова [111].

Учитывая наличие генетических механизмов и механизмов наследования наиболее существенных морфологических и функциональных возможностей организма, можно, по-видимому, предположить, что одновременно с фиксацией в индивидуальной памяти новой индивидуальной формы поведения в генетической памяти организма начинают происходить соответствующие данной форме поведения изменения, которые затем благодаря механизмам наследования могут передаваться последующим поколениям организмов.

Общая схема, иллюстрирующая механизмы регуляции поведения организма на основе чувствительности, включая механизмы сохранения индивидуальных форм поведения на уровне индивидуальной памяти с возможностью их фиксации на уровне генетической памяти, представлена на рис. 5.

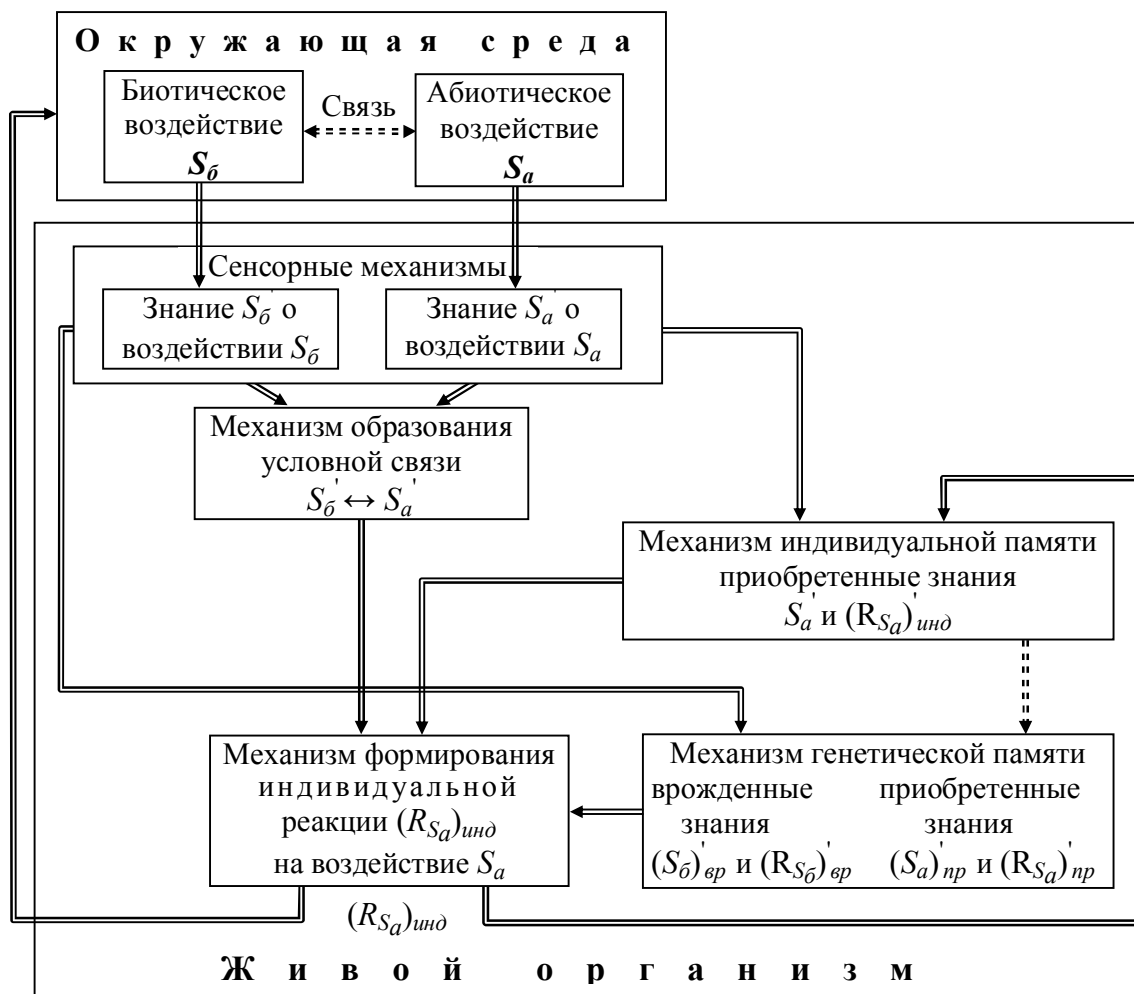

Рис. 5. Механизмы индивидуальной условно-рефлекторной формы регуляции поведения организма на основе чувствительности.

1.7. Механизмы реализации чувствительности

1.7.1. Реализация чувствительности на основе физиологических гуморальных процессов

Определяя чувствительность как особую функцию процессов, протекающих в организме, А.Н. Леонтьев не уточняет, являются ли эти процессы биохимическими, физиологическими или нервными, поскольку допускает возможность выполнения одной и той же функции разными процессами. В общем случае это положение, скорее всего, является верным. Например, функцию регуляции поведения организма могут обеспечивать и психические, и нервные, и физиологические процессы. Точно также всем этим процессам присуща способность к выполнению функции отражения и обеспечения организма необходимыми

для построения поведения знаниями об особенностях внешних воздействий. Вместе с тем, появление у организма новых свойств, благодаря которым он занимает более высокий уровень в иерархии уровней эволюционного развития живых организмов, вряд ли возможно без появления новых структурных образований в организме и новых процессов, связанных с их появлением, на что прямо указывается в работах А.Н. Северцева [109] и И.И. Шмальгаузена [129].

Что касается раздражимости, как способности живого организма к реакции на биотическое воздействие, то поскольку она присуща любым даже простейшим одноклеточным организмам, в качестве реализующих эту способность процессов следует признать процессы биохимические. Однако сами по себе биохимические процессы не есть раздражимость, как и раздражимость не есть биохимический процесс. Раздражимость есть свойство живого организма. Но наличие и проявление этого свойства обеспечивается наличием протекающих в организме (живой клетке) биохимических процессов.

Чувствительность, как и раздражимость, есть особое свойство организма и, соответственно, не является процессом. Однако проявление этого свойства с необходимостью должно обеспечиваться какими-то процессами, протекающими в организме. Вопрос – какими именно?

Возможны два варианта ответа на этот вопрос. Первый вариант – это те же биохимические процессы, но более сложные. Формальным основанием для такого ответа является определение чувствительности как особой, более сложной формы раздражимости. Второй вариант – это процессы более сложные по сравнению с биохимическими и качественно от них отличающиеся, в частности, физиологические.

Чтобы определиться со спецификой и видом процессов, лежащих в основе чувствительности, рассмотрим благодаря каким процессам реализуются сенсорные механизмы, обеспечивающие получение знаний S_b' и S_a' о биотических S_b и абиотических S_a воздействиях, и какие процессы обеспечивают образования условных связей между этими знаниями.

Как было показано выше (см. раздел 1.2), у простейших живых организмов получение знаний о биологической значимости воздействия обеспечивается исключительно биохимическими процессами и связано с появлением каталитических процессов. Однако по мере эволюционного развития организмов, когда появляются многоклеточные организ-

мы, когда начинается функциональная специализация клеток и образование отдельных органов и систем организма, наряду с биохимическими процессами появляются более сложные процессы, получившие название физиологических. Благодаря физиологическим процессам обеспечивается оптимальный режим работы органов и систем жизнеобеспечения организма, а также регуляция их совместного функционирования посредством механизма гомеостаза [76]. Если под чувствительностью понимать проявление согласованности в протекании процессов в сенсорной и двигательной системах организма, как она и понимается А.Н. Леонтьевым, то, очевидно, в качестве ее материальной основы следует рассматривать не биохимические процессы, протекающие в клетках, а как минимум процессы физиологические.

Вместе с тем, процессы в отдельно взятой рецепторной клетке, благодаря которым осуществляется преобразование энергии внешнего воздействия в специфические сигналы, несущие информацию (знание) о наличии и особенностях этого воздействия, являются биохимическими, поскольку связаны с выработкой специфических белковых соединений [114]. В связи с наличием не только функциональной, но и пространственной дифференциации различных органов и систем организма возникает необходимость в транспортировке этих белковых соединений из сенсорной системы в двигательную. В достаточно простых организмах, не обладающих нервной системой, в качестве "проводящих путей" выступают, как известно [28], жидкие среды организма (интерстициальная жидкость, лимфа или кровь). В физиологии такой механизм координации функционирования отдельных систем организма и, соответственно, механизм регуляции поведения получил название гуморального [123]. Для того чтобы организм, находящийся на этой стадии эволюционного развития, был способен реагировать на абиотические воздействия и демонстрировать условно-рефлекторные формы поведения, проявляя наличие свойства, именуемого, чувствительностью, необходимо выполнения двух условий:

- во-первых, чтобы в его сенсорной системе появились рецепторные клетки, чувствительные к абиотическому раздражителю и вырабатывающие при его воздействии белковое соединение, отличающееся от

того, которое вырабатывается рецепторами, чувствительными к биотическим раздражителям;

- во-вторых, чтобы белки рецепторных клеток двигательной системы могли связываться не только с теми белковыми соединениями, которые несут информацию о биотических воздействиях, но и с теми, в которых закодирована информация об абиотических воздействиях, связанных с биотическими.

Возможность реализации чувствительности на основе физиологических гуморальных процессов при выполнении указанных условий схематично представлена на рис. 6.

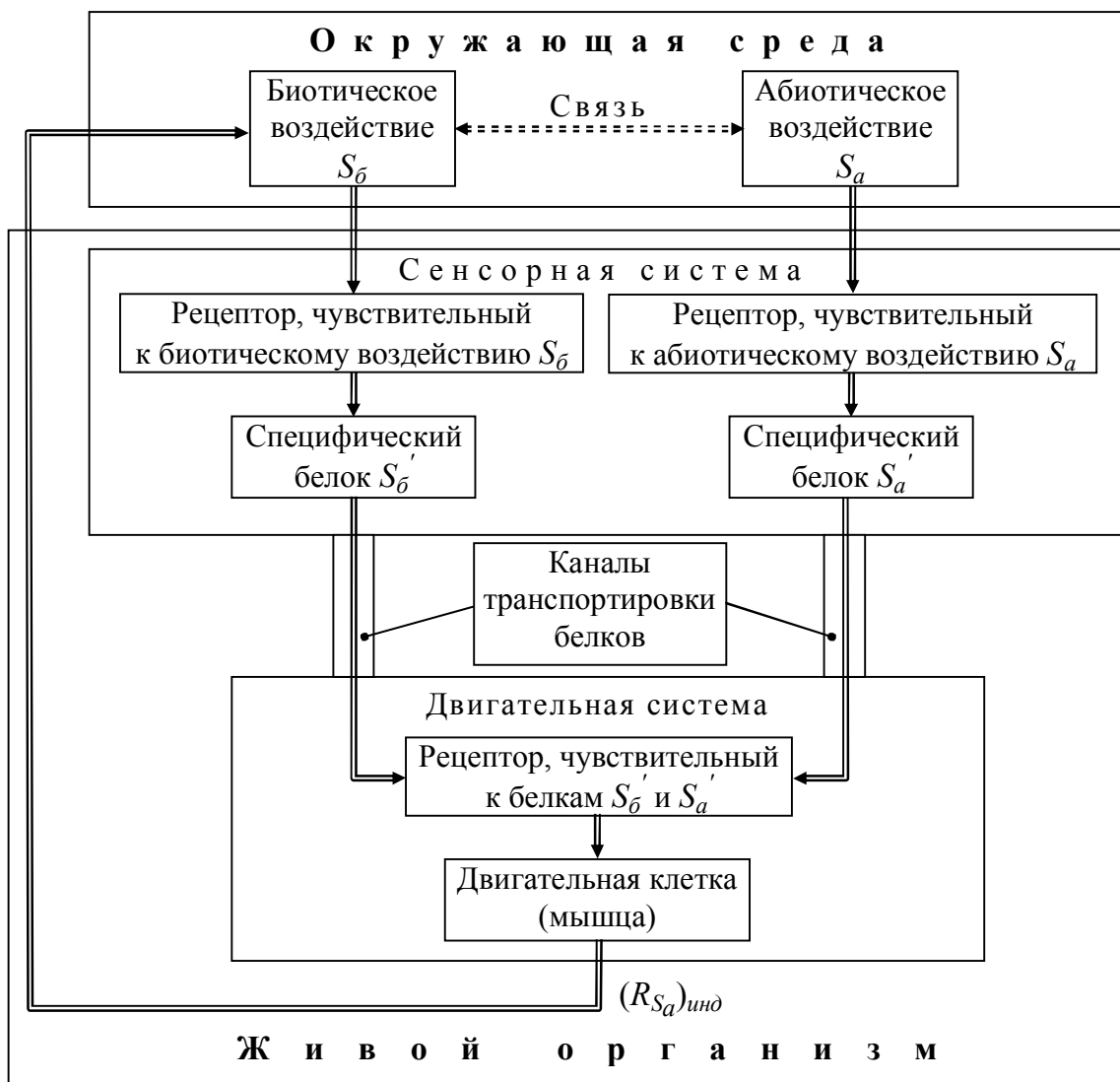

Рис. 6. Реализация чувствительности как особой формы раздражимости на основе физиологических гуморальных процессов.

1.7.2. Реализация чувствительности на основе нервных процессов

Несмотря на прогрессивный, в целом, характер физиологических гуморальных процессов, обеспечивающих значительное расширение адаптационных возможностей организма, эти процессы обладают существенным недостатком – у них невысокая скорость передачи необходимой для регуляции поведения информации. Устранение того недостатка достигается на более поздних этапах эволюции живых организмов за счет появления у них особой системы, называемой нервной, и соответствующих нервных процессов. По сравнению с гуморальными процессами нервные процессы обеспечивают как более высокую скорость передачи информации от одной системы организма к другой, так и более высокую степень надежности установления связей между ними.

С появлением нервной системы, нервных клеток и нервных волокон претерпевают изменения и рецепторные клетки. В качестве выходного сигнала, в котором представлена информация (знание) об особенностях воздействия, начинают выступать не специфические белки, а специфические потоки нервных импульсов, которые по нервным волокнам передаются далее к различным нервным клеткам, в том числе, к клеткам двигательной системы. Среди процессов, обеспечивающих получение знаний о биотических и абиотических воздействиях и регуляцию на основе этих знаний двигательной активности организма, доминирующими становятся нервные процессы. При этом значительно упрощаются механизмы реализации чувствительности как особой формы раздражимости и формирования различных условно-рефлекторных форм поведения организма.

При наличии в сенсорной системе организма нейрофизиологических механизмов кодирования параметров внешних воздействий на выходе сенсорных рецепторов формируются нервные импульсы, частоты следования которых соответствует интенсивности раздражителя [26].

Качество или модальность раздражителя определяется соответствующим типом сенсорного рецептора. Это может быть фоторецептор, хеморецептор, механорецептор и т.д.

Воздействие биотического S_b и абиотического S_a раздражителей на организм вызывает появление на выходе рецепторных клеток нервных импульсаций, соответственно, частотой f_b и f_a , которые поступают далее на входы других, нервных клеток сенсорной системы. Будучи своеобразными нейронными кодами воздействующих раздражителей, значения частот нейронных импульсаций f_b и f_a представляют собой знания S_b' и S_a' о раздражителях S_b и S_a . Если оба раздражителя будут воздействовать на организм неоднократно и одновременно, то в сенсорной системе организма постепенно будет образовываться особая нейронная клеточная структура, которая может активизироваться нервными импульсами, поступающими как от рецепторов, обеспечивающих получение знаний S_b' о биотическом воздействии, так и от рецепторов, обеспечивающих получение знаний S_a' о воздействии абиотическом. Возможность образования такого рода клеточных структур рассматривается в известной концепции "ассоциативных клеточных ансамблей" Д. Хебба [141], согласно которой две клетки или системы клеток при одновременной активации начинают связываться так, что активность одной способствует активности другой. При наличии в организме нервной системы и, в частности, нервной клетки с "возбуждающими" дендритами, выполняющими функцию суммации поступающих на них нервных импульсов, возможность образования связи между рецепторами, активизируемыми биотическим и абиотическим раздражителями, и интеграции их в единую клеточную структуру, обеспечивающую реализацию чувствительности, показана в виде схемы, представленной на рис. 7.

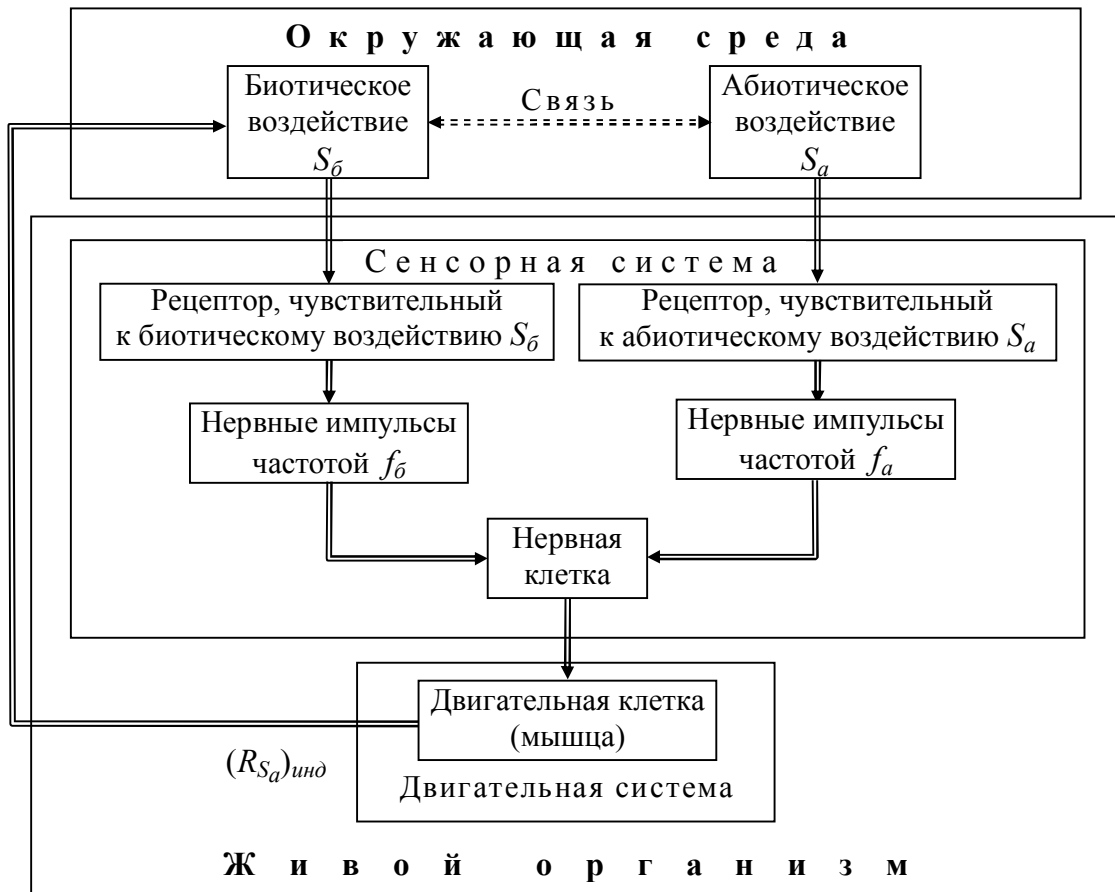

Рис. 7. Механизм реализации чувствительности (условно-рефлекторной реакции организма на абиотическое воздействие) на основе нервных процессов.

Образование в сенсорной системе подобных ассоциативных или интегративных клеточных структур позволяет, с одной стороны, полностью сохранить механизмы и возможности безусловных рефлексов, с другой – обеспечить возможность реализации различных условно-рефлекторных форм поведения. Благодаря наличию у нервных клеток как возбуждающих, так и тормозных дендритов и возможности образования дополнительных связей между разными нервными клетками, значительно расширяются функциональные возможности регуляции двигательной активности организма. Направляя нервные импульсы на тормозные дендриты нервных клеток, образующих интегративные структуры, можно полностью блокировать проявление как условных,

так и безусловных рефлексов. Подача нервных импульсов на возбуждающие дендриты этих же нервных клеток, наоборот, позволяет повысить чувствительность организма к воздействиям и облегчить проявление указанных рефлексов.

Индивидуальная условно-рефлекторная реакция $(R_{S\alpha})_{инд}$, возможность которой показана на рис. 7, хотя и вызывается действием абиотического раздражителя, но по своему содержанию и характеру является все-таки реакцией, ориентированной на воздействие биотического раздражителя. Если абиотическое воздействие на организм возникает вне связи с биотическим (либо слишком поздно, либо слишком рано), рассмотренные интегративные клеточные структуры не образуются, а те, которые были образованы, дезинтегрируются и переструктурируются. Данное явление известно в физиологии как "угасание" выработанного ранее условного рефлекса, обусловленное прекращением подачи подкрепляющего данный рефлекс биотического раздражителя [96].

Более интересное явление возникает в случае, когда подкрепляющее биотическое воздействие не прекращается, но начинает несколько задерживаться или запаздывать по отношению к абиотическому. В этом случае возникает эффект опережающей реакции организма на биотическое воздействие и создается иллюзия наличия у организма, обладающего чувствительностью, опережающей формы отражения действительности, которая считается одним из основных признаков наличия психики [7, 55]. На самом деле в этой ситуации организм реагирует не на то, что будет, а на то, что было. У организма не образуются знания о будущем, которые действительно позволили бы ему строить реакцию на опережение. Он всего лишь воспроизводит реакцию, приобретенную в прошлом индивидуальном опыте, в расчете на ту связь между абиотическим и биотическим воздействиями, которая была в прошлом и знания о которой зафиксированы в соответствующей клеточной структуре. Для получения знаний о будущем, которого еще нет, рассмотрен-

ных выше механизмов чувствительности явно недостаточно, поскольку они работают только при наличии реальных воздействий. Раз будущее еще не наступило – значит, нет и воздействий от этого будущего. Имея лишь механизмы, реализующие свойство чувствительности, организм получить знания о будущем и о воздействиях, которых нет, никак не может.

Полагая, что наличие способности к опережающему отражению действительности или, что тоже самое, способности к получению знаний о будущем, является одним из основных признаков психики, можно сделать вывод, что формы поведения организма, реализуемые на основе чувствительности, не относятся к категории психических актов. Чувствительность следует рассматривать как свойство, которое обеспечивает возможность более сложных, но, тем не менее, допсихических форм регуляции двигательной активности организма.

1.8. Формирование двигательных навыков на основе синергичности

Двигательный навык, как и условный рефлекс, не является врожденной формой поведения и приобретается организмом в ходе его жизнедеятельности. Однако в отличие от условного рефлекса, проявление которого инициируется абиотическим воздействием, связанным с биотическим, двигательный навык образуется и проявляется как реакция на воздействие множества индифферентных раздражителей, то есть таких, которые не являются ни биотическими, ни связанными с ними абиотическими раздражителями. При условном рефлексе в ответ на воздействие абиотического раздражителя происходит актуализация врожденной формы поведения, соответствующей тому биотическому раздражителю, с которым связан данный абиотический раздражитель, то есть $R_{S_a} = R_{S_b}$. При формировании двигательного навыка запуска врожденной реакции не происходит. Организм, находясь в ситуации

воздействия совокупности индифферентных раздражителей, начинает вырабатывать новые, не имеющиеся в генетической памяти формы поведения. Согласно концепции Н.А. Бернштейна [9], происходит построение движения, в координировании которого принимают участие различные "афферентационные ансамбли" и процессы, названные им процессами "сенсорного синтеза".

В отличие от биологической значимости биотических и сигнальной значимости абиотических раздражителей, которые вызывают появление, соответственно, безусловно- и условно-рефлекторных форм поведения, значимость индифферентных раздражителей, по отношению к которым вырабатываются двигательные навыки, можно обозначить как "ситуативную".

С увеличением совокупности знаний о ситуативно значимых раздражителях организм по мере закрепления форм двигательной активности, направленных на эти раздражители, приобретает дополнительный индивидуальный опыт регуляции поведения в реальных ситуациях жизнедеятельности в форме двигательных навыков.

При формировании двигательного навыка в сенсорной системе организма благодаря механизмам "сенсорного синтеза" происходит образование не только "афферентационных ансамблей" (по А.Н. Бернштейну [9]), "нервных моделей" (по Е.Н. Соколову [115]) или "информационных эквивалентов" (по П.К. Анохину [5]) воздействующих на организм раздражителей, но и своеобразной "нервной модели" всей совокупности этих раздражителей. По существу, происходит формирование нервной модели той реальной ситуации, в которой находится организм. В этой модели находят отражение не только особенности отдельных раздражителей, но и объективно существующие в этой ситуации связи между раздражителями. В свою очередь, образующиеся нервные модели ситуаций начинают выступать как регуляторы двигательной актив-

ности организма, способные запускать и корректировать ранее сформировавшиеся двигательные навыки в соответствии с той или иной возникающей в текущий момент времени ситуацией.

Двигательный навык, по существу, представляет собой индивидуально выработанную организмом способность к осуществлению определенной сложно координированной формы двигательной активности в соответствии с определенными особенностями ситуации.

Важным механизмом формирования двигательного навыка является описанный Н.А. Бернштейном механизм "сенсорных коррекций" и характерная для всех координационных процессов форма взаимоотношения между афферентными и эффекторными процессами по принципу, так называемого, "рефлекторного кольца" [9].

В концепции Н.А. Бернштейна рефлекторное кольцо представляет собой "фундаментальную форму протекания двигательного нервного процесса", которую он изображает в виде следующего "схематического четырехугольника" (см. рис. 8).

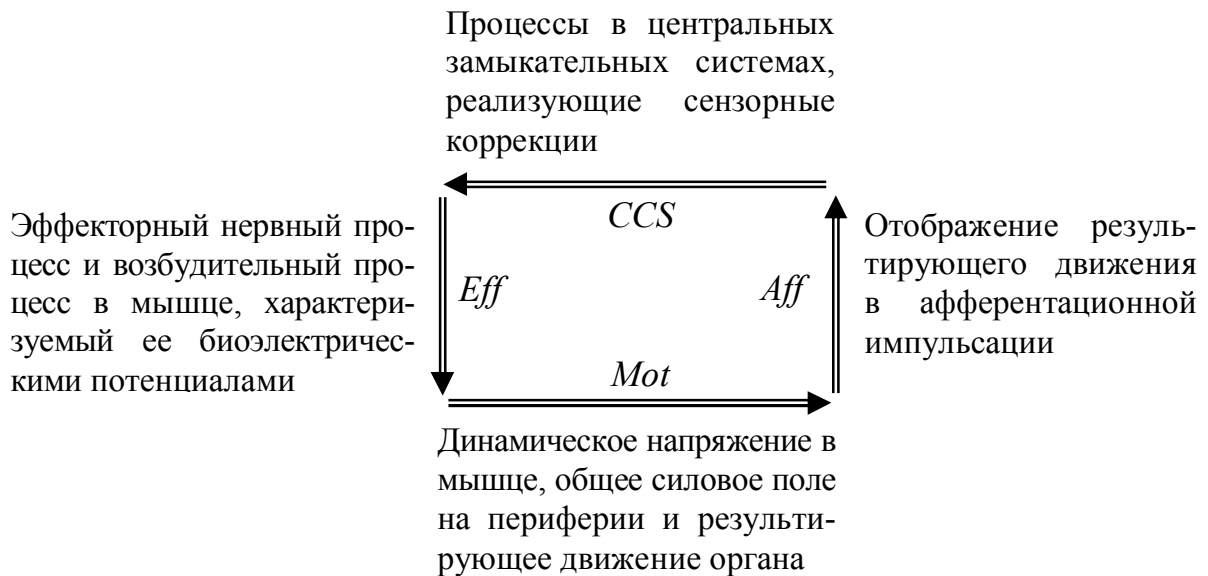

Рис. 8. Рефлекторное кольцо в регуляции двигательной активности организма согласно концепции Н.А. Бернштейна.

"Координация, – отмечает Н.А. Бернштейн, – есть не какая-то особая точность или тонкость эффекторных нервных импульсов, а особая группа физиологических механизмов, создающих непрерывное организованное циклическое взаимодействие между рецепторным и эффекторным процессом" [9, с. 31].

При различном сочетании воздействий, имеющих разные виды значимости (биологическую, сигнальную, ситуативную), у организма могут образовываться двигательные навыки различной степени сложности. При этом, очевидно, должны осуществляться и различной степени сложности "перешифровки" афферентных нервных импульсаций в соответствующие эфферентные. Как указывает Н.А. Бернштейн, "в сложных двигательных актах, реализуемых высшими кортикальными системами, сплошь и рядом требуется несколько наложенных одна на другую последовательно совершаемых перешифровок разного механизма и разного смыслового содержания" [9, с. 32].

Двигательные навыки, как и безусловные или условные рефлексы, могут запускаться автоматически при наличии соответствующих им особенностей ситуации и совокупности ситуативно значимых воздействий. Будучи воспроизведенными в других ситуациях, двигательные навыки выступают как определенные "штампы" двигательной активности или "динамические стереотипы". Образование и проявление двигательных навыков обеспечивает организму возможность минимизировать энергетические затраты во взаимодействии с окружающей средой. "Если организму, – пишет Н.А. Бернштейн, – удастся найти такие структуры движения, которые в какой-то мере удовлетворяют ... определению так называемых динамически устойчивых движений, то ... он обретает возможность прямо использовать их, к своей всесторонней выгоде... Снятие активных усилий, затрачивавшихся на гашение реактивностей, уже само по себе создает заметную экономию как чисто энергетическую, так и иннервационную, поскольку движение в соответствующих своих отрезках начинает течь само собой, не нуждаясь более в пристальном контроле и коррекции" [9, с. 70].

Механизм формирования двигательного навыка с учетом основных положений концепции Н.А. Бернштейна схематично представлен на рис. 9.

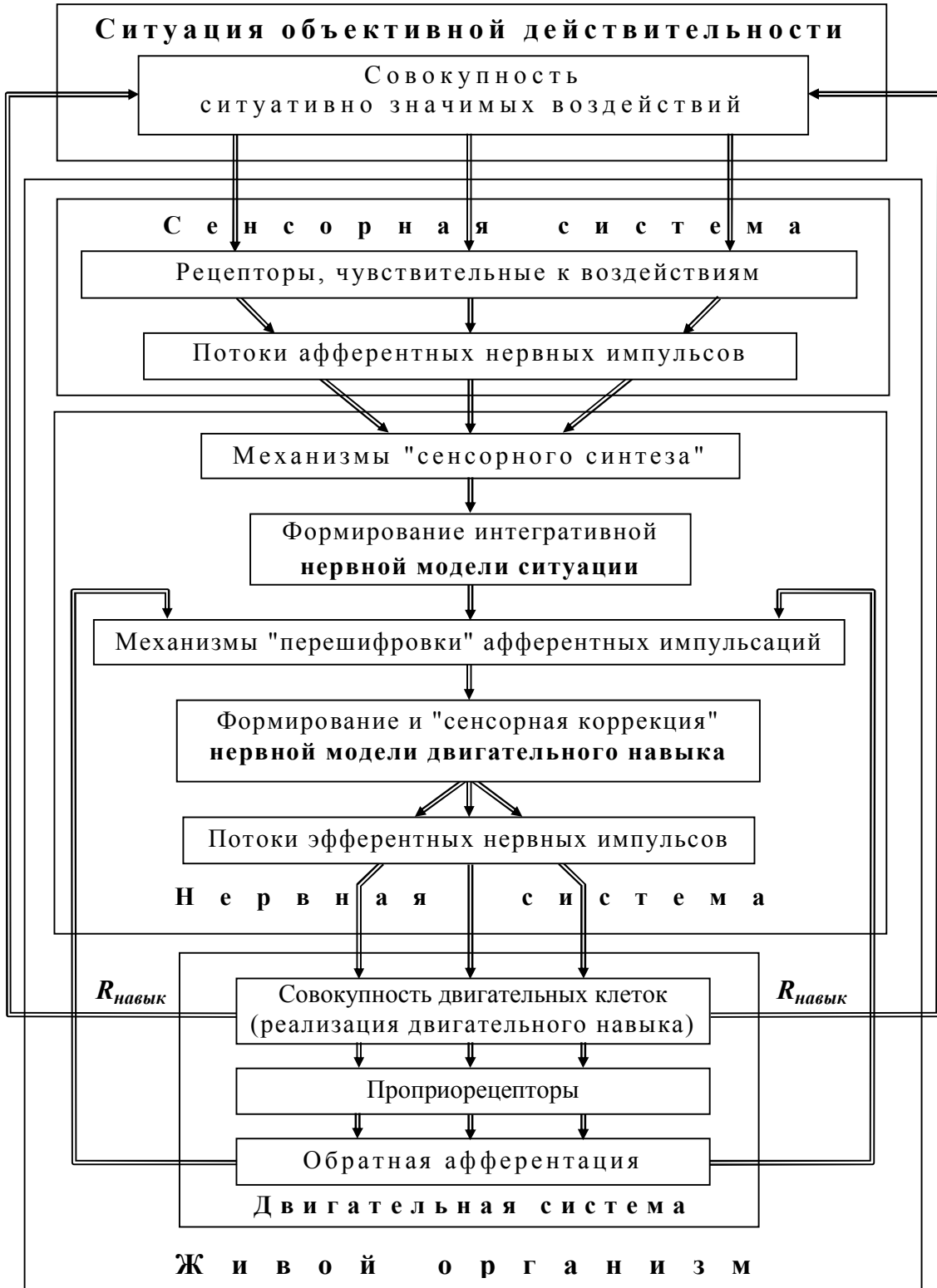

Рис. 9. Механизм формирования двигательного навыка.

1.9. Динамика эволюционного развития допсихических форм регуляции поведения

Анализ различных допсихических форм регуляции поведения живого организма показывает, что расширение функциональных, в частности, двигательных возможностей организма обуславливается, прежде всего, изменениями в условиях окружающей среды и характера взаимодействия организма со средой. В силу необходимости выработки адекватных приспособительных форм поведения в живых организмах в результате либо случайных (Ч. Дарвин [27]), либо направленных (Ж.Б. Ламарк [74]) мутаций генома и механизмов естественного отбора происходят определенные структурные и функциональные изменения. В частности, происходит появление специализированных органов и систем жизнеобеспечения (в том числе нервной системы, а затем и мозга) и соответствующих процессов (физиологических гуморальных, нервных, а затем и психических), обеспечивающих оптимизацию и координацию их функционирования.

Появление особой популяции живых организмов, которые в своем развитии вышли на новый уровень функционирования и приобрели новые более сложные и более совершенные механизмы, как отражения особенностей окружающей среды, так и регуляции своего поведения, можно охарактеризовать как появление нового этапа в эволюции живой материи. На каждом таком этапе эволюции живые организмы приобретают особые системные свойства, которые особым образом проявляются в их поведении. Как правило, и особые системные свойства организмов, и соответствующие формы их поведения получают в науке определенное наименование.

В качестве простейшего и всеобщего свойства, присущего всем живым организмам, можно указать такое свойство как раздражимость. Раздражимость присуща любой живой клетке и реализуется за счет протекающих в клетке биохимических процессов. Внешнее проявление раздражимости можно соотнести с появлением безусловного рефлекса, возникающего у организма в ответ на воздействие биотического раздражителя.

На следующем этапе эволюционного развития живые организмы приобретают свойство, именуемое чувствительностью. Чувствитель-

ность присуща многоклеточным организмам, обладающим специализированными органами и системами, в частности, рецепторными (сенсорными) и моторными (двигательными). Реализация чувствительности обеспечивается протекающими в организме физиологическими гуморальными процессами. Внешнее проявление чувствительности можно соотнести с появлением у организма условного рефлекса, который возникает в ответ на воздействие абиотического раздражителя, объективно связанного с определенным биотическим раздражителем.

Новый этап в развитии живых организмов наступает с появлением у них нервной системы и соответствующих нервных процессов. На этом этапе организмы приобретают особое системное свойство, которое, отдавая должное Н.А. Бернштейну, мы решили обозначить понятием "синергичность". В понятии "синергичность" отражается способность организма к координации, согласованию, интеграции отдельных двигательных рефлексов и выработке особых форм поведения (целостных локомоторных движений или двигательных навыков), которые Н.А. Бернштейн рассматривал как проявление уровня синергии в построении движения. "Уровень синергии, – отмечает Н.А. Бернштейн, – есть первый в филогенезе действительно централизующий, возглавляющий на одной из ступеней развития всю соматическую моторику... Уровень синергии осуществляет интеграции выполняемых им процессов, чрезвычайно обширные по охвату мускулатуры; он рожден спросом на целостные локомоторные движения" [9, с. 65].

На каждом из рассмотренных этапов эволюционного развития живых организмов регуляция поведения организмов осуществляется на основе отражения ими специфических параметров непосредственно воздействующих раздражителей и объективных связей между ними. Принимая идею Н.А. Бернштейна об уровнях построения движения, первичный уровень можно соотнести с наличием у организмов свойства раздражимости и способности к реализации безусловно-рефлекторных форм поведения. Более высоким уровнем является уровень, соотносимый с наличием чувствительности и способности к формированию условно-рефлекторных форм поведения. Третий уровень в построении и регуляции допсихических форм поведения соотносится с

наличием у организма такого свойства как синергичность, которое обеспечивает возможность согласования отдельных движений и выработки целостных сложнокоординированных двигательных навыков. Очевидно, что каждый новый этап в развитии живых организмов и новый уровень в построении форм поведения характеризуется увеличением объема и степени адекватности знаний об особенностях окружающей среды, которые организмы могут получать благодаря появлению и развитию у них биохимических, физиологических и нервных процессов. Кроме того, повышается скорость получения необходимых для построения поведения знаний и скорость самого процесса построения поведения, что, в целом, обеспечивает повышение адекватности взаимодействия организмов с окружающей их внешней средой. Однако какова бы ни была скорость процессов отражения и скорость построения поведения на основе результатов этого отражения, реализация поведения всегда будет происходить с некоторым запаздыванием относительно момента возникновения воздействий со стороны окружающей среды. Если совокупность воздействий, характеризующая особенности ситуации, в которой оказывается организм, возникает в момент времени $t = t_1$, то знания об этих воздействиях и, тем более, интегративная координированная реакция на них возникает лишь в момент времени $t = t_2$, то есть по истечению некоторого интервала времени $\Delta t = t_2 - t_1$. За это время исходная ситуация, которая была в момент времени t_1 , может существенным образом измениться. В этом случае поведение организма в новой ситуации, в которой он оказывается в момент времени t_2 , будет не адекватным этой ситуации, поскольку поведение строилось в расчете на ситуацию, которая была в момент времени t_1 . Если поведение организма будет всегда строиться на основе знаний о непосредственно воздействующих раздражителях, то есть на основе отражения объективной действительности, существующей "здесь и сейчас", то его поведение в ситуации, возникающей на момент реализации поведения, всегда будет неадекватным. И чем более быстро будет изменяться ситуация, тем более неадекватным будет поведение организма.

Чтобы поведение организма в достаточно быстро изменяющихся условиях действительности было адекватным действительности, он должен обладать особыми механизмами опережающего отражения, ко-

которые позволяют компенсировать временные задержки и запаздывания в получении знаний о новых особенностях новой действительности, в которой будет реально осуществляться его поведение. В процессе эволюции такие механизмы возникают, и их появление связано с появлением мозга, психики как особого свойства мозга и особых процессов, которые называются психическими. С появлением психики и психических процессов организмы, как носители психики, приобретают статус субъектов, способных к субъективному (психическому) отражению действительности. Способность организмов к субъективному отражению действительности и к построению психических форм поведения можно соотнести с появлением у них особого системного свойства, которое можно обозначить понятием "субъективность".

Таким образом, в динамике эволюционного развития живых организмов выстраивается следующая последовательность, приобретаемых ими системных свойств: раздражимость $\Rightarrow$ чувствительность $\Rightarrow$ синергичность $\Rightarrow$ субъективность. В динамике развития процессов, обеспечивающих наличие и проявление этих свойств, выделяются: биохимические $\Rightarrow$ физиологические гуморальные $\Rightarrow$ нервные $\Rightarrow$ психические. В развитии материальных основ указанных процессов и структурных образований организма, в которых они протекают, можно выделить: живую клетку $\Rightarrow$ специализированные органы и системы $\Rightarrow$ нервную систему $\Rightarrow$ мозг. Каждому системному свойству организма на поведенческом уровне, то есть на уровне внешнего проявления этих свойств, соответствуют свои особые формы поведения. К ним относятся: безусловные рефлексy $\Rightarrow$ условные рефлексy $\Rightarrow$ двигательные навыки $\Rightarrow$ психические формы поведения. Первые три формы поведения являются допсихическими. С появлением мозга, психических процессов и субъективности живые организмы приобретают статус субъектов (носителей психики) и начинается принципиально новый период в их эволюционном развитии – период психического развития субъекта, развития психических (субъективных) форм отражения действительности и психических форм регуляции поведения в условиях изменяющейся действительности.

Динамика эволюционного развития системных свойств, структурных и функциональных особенностей, форм поведения живых организмов, а также их соотношение показаны на рис. 10.

Этапы эволюционного развития живых организмов

Рис. 10. Динамика эволюционного развития и соотношение элементов структуры, внутренних процессов, системных свойств и форм поведения живых организмов.

ГЛАВА 2

ПСИХИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА

2.1. Понятие о психике и психической форме отражения действительности

Во всех допсихических формах регуляции поведения организма отражение параметров внешнего воздействия в рецепторной или сенсорной системе следует за воздействием, укладываясь в схему взаимодействия реактивного типа $S \Rightarrow R$. Возникающее при этом отражение воздействия в форме соответствующих изменений в биохимических, физиологических или нейрофизиологических процессах может быть достаточно адекватным, но все же оно является отражением уже прошедшего воздействия. В результате, как было показано выше, ответная реакция организма на непосредственное воздействие (на ситуацию объективной действительности) оказывается запаздывающей и потому неадекватной тем воздействиям (и той ситуации), в которой организм оказывается на момент реализации реакции или поведения.

Для того чтобы поведение организма в постоянно изменяющихся условиях действительности было адекватным, оно должно строиться не на основе знаний о воздействиях, существующих в действительности, то есть в "настоящем", а на основе знаний о воздействиях, которые будут в ситуации ближайшего будущего этой действительности. Другими словами, у организма должны быть механизмы опережающего отражения действительности – опережающего на тот интервал времени, который позволит компенсировать задержки и запаздывания в получении знаний и построении поведения, обусловленные ограничением скорости протекания в организме биохимических, физиологических и нервных процессов. Данные механизмы отражения и регуляции поведения, которые появляются у живых организмов в процессе и в результате их эволюционного развития, мы называем психическими [59, 61]. Возможность психической формы отражения и психической формы регуляции поведения обуславливается появлением у организма мозга и его особого свойства, называемого психикой. Психика, по определению,

это такое свойство мозга, которое обеспечивает возможность *получения знаний* об особенностях ближайшего будущего объективной действительности или, что то же самое, *отражения* особенностей ближайшего будущего объективной действительности [63, 65]. Если C_n – исходная ситуация "настоящего", в которой находится организм, то ситуацию ближайшего "будущего" этого настоящего можно обозначить как C_6 . Если исходная ситуация C_n за время Δt изменится на величину ΔC , то, очевидно, $C_6 = C_n + \Delta C$.

Каким же образом, с помощью каких механизмов организм может получить знания о будущих воздействиях в ситуации C_6 , если этого "будущего" и будущих воздействий в "настоящем" нет и они не могут вызывать каких-либо изменений в сенсорной системе?

Принципиальная возможность получения в "настоящем" знаний о ближайшем "будущем" вытекает, как было показано нами ранее [65], из концепции "обобщенной инерции", предложенной в работе В.В. Пименова [102]. Согласно данной концепции любой материальной системе присуще "стремление к сохранению текущего состояния по всем параметрам взаимодействий"* . Это значит, что за короткое время ситуация настоящего C_n изменится ровно настолько, насколько она за это же время изменилась относительно ситуации прошлого, которую можно обозначить как C_n . В символьной форме это можно записать в виде следующего соотношения

$$C_6 - C_n = C_n - C_n \quad (1)$$

Путем элементарных перестановок соотношение (1) приводится к виду

$$C_6 = C_n + (C_n - C_n) \quad (2)$$

---

* Интересно в связи с этим отметить высказывание А.Н. Леонтьева, прозвучавшее задолго до выхода в свет работы В.В. Пименова. На лекции по проблемам мотивации поведения человека А.Н. Леонтьев объяснял студентам: "Вот видите, когда мы говорим о динамических силах деятельности, то, действительно, можно перечислить очень много этих динамических сил. Включительно до сил инерции. Я говорю это не в фигуральном смысле. Раз начатый процесс имеет своеобразную инерционность" [79, с. 432].

Как видим, для получения знаний о ближайшем будущем (C_6') достаточно иметь механизмы получения знаний о "настоящем" (C_n') и ближайшем "прошлом" (C_n'), а также механизмы информационного синтеза, обеспечивающие реализацию функции $C_6' = C_n' + (C_n' - C_n')$. Знания C_n' о воздействиях в "настоящем", как было показано выше, организм может получать благодаря сенсорной системе и соответствующим сенсорным процессам, протекающим в ней при наличии внешних воздействий. Получение знаний C_n' о ближайшем "прошлом" может обеспечиваться наличием в организме механизмов кратковременной индивидуальной памяти. Что касается механизма информационного синтеза, то можно допустить, что именно для его реализации в организме возникает мозг с протекающими в нем сложными нервными процессами. Наличие у нервных клеток возбуждающих и тормозных дендритов позволяют им выполнять функции сложения и вычитания поступающих к ним потоков нервных импульсов.

Учитывая, что потоки нервных импульсов представляют собой форму существования знаний о воздействиях, которые многие психологи и психофизиологи предпочитают обозначать понятием "информация", можно сказать, что нервные процессы, протекающие в мозгу, и есть те самые процессы, благодаря которым осуществляется информационный синтез. Более того, коль скоро в результате этих нервных мозговых процессов образуются знания о ближайшем будущем "настоящего", их можно рассматривать в качестве материальной основы психики или материального носителя психических процессов. В связи с этим хотелось бы особо отметить, что в психофизиологических исследованиях А.М. Иваницкого [44] идея информационного синтеза мозговых процессов, как основы психических явлений, получила эмпирическое подтверждение. Анализируя данные экспериментального исследования, автор приходит к выводу, что "синтез двух видов информации – наличной и извлекаемой из памяти – и составляет тот ключевой механизм, который лежит в основе ощущения как феномена уже не физиологического, а психического уровня" [44, с. 205].

Несомненно, попытки соотнести психику и психические процессы с информационными процессами, которые реализуются в мозге на основе протекающих в нем нервных процессов, следует признать наиболее перспективными. Понимание психического процесса как информационного успешно развивается в работах как зарубежных [142], так и отечественных [31-33, 44] исследователей. "Нам думается, – пишет Д.И. Дубровский, – что трактовка психических явлений как информационных процессов, осуществляемых головным мозгом, открывает весьма широкие методологические возможности для разработки проблемы «сознание и мозг»" [33, с. 10].

Вместе с тем, следует признать, что выводы, которые делаются в рамках информационного подхода относительно механизмов, лежащих в основе психического явления как явления, отличного от физиологического, формулируются в крайне обобщенной форме. Вывод, сформулированный, например, А.М. Иваницким в силу высокой степени его обобщенности, мало чем отличается от трактовки сути "психического", данной В.М. Бехтеревым. "Очевидно, – пишет В.М. Бехтерев, – что и в объективной психологии должен быть установлен известный критерий для определения нервно-психических процессов и для отличия их от процессов непсихических *гесп.* чисто нервных. В этом отношении мы можем ограничить понятие невропсихики с объективной стороны такими отношениями организма к окружающему миру, которые предполагают переработку внешнего воздействия на основании прошлого индивидуального опыта. Всюду, где прошлый опыт дает себя знать, мы имеем уже не простой рефлекс, а психорефлекс, или невропсихику в настоящем смысле слова" [10, с. 15]. Как было нами показано [57], в качестве центральных, детерминирующих понятие "психического" в концепции В.М. Бехтерева выделяются следующие по сути именно информационные процессы: 1) образование следов от непосредственно воздействующих раздражений и 2) сочетание образующихся следов с прежними следами путем оживления последних. Однако, ни в работе

В.М. Бехтерева, ни в работе А.М. Иваницкого не раскрываются существенные нюансы самого механизма "сочетания следов" или "синтеза двух видов информации", которые позволяли бы рассматривать психический процесс как процесс опережающего отражения действительности.

Сама по себе идея опережающего отражения как механизма познания и принципа приспособления живых организмов к условиям окружающей среды не является новой. Она была выдвинута П.К. Анохиным [4]. Однако, ход рассуждений, которым воспользовался П.К. Анохин при интерпретации понятия опережающего отражения, не прояснял понимание сути "психического". В работе [55] нами было показано, что, анализируя протекание биохимических процессов в простейших организмах, П.К. Анохин фактически рассмотрел не механизмы опережающего отражения, характерные для психических процессов, а механизмы формирования опережающих реакций, основанных на тех же процессах "оживления следов прошлого опыта", на которые указывал В.М. Бехтерев. Без мозга и достаточно сложных нервных процессов, протекающих в мозге, механизмы опережающего отражения действительности не возможны.

Рассмотрим коротко суть механизмов опережающего отражения как механизмов субъективного (психического) отражения.

Допустим, имеется живой организм, и в момент времени $t = t_1$ он находится в некоторой ситуации C_1 . Поскольку ситуация C_1 существует как ситуация "настоящего", существует и множество непосредственных воздействий, оказываемых на организм. Эти воздействия в силу наличия механизмов раздражимости и чувствительности вызывают определенные изменения в биохимических и физиологических процессах организма, которые, будучи отражением соответствующих воздействий, образуют в совокупности систему знаний о существующей ситуации. Данную систему знаний можно обозначить как C_1' .

Допустим далее, что на основе знаний C_1' , начинается построение организмом поведения R , рассчитанного на ситуацию C_1 . Поскольку на получение знаний C_1' о ситуации C_1 и использование этих знаний для построения поведения R требуется определенное время Δt , исходная ситуация C_1 за это время может измениться, и к моменту реализации поведения организм может оказаться совсем в другой ситуации – ситуации C_2 . В результате поведение организма, рассчитанное на ситуацию C_1 , по отношению к новой ситуации C_2 будет неадекватным.

Чтобы поведение организма в ситуации нового "настоящего" (в ситуации C_2) было адекватным, оно должно строиться на основе знаний именно об этой ситуации, то есть на основе знаний C_2' , а не C_1' . И эти знания необходимо получить до возникновения самой ситуации C_2 . Значит, организм должен обладать не только механизмом чувствительности к воздействиям, характеризующим ситуацию объективной действительности (ситуации C_1), но и механизмом отражения ситуации ближайшего будущего этой действительности (ситуации C_2). А это значит, что он должен обладать способностью к получению знаний не только о том, что есть и оказывает непосредственное воздействие, но и о том, чего нет и что в силу своего отсутствия не может оказывать на организм никакого воздействия. Для реализации этой способности у организма появляется мозг, а протекающие в нем нервные процессы приобретают особое свойство – обеспечивать получение организмом знаний о несуществующем пока ближайшем будущем действительности. Данное свойство нервных процессов, протекающих в мозге, а, соответственно, и свойство мозга, и есть, по определению, психика.

Информационный подход к определению сущности психики позволяет рассматривать нервные процессы, протекающие в мозге и непосредственно выполняющие функцию отражения особенностей ближайшего будущего объективной действительности, как процессы, в ко-

торых проявляется единство материального (собственно, нейрофизиологического) и идеального (информационного или психического) и реально воплощается идея В.М. Бехтерева о невропсихике.

Получение знаний C_2' о ситуации C_2 осуществляется на основе, с одной стороны, знаний C_1' об исходной ситуации C_1 , как ситуации "настоящего", и, с другой стороны, знаний C_0' о ближайшем прошлом C_0 этого настоящего. Алгоритм получения необходимых знаний C_2' описывается следующим соотношением

$$C_2' = C_1' + (C_1' - C_0') \quad (3)$$

Схема, иллюстрирующая описанный механизм психического отражения действительности и формирование на его основе адекватного поведения организма в условиях изменяющейся действительности, представлена на рис. 11.

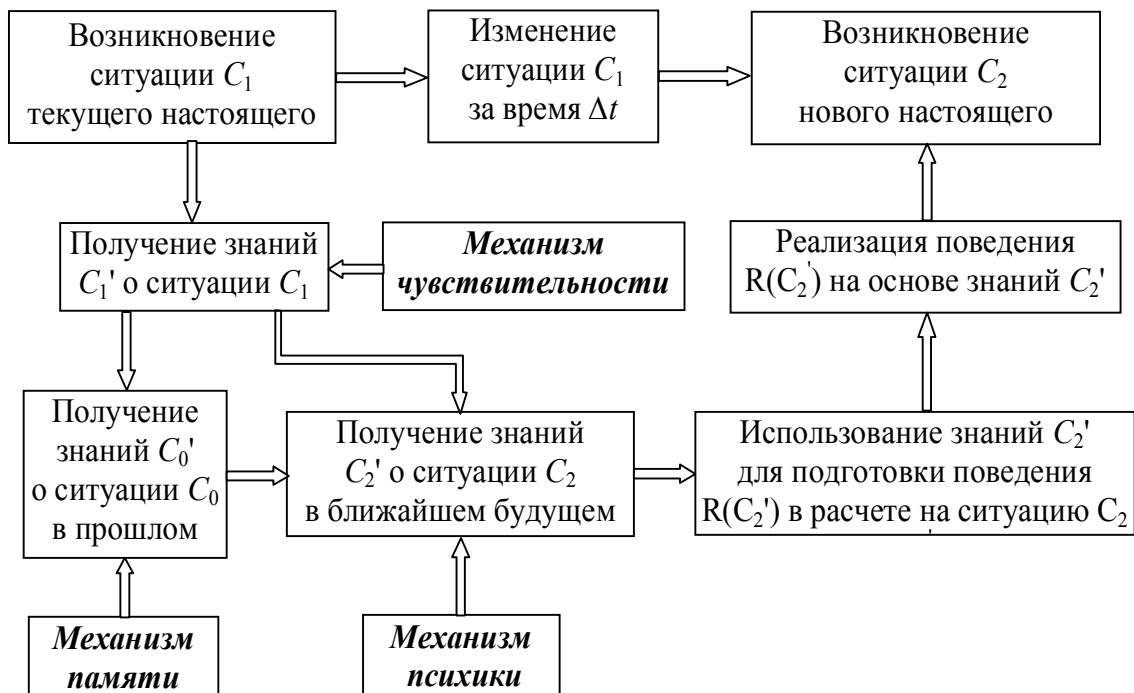

Рис. 11. Обеспечение адекватности поведения организма в изменяющейся действительности за счет механизма психики.

В несколько иной форме механизм психической формы регуляции поведения организма в условиях изменяющейся действительности представлен на рис. 12.

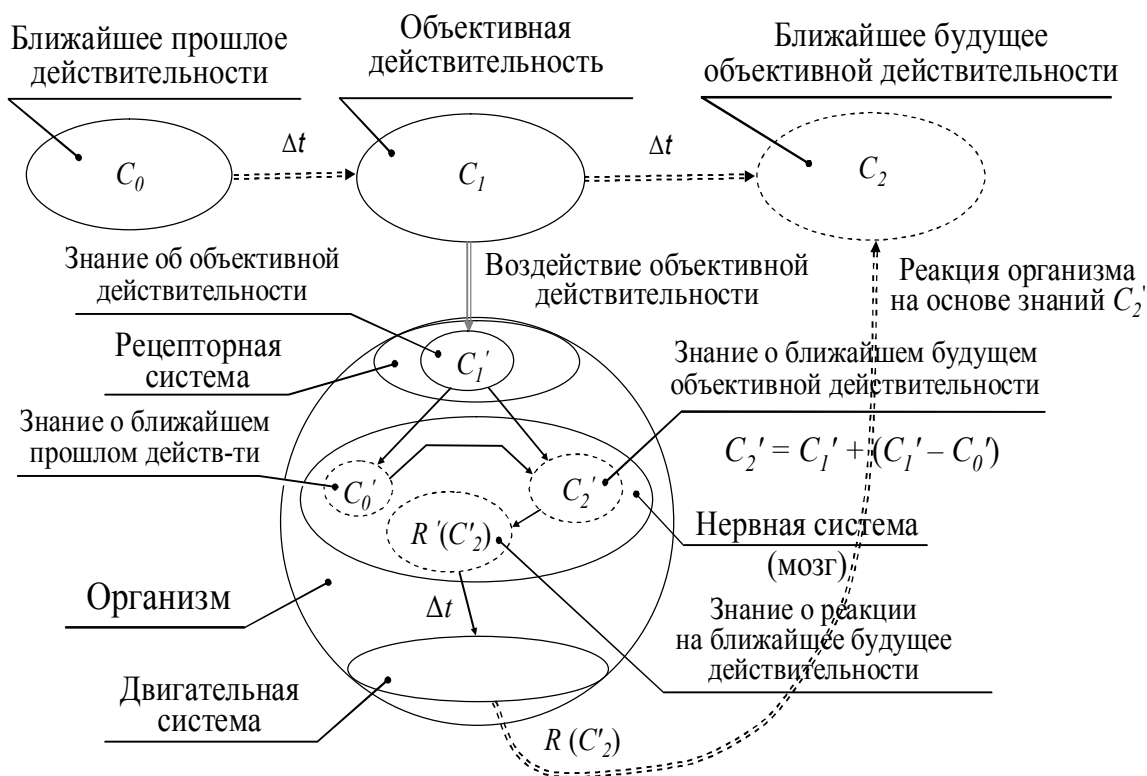

Рис. 12. Механизм психической формы регуляции поведения организма в условиях изменяющейся действительности.

2.2. Простейший психический процесс и возможные механизмы его реализации в нервной системе

Простейшим психическим процессом принято называть процесс ощущения. Рассматривая вопрос о первоначальной, исходной форме психического, А.Н. Леонтьев писал, "мы будем считать элементарной формой психики ощущение, отражающее внешнюю объективную действительность, и будем рассматривать вопрос о возникновении психики в этой конкретной форме как вопрос о возникновении «способности ощущения»" [77, с. 146]. В работе Л.М. Веккера также указывается, что "простейшим процессом, в котором проявляются все основные парадоксально-специфические характеристики психического, является ощущение. Оно составляет ту исходную область сферы психических процессов, которая располагается у границы, резко разделяющей психические и непсихические или допсихические явления" [15, с. 76].

Однако, признавая ощущение простейшим психическим процессом, нет необходимости считать, как это было сделано А.Н. Леонтьевым, что способность организма реагировать на абиотические воздействия, которая называется чувствительностью, это и есть ощущение. Придавая чувствительности статус психического процесса в форме ощущения, А.Н. Леонтьев допускает не только ошибку по существу, но и ошибку формально-логического характера, которая проявляется в его следующем утверждении: "Возникновение чувствительности связано с переходом организмов из гомогенной среды, из «среды-стихии» в вещнооформленную – в среду дискретных предметов. Теперь приспособление организмов, которое всегда, разумеется, является своеобразным отражением ими свойств среды, приобретает также форму отражения воздействующих свойств среды в их объективных связях и отношениях. Это и есть специфическая для психики форма отражения, отражение предметное" [77, с. 176]. В данном утверждении чувствительность соотносится не с отражением отдельных свойств предмета, а с предметным отражением, то есть отражением совокупности свойств предмета "в их объективных связях и отношениях". Но в таком случае чувствительность – это уже не ощущение, а, как минимум, восприятие. В качестве подтверждения тому в Большом психологическом словаре под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко в статье "Восприятие" читаем: "В *филогенезе* переход от ощущения к восприятию был обусловлен переходом живых существ от жизни в гомогенной, вещно (предметно) неоформленной среде к жизни в среде, вещно оформленной".

Так что же понимать под чувствительностью, если следовать логике А.Н. Леонтьева, – ощущение, как способность к отражению отдельных, в том числе, абиотических воздействий, или восприятие, как предметное отражение? В принципе возможен и более экстравагантный вариант – соотнести чувствительность с мышлением. Согласно определению С.Л. Рубинштейна, которое является общепринятым, "мышление – это опосредованное – основанное на раскрытии связей, отношений, опосредований – и обобщенное познание объективной реальности" [108,

с. 310]. "Задача мышления, – указывает С.Л. Рубинштейн, – заключается в том, чтобы выявить существенные, необходимые связи, основанные на реальных зависимостях, отделив их от случайных совпадений по смежности в той или иной частной ситуации... Выявляя взаимосвязи и постигая действительность в этих ее взаимосвязях, мышление глубже познает ее сущность" [108, с. 309]. Но ведь именно опосредованность отражения жизненно важных особенностей действительности и отражение этих особенностей в их объективных связях и отношениях и подчеркивается А.Н. Леонтьевым при характеристике чувствительности!

Таким образом, исходные теоретические положения, на основе которых А.Н. Леонтьев предпринимает попытку решения проблемы возникновения психики, представляются крайне уязвимыми и, по существу, не обоснованными. Для объяснения явлений, связанных с чувствительностью, как особой формы раздражимости, вполне достаточно понятий о биохимических, физиологических и нервных процессах, и нет необходимости связывать их с психическими процессами. Недостаточную обоснованность своей гипотезы прекрасно понимал и сам А.Н. Леонтьев. "Как и судьба всякого научного предположения, являющегося результатом чисто теоретического анализа, – писал А.Н. Леонтьев, – судьба выдвигаемой нами гипотезы определяется тем, в какой мере она способна служить основой для экспериментального исследования, могущего опровергнуть ее или конкретизировать и развить дальше. Пока же мы должны принять ее лишь как первую попытку, подготовляющую возможность проникнуть конкретным исследованием в эту до сих пор еще загадочную и темную проблему, ибо мы не имеем права отказываться по отношению к таким проблемам даже от самых предварительных объяснительных гипотез, хотя бы первоначально они и были очень далеки от той меры фактической обоснованности, которая возвышает гипотезу до уровня научно обоснованного положения" [77, с. 183].

Если чувствительность не есть ощущение и ее следует рассматривать как свойство организма, которое обуславливается не психически-

ми, а физиологическими или нервными процессами, то что же тогда понимать под ощущением как простейшим психическим процессом?

Принимая наше общее определение психики, как свойства мозга, благодаря которому обеспечивается получение знаний об особенностях ближайшего будущего объективной действительности, под ощущением, как простейшим психическим процессом, следует понимать такое свойство мозга, которое обеспечивает возможность получения знаний о ближайшем будущем самых простых свойств объектов и явлений объективной действительности. К ним относятся такие свойства, которые, проявляясь, могут оказывать непосредственное воздействие на рецепторы органов чувств, имеющихся у организма. В частности, это – световые и звуковые свойства, воздействующие на органы зрения и слуха и вызывающие появление, соответственно, зрительных и слуховых ощущений. Это и запахи, воздействующие на орган обоняния и отражаемые в обонятельных ощущениях. Собственно для получения знаний о простейших жизненно важных свойствах объектов и явлений действительности и образовались в организме соответствующие органы чувств, и появилась рецепторная (сенсорная) система.

В дальнейших рассуждениях мы будем исходить из того, что информация об интенсивности любого внешнего воздействия кодируется в рецепторах сенсорной системы, в виде потоков нервных импульсов определенной частоты [26, 103]. Способность рецепторов к частотному преобразованию энергии внешнего воздействия эмпирически установлена и неоднократно подтверждалась в многочисленных нейрофизиологических исследованиях. Было установлено, что в первом приближении частота нейронной импульсации на выходе рецептора, подвергаемого воздействию, пропорциональна логарифму интенсивности оказываемого на рецептор воздействия:

$$f = a \cdot \log J + b \quad (4)$$

где: f – частота нервных импульсов на выходе отдельного рецептора;

J – интенсивность воздействия, оказываемого на рецептор;

a и b – некоторые константы, численные значения которых определяются особенностями (типом) рецептора.

Такое же соотношение между интенсивностью воздействия и частотой нейронных импульсаций имеет место и в центральных отделах нервной системы. В работе известного нейрофизиолога Р. Гранит указывается, в частности, что "... трансформированные частотные комплексы, хотя они, возможно, и теряют некоторые свои особенности, рассматриваемые как первичное отражение интенсивности раздражителя в виде частоты импульсов, могут тем не менее сохранить это соотношение между интенсивностью и частотой в общей форме" [26, с. 227]. Анализируя нейрофизиологические механизмы психики, А.Н. Леонтьев также приходит к выводу, что сохранение частотного кода нервных процессов на всем их пути "... составляет необходимое условие деятельности коры. Иначе взаимодействие нервных процессов, отвечающих разнокачественным раздражителям, было бы невозможно" [77, с. 192].

Соотношение (4) показывает, что для получения знаний о ближайшем будущем интенсивности некоторого воздействия J_1 в нервной системе должны быть сформированы потоки нервных импульсов частотой $f_2 = a \cdot \log J_2 + b$. Однако поскольку воздействия интенсивностью J_2 нет, для получения импульсаций частотой f_2 рецепторные механизмы не пригодны.

Для поиска других механизмов следует учесть, что при изменении интенсивности воздействия на величину ΔJ частота нервных импульсов также будет изменяться на некоторую величину Δf . В связи с этим искомое значение для f_2 можно записать в виде соотношения

$$f_2 = f_1 + \Delta f \quad (5)$$

Из соотношения (5) следует, что нейронные импульсации с частотой f_2 можно получить путем добавления к импульсациям частотой f_1 , возникающим в рецепторной системе в ответ на внешнее воздействие интенсивностью J_1 , импульсаций частотой Δf .

Если интенсивность внешнего воздействия изменяется, но не очень быстро, то в пределах достаточно короткого времени это изменение можно считать равномерным. Это означает, что интенсивность воздействия изменится в ближайшем будущем (через время Δt) по сравнению

с настоящим настолько же, насколько она изменилась за этот же период времени по сравнению с ближайшим прошлым. Соответственно, можно записать:

$$(J_{\text{бл. буд}} - J_{\text{наст}}) \approx (J_{\text{наст}} - J_{\text{бл. пр}}) = \Delta J \quad (6)$$

Поскольку изменение интенсивности воздействия ΔJ вызывает в нервной системе соответствующее изменение частоты нейронных импульсаций Δf , соотношение (6) можно записать следующим образом

$$\Delta f = f_{\text{н}} - f_{\text{бл. пр}} \quad (7)$$

Подставляя найденное значение Δf в соотношение (5) и учитывая, что $f_1 = f_{\text{н}}$, а $f_2 = f_{\text{бл. буд}}$, окончательно получаем

$$f_{\text{бл. буд}} = f_{\text{н}} + (f_{\text{н}} - f_{\text{бл. пр}}) \quad (8)$$

Если в нервной системе существуют механизмы, позволяющие проделывать с нейронными импульсациями операции, указанные в соотношении (8), и таким образом получать знания о ближайшем будущем воздействия, которого еще нет, то, по определению, данная нервная система обладает свойством, называемым психикой. Реализуемый при этом информационный процесс, описываемый соотношением

$$J'_{\text{бл.буд}} = J'_{\text{наст}} + (J'_{\text{наст}} - J'_{\text{бл.пр}}) \quad (9)$$

есть не что иное, как простейший психический процесс, то есть ощущение.

Какие же механизмы в нервной системе могут обеспечивать реализацию соотношения (9) и, соответственно, реализацию ощущения?

Анализ соотношения (9) показывает, что для реализации ощущения в нервной системе должны быть как минимум четыре механизма.

Прежде всего, это, конечно же, механизм рецепции, благодаря которому в рецепторной (сенсорной) системе осуществляется преобразование энергии внешнего воздействия $J_{\text{наст}}$ в частоту нейронных импульсаций $f_{\text{наст}}$ и получение знаний о настоящем этого воздействия, то есть знаний о $J'_{\text{наст}}$.

В качестве второго механизма следуют указать механизм кратковременной памяти, благодаря которому нейронные импульсации $f_{\text{наст}}$,

соответствующие $J_{наст}$, могут сохраняться в нервной системе и затем по истечению времени Δt воспроизводиться, но уже в статусе импульсаций $f_{\text{бл.нр}}$, соответствующих знанию о прошлом воздействии $J_{\text{бл.нр}}$. Реализация данного механизма может осуществляться с использованием специального вставочного "тормозного" нейрона, выполняющего функцию линии задержки. Нервные импульсы, поступающие на вход такого нейрона с некоторой частотой f , появляются на его выходе с такой же частотой, но с задержкой на некоторое время Δt . Очевидно, что при воспроизведении через время Δt задержанные нейронные импульсации по отношению к новым импульсациям, поступающим в это время на вход "тормозного" нейрона, будут уже импульсациями прошлого.

Третьим механизмом является механизм определения разницы в частотах нейронных импульсаций, образующихся, с одной стороны, в рецепторной системе и соответствующих $J'_{наст}$, и, с другой стороны, на выходе "тормозных" нейронов, которые соответствуют $J'_{\text{бл.нр}}$. Реализация данного механизма может осуществляться благодаря наличию у нейронов двух типов дендритов – возбуждающих и тормозных. При поступлении нервных импульсов на возбуждающие дендриты активность нервной клетки увеличивается, то есть увеличивается частота нейронных импульсаций на ее выходе. Если нервные импульсы поступают на тормозные дендриты, то активность нервной клетки снижается, и чем больше частота поступающих импульсов, тем ниже активность нервной клетки и ниже частота нервных импульсов на ее выходе. При одновременном поступлении на возбуждающие дендриты нервных импульсов частотой $f_{наст}$ и на тормозные дендриты нервных импульсов частотой $f_{\text{бл.нр}}$ частота нейронной импульсации на выходе нервной клетки будет соответствовать разнице Δf , определяемой соотношением (7).

Ну и, наконец, четвертый механизм – это механизм суммирования нейронных импульсаций частотой $f_{н}$ и частотой Δf , который может быть реализован путем одновременной подачи этих импульсаций на возбуждающие дендриты нервной клетки. Благодаря этому механизму

обеспечивается получение нейронных импульсаций частотой $f_{\text{бл.буд}}$, соответствующей знанию $J'_{\text{бл.буд}}$ о ближайшем будущем интенсивности внешнего воздействия $J_{\text{наст}}$.

Общая схема возможного механизма реализации ощущения, как особого свойства нервной системы получать знание о ближайшем будущем внешнего воздействия, и использование этих знаний в регуляции поведения организма представлена на рис. 13.

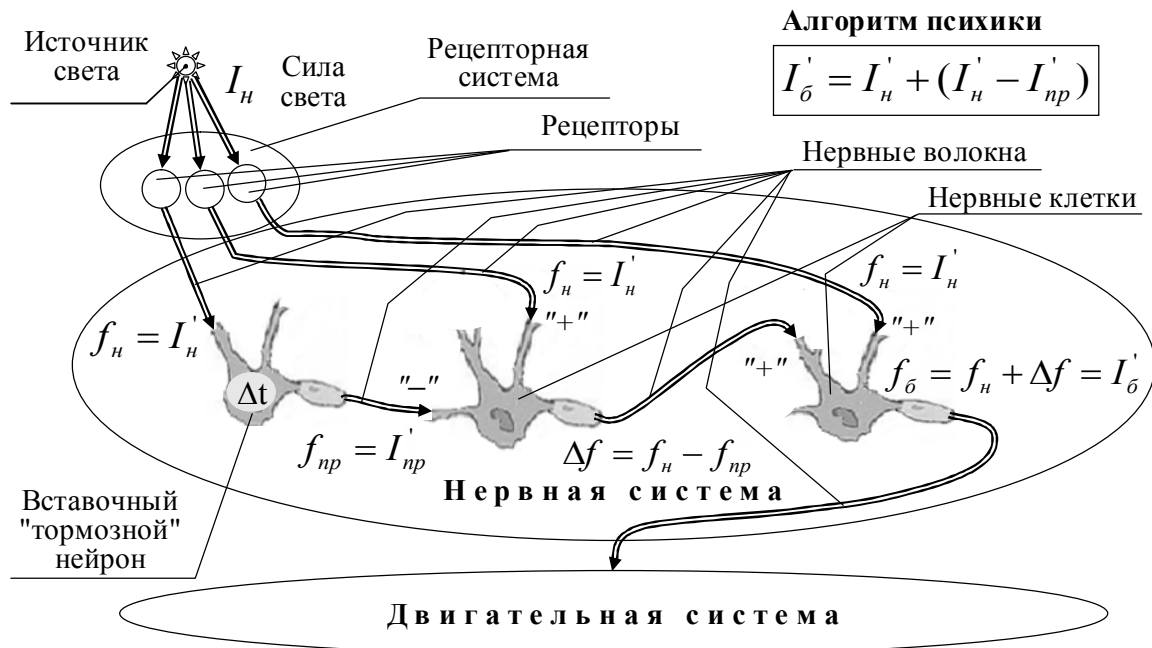

Рис. 13. Возможные нейрофизиологические механизмы простейшего психического познавательного процесса – ощущения.

2.3. Виды психических процессов и их функции в регуляции поведения

Для осуществления адекватного поведения в ситуации ближайшего будущего организму недостаточно получить знания о тех особенностях объектов и явлений действительности, которыми они в действительности (объективно) обладают и будут обладать в ближайшем будущем. Как мы уже отмечали в наших более ранних публикациях [68, 70], организм должен иметь возможность получать знания не только о таких свойствах объектов и явлений ближайшего будущего, которые

относятся к категории объективных, то есть действительно им присущих, но и, так называемых, "субъективных" свойств. К "субъективным" относятся свойства объектов и явлений действительности, которые "привязаны" к субъекту и возникают лишь в связи с появлением субъекта.

Нами были выделены два вида "субъективных" свойств объектов и явлений действительности:

а) значимость объектов и явлений для субъекта;

б) возможность реализации по отношению к объектам и явлениям определенных форм поведения субъекта.

Учитывая выделение в психологии трех видов психических процессов (познавательных, эмоциональных и волевых), логично допустить, что объективные свойства объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности отражаются благодаря познавательным психическим процессам, а субъективные – благодаря эмоциональным и волевым. Причем отражение значимости объектов и явлений обеспечивается эмоциональными психическими процессами, а возможных форм поведения – волевыми.

Следует отметить, что если с определением познавательных психических процессов, как процессов отражения свойств, реально присущих объектам и явлениям действительности, а также с определением эмоциональных процессов, как процессов отражения субъективной значимости этих свойств для организма, особых проблем не возникает, то с определением сущности и специфики волевых психических процессов проблем более чем достаточно [46]. Вплоть до того, что волевые процессы вообще не рассматривались как процессы психического отражения или имеющие к отражению какое-либо отношение.

В лекциях по общей психологии, посвященных проблемам воли, А.Н. Леонтьев, например, предпочитал говорить не о волевых процес-

сах, а о волевых действиях, которые отличаются от других целеподчиненностью и целенаправленностью. Вот как он характеризовал волевые процессы: "Волевые процессы (я предпочитаю говорить – волевые действия) противопоставляются и отличаются от всех тех процессов, которые не имеют признака целеподчиненности" [78, с. 4]. Он утверждал также, что волевой психический процесс "отличается от любого другого процесса тем, что это есть действие, то есть процесс целенаправленный" [80, с. 483].

В работе С.Л. Рубинштейна "Основы общей психологии", ставшей классической и признаваемой в качестве одного из лучших учебников по общей психологии, глава, посвященная воле, начинается словами: "Всякое волевое действие является целенаправленным действием" [108, с. 587]. И далее везде речь идет именно о волевых действиях и волевых актах поведения. Словосочетание "волевой процесс" используется С.Л. Рубинштейном лишь при сопоставлении волевых процессов с интеллектуальными и эмоциональными процессами. Однако специфика волевого процесса, как процесса психического отражения, не рассматривается.

Не способствует пониманию сути волевого процесса, как психического процесса, указание С.Л. Рубинштейна на то, что "один и тот же процесс может быть (и обыкновенно бывает) и интеллектуальным, и эмоциональным, и волевым" [108, с. 587], а также на то, что "изучая волевые процессы, мы изучаем волевые компоненты психических процессов" [Там же]. Введение понятия о "волевых компонентах психических процессов" фактически вообще лишает волевые процессы статуса особых психических процессов. В качестве особых видов психических процессов оказываются лишь интеллектуальные и эмоциональные процессы. Только они могут содержать "волевые компоненты". Говорить о том, что "волевые компоненты" могут содержаться в волевых психиче-

ских процессах, равнозначно высказыванию о том, что в воде содержится вода или молекулы воды.

Волевые процессы лишаются статуса процессов психического отражения и в работе Н.И. Чуприковой, где утверждается, что "к этим процессам понятие отражения не применимо, они сами по себе ничего не отражают" [128, с. 8]. Волевые процессы Н.И. Чуприкова рассматривает как процессы, "которые согласуют между собой, координируют и интегрируют процессы отражения, имеющие разное содержание и разные источники" [Там же].

Более интересным, представляется определение воли, данное П.А. Гольбахом – французским философом-материалистом, который писал: "Воля – это модификация нашего мозга, благодаря которой он способен к действию, то есть может двигать органы тела так, чтобы добывать себе то, что модифицирует его соответствующим его бытию способом, или же устранять то, что вредит ему" [25, с. 211]. В этом определении воля и, соответственно, волевые процессы не отождествляются с действием, а рассматриваются как особое свойство или особая "модификация" мозга. Волевой процесс выступает здесь как условие, как внутренний механизм действия, но не само действие. Данное положение находится в полном соответствии с одним из основных принципов психологии, сформулированных С.Л. Рубинштейном, – принципом единства (но не тождественности) психики и поведения.

Близкая по сути точка зрения на механизм действия, в которой разграничиваются само действие и те внутренние процессы, которые лежат в его основе, представлена в работе Дж. Гибсона [22]. Разрабатывая "экологический подход" к теории зрительного восприятия, Дж. Гибсон, указывает на наличие в организме механизмов получения предварительных знаний о действиях, которые он может совершить по отношению к объектам окружающей его действительности. Для обо-

значения этих механизмов Дж. Гибсон в отличие от П.А. Гольбаха не использует понятие о воле. Он вводит новое понятие "эффорданс" (affordance), под которым понимается возможность совершения организмом определенной локомоции или манипуляции, которую ему предоставляет объект действительности, находящийся с ним во взаимодействии, и которую организм в этом взаимодействии может непосредственно воспринимать. "Восприятие чего-либо, – пишет Дж. Гибсон, – это вместе с тем и восприятие того, как можно к этому приблизиться и что с ним можно делать" [22, с. 320]. Как видим, функцию получения знаний о возможных формах поведения организма по отношению к объектам действительности, которую мы приписываем волевому психическому процессу, Дж. Гибсон приписывает процессу восприятия. Однако не трудно заметить, что в начале и в последующей части высказывания Дж. Гибсона смысловые значения терминов "восприятие" не одинаковы. В начале термин "восприятие" используется в узком традиционном для психологии значении, характеризующем процесс получения знаний об отдельных объектах действительности при их непосредственном воздействии на органы чувств. Во втором случае значение термина "восприятие" значительно расширяется. Фактически имеется в виду процесс получения знаний в самом широком смысле. Но ведь и волевой психический процесс, коль скоро он является процессом отражения, есть процесс получения знаний. Только не об объективных свойствах объектов и явлений действительности, а о возможных действиях субъекта по отношению к ним. В связи с этим можно сказать, что Дж. Гибсон был буквально "в одном шаге" от определения волевого процесса как процесса получения знаний о возможных действиях субъекта.

Схема, иллюстрирующая механизмы психической формы регуляции поведения организма, обладающего психикой и соответствующими

познавательными, эмоциональными и волевыми психическими процессами, представлена на рис. 14.

Рис. 14. Место и роль познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов в психической форме регуляции поведения субъекта (носителя психики) в условиях непрерывно изменяющихся условиях среды.

Учитывая, что психика имеет разные уровни и, соответственно, стадии развития, можно, очевидно, выделить для каждого из уровней психики отдельные виды психических форм регуляции поведения ор-

ганизмов. Взаимосвязь последовательных стадий в развитии психики с усложняющимися формами взаимодействия организма с окружающей средой и с формами регуляции поведения была убедительно показана А.Н. Леонтьевым [77], который, как известно, выделял четыре стадии в развитии психики:

- 1) стадию элементарной сенсорной психики;
- 2) стадию перцептивной психики;
- 3) стадию интеллекта;
- 4) стадию сознания.

Несмотря на несколько иное, чем у А.Н. Леонтьева, понимание понятия "психика", мы вполне можем сохранить предложенную им классификацию стадий в развитии психики и рассмотреть особенности психической формы регуляции поведения на каждой из указанных стадий с поправкой на новое понимание психики и сознания.

2.4. Регуляции сенсо-моторного поведения на стадии элементарной сенсорной психики

В нашем представлении уровень элементарной сенсорной психики связан с развитием ощущений, благодаря которым происходит отражение ближайшего будущего отдельных свойств объектов и явлений действительности, непосредственно воздействующих на органы чувств. Однако процессы ощущения – это всего лишь познавательный психический процесс. Психика же характеризуется единством и неразрывностью трех видов психических процессов – познавательных, эмоциональных и волевых.

Еще Г.И. Челпанов указывал на то, что "всякий душевный акт, самый простой и самый сложный, состоит из трех составных частей – интеллектуальной, эмоциональной и волевой, нераздельно связанных между собою" [125, с. 63]. Причем он рассматривал взаимоотношения "душевных явлений" именно с психогенетической точки зрения. Полагая, что "организм состоит как бы из двух частей – рецепирующей (сенсорной – А.К.) и активной (двигательной – А.К.)", Г.И. Челпанов

видел причину движения организма в ответ на воздействие раздражителя в присоединении к процессам ощущения воздействия (момент рецептивный) какого-либо чувства – удовольствия или страдания. "Соединяясь друг с другом, – пишет Г.И. Челпанов, – процессы ощущения и чувство приводят организм в определенное движение (момент активный). Чувства, таким образом, являются связывающим звеном между ощущением и волевым движением" [125, с. 61].

Однако в качестве элементарного эмоционального процесса мы будем рассматривать не чувство, а эмоцию, под которой будем понимать процесс отражения субъективной значимости того, что отражается в процессах ощущения и восприятия, то есть в процессах непосредственного чувственного познания. Эмоция, таким образом, представляет собой отражение значимости "непосредственно отражаемого", то есть того, что субъективно воспринимается как существующее "здесь и сейчас". Этим, между прочим, объясняется их небольшая длительность по сравнению с другими видами эмоциональных процессов – чувством и переживанием, которые связаны с отражением значимости "представляемого" (того, что уже было или только может быть) и, соответственно, "осознаваемого" [58].

В качестве простейшего волевого психического процесса на элементарном уровне развития психики мы будем рассматривать так называемый "простой" волевой процесс. К сожалению, в психологии в силу недостаточной изученности волевых процессов нет особых терминов для обозначения их видов, отличающихся по степени сложности. "Простым" волевым процессом мы будем называть процесс получения субъектом знаний о возможном продолжении действия (поведения) в ближайшем будущем в ходе его непосредственного выполнения в "настоящем" [69]. По существу, речь идет о способности организма не только к опережающему отражению ситуации, но и к построению соответствующей опережающей модели поведения в предстоящей ситуации.

Следует отметить, что волевое действие как действие предвидимое рассматривал в свое время У. Джеймс. Однако он не представлял, как можно предвидеть то, чего никогда не было. "Мы не обладаем пророческим даром предвидеть, какие движения мы можем произвести, – отмечает У. Джеймс, – точно так же, как мы не можем предугадать ощущения, которые нам предстоит испытать" [29, с. 314]. В связи с этим первым условием, предваряющим возможность возникновения волевого действия, он считал "предварительное накопление идей (*имеется в виду идеи о движениях – А.К.*), которые остаются в нашей памяти после того, как мы неоднократно произведем соответствующие им движения произвольным образом" [Там же].

В настоящее время, зная механизмы опережающего отражения действительности, мы можем позволить себе рассматривать в качестве "простого" волевого процесса именно процесс предвидения того, как будет или как должно продолжаться начатое действие в зависимости от изменения условий, в которых это действие совершается.

В отличие от "простого", "сложным" волевым процессом мы будем называть процесс отражения возможных действий (форм поведения) в ситуации ближайшего будущего без их непосредственного выполнения в "настоящем". Наличие сложного волевого процесса обеспечивает субъекту возможность:

- а) выбора одной из форм поведения, имеющихся в индивидуальном опыте;
- б) предварительной оценки адекватности и значимости возможных результатов поведения;
- в) выбора более эффективной формы поведения, наиболее адекватной условиям ближайшего будущего.

Одним из наиболее существенных и трудных моментов в понимании и интерпретации сущности волевых процессов является понятие о "волевом усилии" и механизмах инициации или запуска необходимого

действия. Однако эта проблема возникает в явной форме, когда мы начинаем рассматривать регуляцию поведения на основе "сложного" волевого процесса. При рассмотрении "простого" волевого процесса поведение уже является запущенным и фактически речь идет о его непрерывной коррекции. Тем не менее, и в этом случае следует иметь в виду наличие достаточной силы побуждения к воплощению откорректированных знаний о поведении. В качестве такой побудительной силы можно рассматривать не что иное, как эмоцию.

Эмоция в форме субъективной значимости поведения в ситуации ближайшего будущего может выполнять функцию побуждения данного поведения не хуже, чем врожденные потребности. Сила эмоции выражается в интенсивности соответствующих нейрофизиологических процессов, протекающих в мозге. Для инициации процедуры коррекции поведения достаточно, чтобы интенсивность нейронных импульсаций, лежащих в основе эмоции, превышала определенное пороговое значение. В этом случае могут активизироваться находящиеся под их воздействием нейронные системы, через которые должны проходить потоки нервных импульсов в двигательную систему, снижаться порог для прохождения этих потоков нервных импульсов, и, таким образом, иницироваться необходимое действие.

Идея "порогового" механизма в инициации "представления о действии" была высказана тем же У. Джеймсом. В образной метафорической форме он соотнес механизм инициации одного из альтернативных действий с прорывом плотины. "Если плотина прорвана и нервные токи быстро пронизывают мозговую кору, – писал У. Джеймс, – колебания (*между двумя возможными в будущем альтернативами действия* – А.К.) прекращаются и наступает решение" [29, с. 328].

Схема, поясняющая механизмы регуляции поведения субъекта на основе простейших психических процессов, представлена на рис. 15. Саму же форму поведения на этом уровне развития психики можно назвать "сенсомоторной".

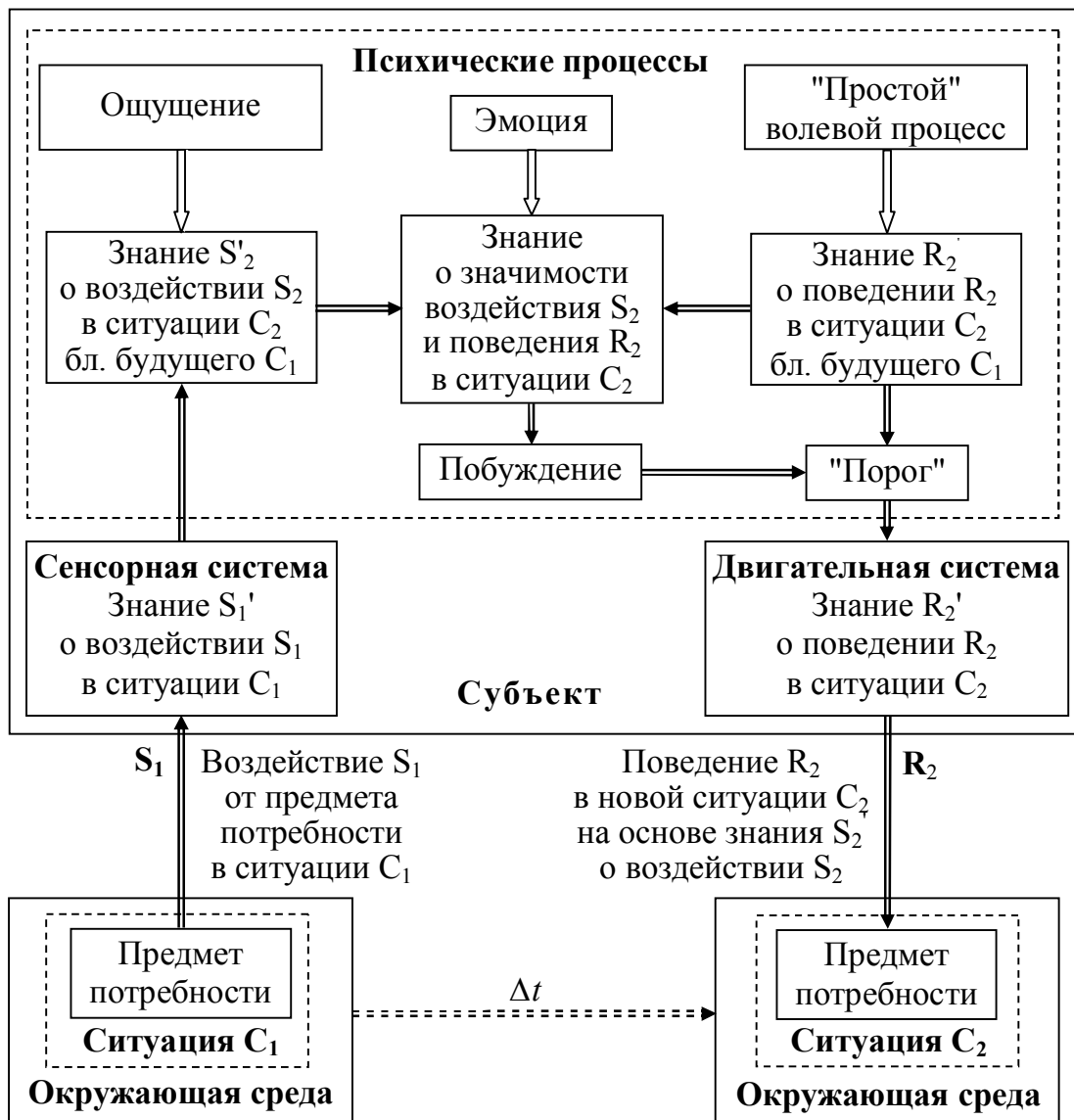

Рис. 15. Механизм регуляции сенсомоторной формы поведения субъекта на основе простейших психических процессов (ощущения, эмоции и "простого" волевого процесса).

2.5. Регуляция предметно-манипулятивной формы поведения на стадии перцептивной психики

Уровень перцептивной психики связан с развитием процессов восприятия, благодаря которым обеспечивается субъективное отражение ближайшего будущего отдельных объектов действительности в совокупности их свойств и качеств, но, как и в ощущении, при их непосредственном воздействии на органы чувств. Предметно-манипулятивная

форма поведения на этом уровне развития психики в отличие от сенсомоторной осуществляется в отношении целостного объекта, выделяемого в ситуации ближайшего будущего, который имеет для организма определенную субъективную значимость. При этом в целостной структуре механизмов регуляции предметно-манипулятивного поведения эмоция и "простой" волевой психический процесс представлены так же, как в структуре механизмов регуляции сенсомоторного поведения. Однако в силу большей сложности целостного объекта по сравнению с его отдельными свойствами, содержание и характер действий, отражаемых с помощью "простого" волевого процесса, существенно изменяется. Если на сенсомоторном уровне это были в основном действия в форме локомоций, то есть связанных с перемещением организма, то здесь поведение представлено наличием действий в форме манипуляций, под которыми мы понимаем такие действия, в состав которых входят движения, связанные с перемещением предметов, но ориентированные лишь на их внешние физические свойства и качества.

Еще одна существенная особенность регуляции поведения на перцептивном уровне развития психики связана с наличием такого свойства восприятия как апперцепция, под которым понимается зависимость процесса восприятия и, соответственно, образа восприятия от содержания предшествующего индивидуального опыта [105]. Благодаря механизму апперцепции у организма появляется возможность переноса двигательных навыков, полученных при взаимодействии с одним объектом, на другой объект со сходными признаками или свойствами.

Допустим, что в некоторой ситуации "прошлого" организм взаимодействовал с объектом A , который обладал совокупностью некоторых свойств a_1, a_2, a_3, a_4 и a_5 , и совершал по отношению к нему действие R_A . Если в ситуации "настоящего" организм начинает взаимодействовать с объектом B , у которого обнаруживаются ряд аналогичных свойств, например $b_1=a_1, b_2=a_2$ и $b_3=a_3$, а остальные свойства (b_4 и b_5) в силу условий ситуации "настоящего" оказываются неопределенными, то благодаря апперцепции объект B будет восприниматься как A . В связи с этим будет актуализироваться знание о прошлой форме поведения R_A , которая при достаточном уровне ее субъективной значимости и будет реализована по отношению к объекту B . С одной стороны, конечно же,

возникновение в восприятии вместо образа объекта *B* образа объекта *A* и поведение в отношении объекта *B* как в отношении объекта *A* следует рассматривать как нарушение адекватности и восприятия, и поведения. С другой стороны, объект *B* мог бы оказаться и идентичным объекту *A*, если бы условия ситуации "настоящего" позволили доопределить и остальные его свойства и они оказались бы такими же как у объекта *A*, то есть $v_4=a_4$ и $v_5=a_5$. Но даже при неидентичности объектов наличие определенного сходства между ними позволяет организму хоть как-то использовать свой прошлый опыт, и, корректируя выполняемые действия по ходу их выполнения, приобретать опыт новых действий, как со сходными, так и новыми объектами.

2.6. Регуляция разумного поведения на основе интеллекта

Разумные формы поведения живых существ осуществляется при достижении психики уровня развития, который характеризуется:

а) развитием познавательных психических процессов до уровня мышления;

б) наличием эмоциональных психических процессов не только в форме эмоций, но и в форме чувств;

в) наличием "сложных" волевых психических процессов.

Чтобы разобраться в механизмах регуляции поведения на этом уровне развития психики, необходимо, прежде всего, определиться с понятием "мышление". Так уж получилось, что в психологии и это понятие не имеет удовлетворительного, внутренне непротиворечивого определения, что, на наш взгляд, связано, во-первых, с необоснованным признанием монополюльной принадлежности мышления только человеку и, во-вторых, с отсутствием четкого разграничения в использовании по отношению к мышлению терминов "процесс" и "деятельность".

Типичная точка зрения на природу мышления представлена в высказываниях Л.М. Веккера, который полагает, что "если все предшествующие уровни и формы образной ("чувственной") психики действительно являются результатом общебиологической фазы эволюции ..., то по отношению к мышлению ситуация обратная. Совместная деятельность и общение ... являются необходимой причиной или предпо-

сылкой, а мышление – следствием или результатом" [15, с. 169]. По мнению Л.М. Веккера, биологическая детерминация эволюционного развития психики ограничивается лишь уровнем развития сенсорно-перцептивных процессов. Далее она дополняется детерминацией социальной, которая и становится непосредственной предпосылкой и главным фактором развития мыслительных процессов.

А.Н. Леонтьев также считал, что развитие "мышления в собственном смысле" есть развитие человеческого мышления. По определению А.Н. Леонтьева, мышлением в "собственном значении слова" называется процесс "сознательного отражения действительности в таких объективных ее свойствах, связях и отношениях, в которые включаются и недоступные непосредственному чувственному восприятию объекты" [77, с. 233].

В разных учебниках и фундаментальных работах по общей психологии (см., например, [85, 108]) при определении мышления обычно указываются следующие его характеристики:

- мышление – это отражение связей и отношений объектов и явлений действительности;
- мышление – это обобщенное и опосредованное отражение;
- мышление – это процесс, направленный на решение задач;
- мышление – это процесс, неразрывно связанный с речью.

Если полагать, что процесс, называемый мышлением, должен содержать все указанные характеристики без исключения, то, конечно же, мышление может быть только у человека, поскольку у животных нет речи. Однако из приведенных характеристик собственно определяющими суть мышления являются лишь первые две – именно они отвечают на вопрос о том, что такое мышление. Остальные характеристики отвечают на вопросы не о том, что такое мышление, а о том, на что оно направлено и с чем связано. Принимая во внимание первые две характеристики, следует признать, что рассматривать мышление как процесс, присущий только человеку, особых оснований нет.

Что касается определения мышления как обобщенного и опосредованного отражения, то при ближайшем рассмотрении можно заметить, что и обобщенность, и опосредованность являются вторичными

характеристиками мышления, которые непосредственно вытекают из определения мышления как отражения связей и отношений между объектами и явлениями. Например, возможность определения температуры среды по показаниям термометром, рассматриваемая обычно в качестве иллюстрации опосредованности мышления, является прямым следствием отражения связи между нагреванием жидкости и увеличением ее объема. Точно также обобщенность есть следствие выделения отдельных свойств разных объектов и отражения существующих между ними связей и отношений.

Образование в психике связей между образами объектов и отражение, таким образом, реальных связей, существующих между реальными объектами, происходит, как правило, в процессе и в результате множества практических манипулятивных действий субъекта с объектами. Процессы мышления, которые возникают в связи с реализацией практических действий с объектами, в психологии обычно связывают с понятием о практическом или наглядно-действенном виде мышления [85]. Кроме того, используются и такие понятия, как "ручное мышление" (И.П. Павлов [96]), "ручной интеллект" (В. Кёлер [48]), "сенсомоторный интеллект" (Ж. Пиаже [101]).

Обобщенность отражения, как особое свойство процессов мышления, также реализуется в процессе и в результате многократных практических действий, но предпринимаемых по отношению к множеству сходных объектов, которые можно отнести к определенному классу. При этом у организма благодаря процессам мышления образуются два обобщенных образа: образ обобщенного объекта, относящегося к соответствующему классу объектов, и образ обобщенного действия по отношению к объектам данного класса.

Если, например, субъект имеет опыт взаимодействия со сходными объектами A , B , C и D , относящихся к классу K_1 , то благодаря мышлению в его психике устанавливаются связи между образами их сходных свойств. Совокупность образов сходных свойств образует новый образ $(K_1)'$, который и является отражением обобщенного объекта, представляющего объекты класса K_1 . Если субъект имеет опыт реализации действий R_A , R_B , R_C , R_D по отношению к объектам A , B , C , D , то благодаря мышлению в этих действиях выделяются сходные компоненты и

между образами этих компонентов также устанавливаются взаимосвязи. В результате в психике субъекта образуется совокупность образов сходных компонентов отдельных действий, которая представляет собой не что иное, как образ обобщенного действия R_{K_1} , которое может быть реализовано по отношению к любому объекту E , который по совокупности существенных признаков можно отнести к классу K_1 (см. рис. 16).

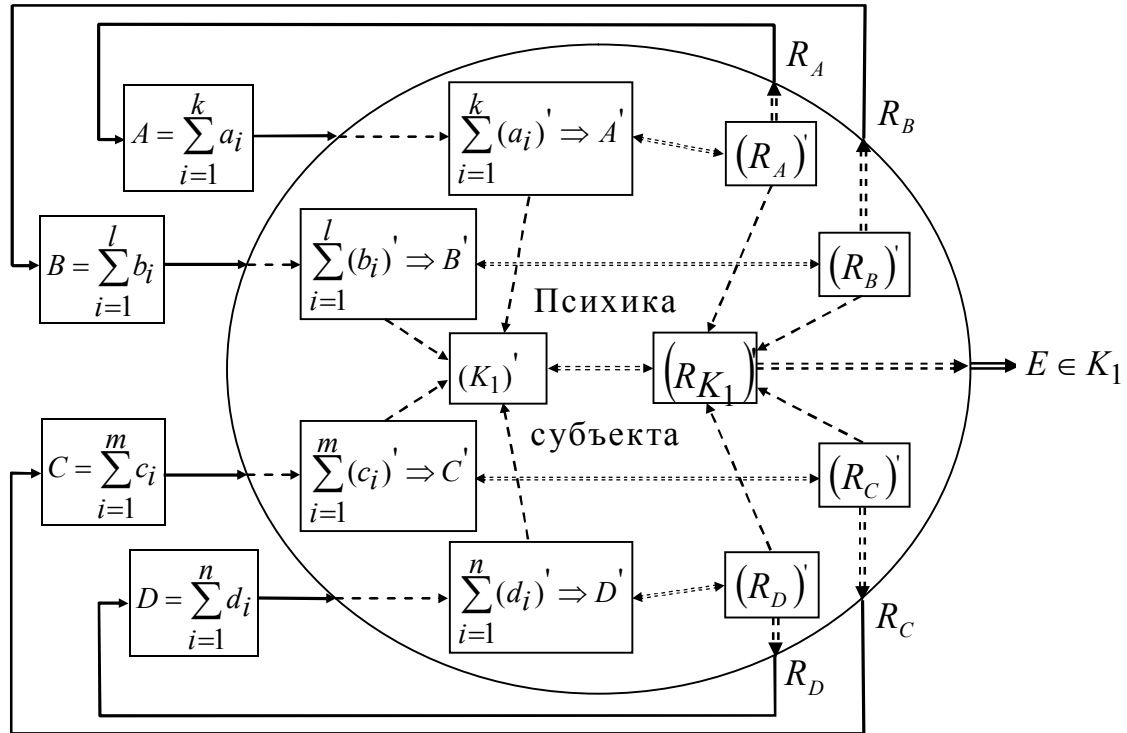

Рис. 16. Формирование в психике субъекта обобщенного образа $(K_1)'$ сходных объектов A, B, C, D , относящихся к классу K_1 , и соответствующего образа $(R_{K_1})'$ обобщенной формы поведения к объектам этого класса, образованной на основе обобщения образов $(R_A)'$, $(R_B)'$, $(R_C)'$, $(R_D)'$ частных форм поведения R_A, R_B, R_C, R_D по отношению к соответствующим объектам A, B, C, D . (Запись $E \in K_1$ означает, что объект E по совокупности существенных признаков принадлежит к классу объектов K_1).

Формирование образа обобщенного действия $(R_{K_1})'$ обеспечивает возможность организму в дальнейшем реализовывать это действия по

отношению к любому объекту, который относится к объектам класса K_1 . Выработка обобщенных способов действий путем выделения в серии совершаемых действий общих для них существенных признаков была показана С.Л. Новоселовой в ее экспериментальных исследованиях интеллектуальных форм поведения шимпанзе [93] и более подробно описывается в работе В.А. Зориной и А.А. Смирновой [43]. Благодаря способности к выработке обобщенных действий животные приобретают возможность использования прошлого индивидуального опыта в новых ситуациях (осуществлять перенос навыков). При этом происходит минимизация энергетических и временных затрат на построение новых форм поведения в сходных или стереотипных ситуациях жизнедеятельности.

В принципе, попытка осуществления обобщенного действия R_{K_1} может быть предпринята и по отношению к такому объекту, который по совокупности своих свойств не относится к объектам класса K_1 , но которому будут приписаны свойства, присущие объектам этого класса. В качестве таких объектов могут выступать, так называемые, "заместители", ярким примером которых являются игрушки. По отношению к объектам-заместителям субъект может совершать те же действия, что и по отношению к объектам, которых они замещают. Так, по всей видимости, возникают игровые действия, то есть действия не с реальными объектами, а с их "заместителями", в качестве которых выступают игрушки.

Субъективно объекты-заместители и игровые действия с ними могут восприниматься и расцениваться по-разному – и как действительно игровые, и как настоящие. Однако первое, скорее всего, возможно лишь при наличии у субъекта сознания, то есть присуще лишь человеку. Игровые действия, которые мы наблюдаем у животных, как правило, молодого возраста, и те предметы, с которыми они играют, для самих животных выступают как реальные объекты и реальные действия. Объек-

ты для животных не могут выступать в качестве "заместителей", поскольку их появление равнозначно появлению знаков, символов и, в целом, функции обозначения. А функция обозначения появляется лишь с появлением сознания и языка. Поэтому для животных те объекты, которые мы называем игрушками, выступают лишь как похожие или сходные. Соответственно действия животных с такими объектами не являются игровыми – они лишь отличаются от настоящих, то есть тех, которые присущи взрослым особям и осуществляются ими в реальных условиях взрослой жизни.

Учитывая замечания, сделанные по поводу традиционных характеристик мышления, и принимая во внимание введенное нами определение понятия "психика", мышление можно определить как процесс субъективного отражения связей и отношений объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности. Учитывая, что объекты ближайшего будущего отражаются в психике в форме образов (образов восприятия, памяти, воображения), отражение связей между объектами можно рассматривать как образование в психике связей между их соответствующими образами.

Вторым обстоятельством, которое создает проблемы в понимании сути мышления, является, как уже было отмечено, отсутствие дифференциации в использовании понятий "процесс мышления" и "мыслительная деятельность", которые очень часто используются как синонимы.

Говоря о мыслительном процессе, С.Л. Рубинштейн утверждает: "Всякий мыслительный процесс является по своему внутреннему строению действием или актом деятельности, направленным на разрешение определенной задачи" [108, с. 317]. "Психологически, – отмечает О.К. Тихомиров, – мышление часто выступает как деятельность по решению задачи, которая определяется обычно как цель, данная в определенных условиях" [118, с. 44].

Пытаясь разграничить использование понятий "деятельность" и "процесс" применительно к человеку, С.Л. Рубинштейн пишет: "Всякая

деятельность есть вместе с тем и процесс или включает в себя процессы, но не всякий процесс выступает как деятельность человека. Под деятельностью мы будем здесь разуметь такой процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь" [108, с. 34]. Однако если под деятельностью понимать особый процесс, то как бы мы не определяли специфику или "особость" этого процесса, деятельность в любом случае останется пусть и особым, но все-таки процессом. Точно также как любой особой психический процесс остается психическим процессом, а любой особый нервный процесс остается нервным процессом.

Термин "процесс" в определении "деятельности" использовал и А.Н. Леонтьев. Он рассматривал деятельность не только как сознательную форму поведения человека, как процесс, подчиненный сознательной цели, но и более широко как "систему процессов, осуществляющих взаимодействие организма ... с предметной средой" [79, с. 50]. Тем самым допускалась возможность использования понятия "деятельность" по отношению к любому живому организму, а не только по отношению к человеку.

Рассматривая проблему соотношения понятий "процесс" и "деятельность", А.В. Брушлинский [14] полагает, что мышление как процесс формируется в познавательной деятельности, а сама деятельность представляет собой непрерывное взаимодействие человека с миром. Деятельность, таким образом, трактуется А.В. Брушлинским как первичное более широкое понятие, а процесс (по крайней мере, процесс мышления) – как вторичное, производное от деятельности.

Отсутствие дифференциации в использовании понятий "процесс" и "деятельность" по отношению к мышлению приводит к фактическому игнорированию отражательной функции мышления и к рассмотрению его как деятельности по решению задач. Чтобы развести понятия "деятельность" и "процесс" и определиться с отличием мышления как психического процесса от мыслительной деятельности, мы предлагаем рассматривать их через призму более широкого понятия "активность"

[67]. За понятием "деятельность" представляется целесообразным закрепить проявление лишь сознательной формы активности человека, которую, как отмечал Б.Ф. Ломов, можно представить, в виде вектора

где: "М" – мотив, побуждающий человека к определенной форме активности;

"Ц" – цель как предполагаемый и осознаваемый человеком результат реализации данной формы активности.

Мотив деятельности – это осознаваемая человеком причина или потребность, которая лежит в основе его активности, побуждает и направляет его активность на достижение определенной цели. Цель деятельности – осознаваемый человеком результат, который должен быть достигнут благодаря активности, побуждаемой мотивом.

Что касается процесса, то его можно определить как форму активности, не связанной с сознанием, и потому присущей не только человеку, но и животным. Вместе с тем, как и деятельность, процесс, будучи особой формой активности, также характеризуется двумя признаками: наличием причины возникновения определенной активности и ее конечного результата. Процесс, как и деятельность, можно представить в виде вектора, который выглядит следующим образом

где: "П" – причина возникновения активности;

"Р" – конечный результат активности.

Разделяя понятия "деятельность" и "процесс", следует признать, что любая деятельность реализуется благодаря совокупности множества процессов, куда входят и познавательные, и эмоциональные, и волевые психические процессы. Среди процессов, обеспечивающих реализацию мыслительной деятельности, в качестве доминирующих следует, очевидно, выделять процесс мышления. Что же касается цели мысли-

тельной деятельности, то, как показано в нашей работе [67], в качестве неё следует рассматривать не решение задачи, а достижение понимания, в частности, понимания условий и способов решения задачи. Осознание необходимости понимания этого можно рассматривать в качестве мотива мыслительной деятельности.

Понятие "понимание" непосредственно связано с процессом мышления и без него невозможно обойтись при описании форм поведения, присущих животным, психика которых находится на стадии развития, обозначаемой как "стадия интеллекта". Собственно, само слово "интеллект" в переводе с латинского "intellectus" означает "разумение", "понимание", "постижение". В наших работах [60, 67] понимание рассматривается как результат процесса мышления, который характеризуется образованием системы связей между образами, возникающими в психике субъекта. В этом же значении, по существу, используется термин "понимание" в определении мышления, сформулированном В.И. Гинецинским, которое выглядит следующим образом. "Мышление – процесс отражения связей и отношений, недоступных непосредственному чувственному восприятию, сопровождающийся переживанием чувства понятности (понимания) ситуации" [23, с. 178]. Понимание ситуации в этом определении возникает и переживается именно как результат мышления. Непосредственно с процессом мышления соотносит "понимание" К.К. Платонов. Поясняя разницу между терминами "понятие" и "понимание", он определяет "понимание" как "процесс мышления, выявляющий существенные свойства вещи или явления" [103, с. 13].

Мышление, таким образом, можно рассматривать не только как процесс образования связей между образами, возникающими в психике, и отражения ситуации ближайшего будущего в совокупности взаимосвязанных объектов, но и как процесс, обеспечивающий понимание отражаемой ситуации. Вместе с тем, не следует смешивать, как это обычно делается, понятие "понимание", характеризующее результат мышления, с понятием "осознание". Хотя осознание тоже является результа-

том мышления (см. [62, 67]), но при осознании в качестве одного из связываемых в процессе мышления образов выступает особый образ – образ "Я", который является результатом сознания. Наличие у человека не только процессов мышления, но и сознания обеспечивает ему как понимание ситуации, отражаемой в психике, так и ее осознание. По определению, понимание, есть система связей между образами, в которых отражаются особенности значимых для субъекта (носителя психики) объектов и явлений отражаемой ситуации, и, по существу, является образом этой ситуации. Осознание же представляет собой связь образа "Я" с другими образами, возникающими в психике. Если понимание рассматривать как образ отражаемой ситуации, то связь этого образа с образом "Я" есть не что иное, как осознание ситуации. Одновременно это есть и осознание понимания ситуации.

Варианты проявления понимания ситуации в интеллектуальных формах поведения животных убедительно показаны В. Кёлером [48] в экспериментах по нахождению животными обходного пути в преодолении преграды к достижению пищи или использованию одного объекта (палки или ящика) для выполнения определенных действий по отношению к другому объекту (пище). Во всех этих случаях поведение животных строится на основе получения знаний о соотношении объектов ситуации и на отражении их функциональной взаимосвязи. Как отмечает сам В. Кёлер, в экспериментальной ситуации поведение животного "как целое соответствует структуре ситуации, объективному отношению ее частей" [48, с. 247]. И далее он пишет: "Мы умеем и у самих себя резко различать между поведением, которое с самого начала возникает из учета свойства ситуации, и другим, лишенным этого признака. Только в первом случае мы говорим о *понимании* (выделено мною – А.К.), и только такое поведение животных необходимо кажется нам разумным, которое с самого начала в замкнутом гладком течении отвечает строению ситуации и общей структуре поля" [Там же].

Отражение взаимосвязей между объектами, находящимися в ситуации, и, соответственно, появление понимания ситуации при ее первичном отражении предполагает наличие не только процессов мышления у субъекта, но и его непосредственного взаимодействия с объектами, то есть наличие предметно-манипулятивных действий. Однако если у животного уже имеется определенный опыт взаимодействия с подобными объектами в сходных ситуациях, то, возможен вариант достижения понимания ситуации без внешних предметно-манипулятивных действий исключительно за счет их мысленного воспроизведения и мысленного "примеривания" к ситуации. Понятие о "мысленном примеривании", но в поведении человека, было использовано А.Н. Леонтьевым при описании действий, связанных с попыткой поставить книгу большого формата на книжную полку. "Человек, – пишет А.Н. Леонтьев, – не осуществляет этого действия в порядке проб и ошибок. Он первоначально совершает акт мысленного примеривания, а затем само действие. При этом безразлично, есть ли книга в поле восприятия в данную минуту или же она лежит в портфеле" [80, с. 92]. Для обозначения понимания ситуации животными без совершения ими видимых внешне-предметных действий В. Кёлером был предложен термин "инсайт" (от англ. *insight* – понимание, проникновение в суть, внезапная догадка). В современной отечественной классификации видов мышления для обозначения тех же механизмов понимания используется понятие "наглядно-образное мышление". Сама же процедура получения знаний о возможных действиях по отношению к объекту и их мысленного "примеривания" представляет собой не что иное, как сложный волевой психический процесс, определение которого было дано нами в разделе 2.4.

Анализируя эксперименты В. Кёлера, направленные на изучение интеллектуальных форм поведения животных, А.Н. Леонтьев приходит к выводу, что решение животными любой из задач, связанных с "инсайтом" (или "догадкой"), требует двухфазной деятельности. На первой – подготовительной фазе – совершаются действия по созданию условий, необходимых для осуществления других действий, благодаря

которым и происходит достижение пищи. На второй фазе – фазе осуществления – происходит непосредственная реализация действий по достижению пищи. "Наличие фазы приготовления, – заключает А.Н. Леонтьев, – и составляет характерную черту интеллектуального поведения" [77, с. 212]. Очевидно, что выделяемая А.Н. Леонтьевым первая фаза интеллектуального действия завершается формированием того самого "инсайта", о котором говорил В. Кёлер.

Что же происходит в психике животного на первой фазе интеллектуального поведения, связанной с возникновением "инсайта"?

На наш взгляд, в начале за счет сенсорно-перцептивных процессов в психике происходит образование образов отдельных объектов ближайшего будущего текущей ситуации, включая пищевой объект. Одновременно с этим из памяти начинают извлекаться (актуализироваться) образы отдельных фрагментов ситуаций прошлого индивидуального опыта, в которых содержатся объекты, сходные с объектами текущей ситуации и связанные с достижением пищи. Далее благодаря процессам мышления происходит отражение соотношений и взаимосвязей между объектами, которые имеют определенную субъективную значимость для животного, и формирование целостного образа отражаемой ситуации или, по выражению В. Кёлера, "гештальта". Можно сказать также, что у животного, в его психике происходит понимание ситуации, в которой оно находится. В это же время на основе образов фрагментов ситуаций прошлого опыта образуется аналогичный целостный образ конечной ситуации достижения пищи с привязкой к совокупности объектов исходной ситуации. Будучи сформированным, этот образ фиксируется в памяти. В последующем на фазе непосредственного осуществления поведения он актуализируется.

После того, как сформированы образы текущей ситуации (точнее ее ближайшего будущего) и конечной ситуаций, благодаря тем же процессам мышления формируется образ промежуточной ситуации ("догадка"), которая может быть связующим звеном между текущей ситуацией и конечной, в которой возможно достижение пищи. Механизм образования в психике этого образа связан, по-видимому, с процедурой

перебора (мысленного "примеривания") различных вариантов ситуаций до нахождения наиболее подходящего с последующей его эмоциональной оценкой и фиксацией в памяти. При непосредственном осуществлении интеллектуального поведения образ, в котором воплощена "догадка", актуализируется из памяти вместе с образом конечной ситуации. По отношению к исходной и последующим текущим ситуациям образы "догадки" и конечной ситуации выполняют функции своего рода ориентиров, определяющих выбор тех или иных текущих действий и динамику всего поведения в целом.

Образы ситуаций, о которых шла речь, можно рассматривать как своеобразные "умственные модели", понятие о которых было введено К. Крайком (Craik) [139] и разрабатывалось Ф. Джонсон-Лэрдом (Jonson-Laird) [140]. Умственные модели, согласно указанным авторам, представляют собой психологические репрезентации реальных, гипотетических, или воображаемых ситуаций, и их структуры соответствуют структурам того, репрезентацией чего они являются. В отечественной психологии понятие о "репрезентациях", которое, по сути, эквивалентно понятию "отражение", представлено в работе В.Д. Ушакова [120].

Рассматривая нейрофизиологические механизмы, обуславливающие информационные преобразования особенностей ситуаций и создание в психике субъекта их образов (умственных моделей или репрезентаций), можно сказать, что на уровне нервных процессов образы ситуаций (умственные модели, репрезентации) представлены в форме соответствующих "нервных моделей" или "акцепторов результата действий", понятия о которых были введены в работах Е.Н. Соколова [115] и П.К. Анохина [6].

Общая схема описанных выше механизмов регуляции интеллектуального поведения животного на первой "подготовительной" фазе (фазе возникновения "догадки") и последующей фазе (фазе осуществления) на основе формирования образов ситуаций представлена на рис. 17. Поскольку речь идет о животном, являющимся носителем психики, на рисунке он обозначен понятием "субъект".

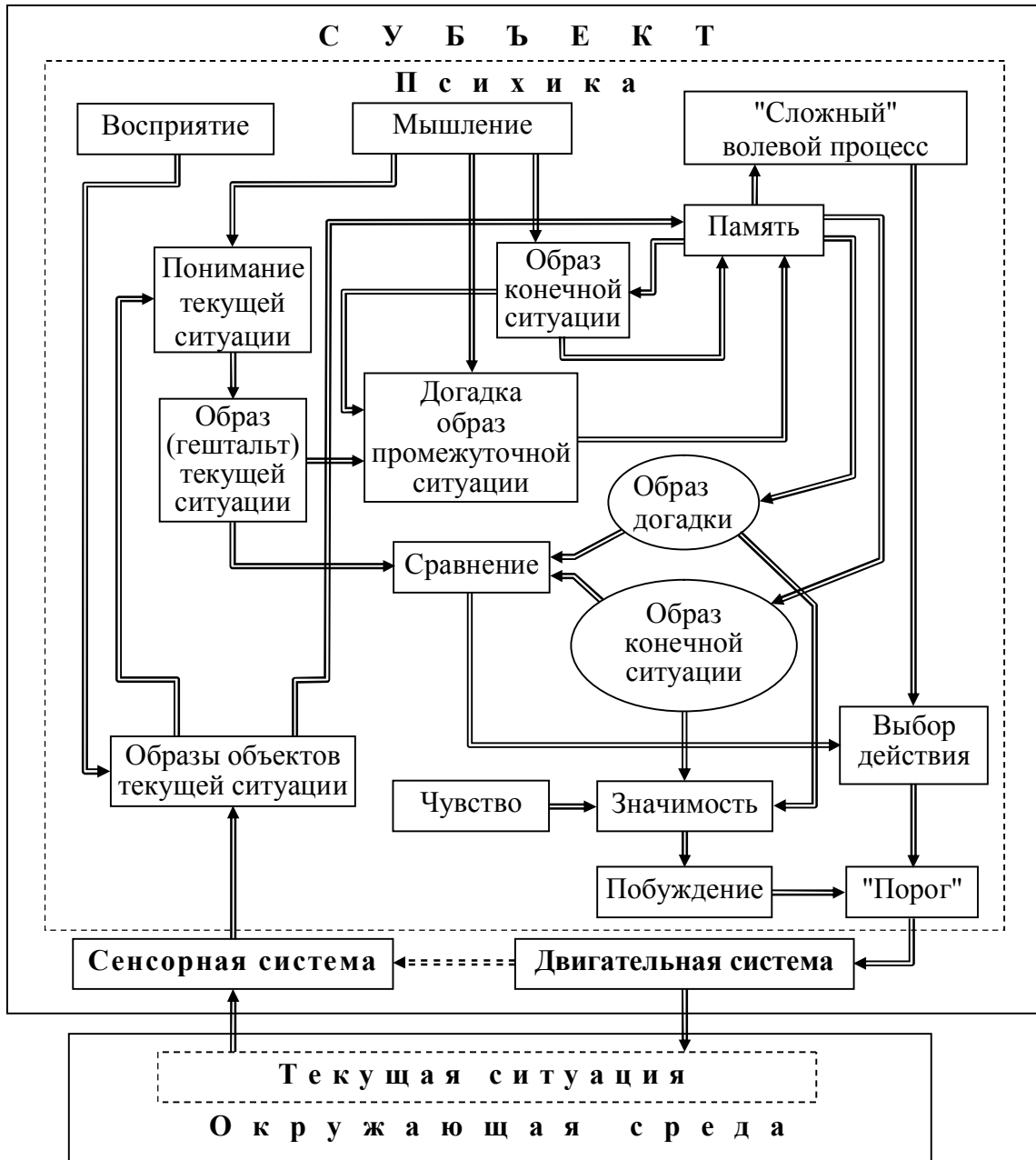

Рис. 17. Механизм регуляции разумного (интеллектуального) поведения животного (субъекта) на основе образов текущей, конечной и промежуточной ситуаций, формируемых благодаря совокупности психических процессов: познавательных (мышление, восприятие, память), эмоциональных (эмоция, чувство) и "сложного" волевого процесса. (Пояснения в тексте).

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

3.1. Понятие о сознании как высшем уровне развития психики

Социальная форма регуляции поведения возникает с появлением человека и возникновением у него сознания, которое считается высшим уровнем развития психики. Очевидно, что сознание составляет основу особых сознательных форм поведения человека. Вместе с тем, будучи зависимым от наличия и особенностей взаимоотношений человека с другими людьми, сознание представляет собой своего рода "рычаг", воздействуя на который социальная среда, общество (а точнее отдельные представители общества) могут оказывать влияние на поведение человека, обладающего сознанием. Чтобы понять механизмы социального воздействия на сознание человека и через него на его сознательные формы поведения, необходимо, прежде всего, разобраться в том, что такое "сознание".

Длительное время понятия "психика" и "сознание" не дифференцировались и использовались фактически как синонимы. Как отмечал А.Н. Леонтьев, "потребовались века, чтобы освободиться от отождествления психического и сознательного" [80, с. 166]. Тем не менее, и сейчас довольно часто можно встретить использование термина "сознания" в значительно более широком его понимании, которое эквивалентно пониманию термина "психика", например, в таких словосочетаниях, как "отражение в сознании", "процессы, происходящие в сознании" или "направленность сознания", "состояния сознания". Как отмечает Г.В. Акопов, "явное или неявное отождествление сознания и психики устойчиво воспроизводится на протяжении всей истории отечественной психологии" [2, с. 22]. В какой-то степени это связано с пиететным отношением к определениям сознания, сформулированным С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым.

"Сознание, – пишет С.Л. Рубинштейн, – это специфическая форма отражения объективной действительности, существующей вне и неза-

висимо от него" [108, с. 20]. Очевидно, что без каких либо поправок и дополнений это определение можно использовать и по отношению к понятию "психика".

Утверждение С.Л. Рубинштейна о том, что "в психологическом плане сознание выступает реально прежде всего как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя", по сути своей тавтологично, поскольку понятие "сознание" определяется через понятие "осознание", которое включает в себя исходное понятие "сознание".

Визуализированная форма определения С.Л. Рубинштейна представлена на рис. 18.

Рис. 18. Визуализированная форма определения сознания в редакции С.Л. Рубинштейна.

Согласно определению А.Н. Леонтьева, "сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" [80, с. 166]. Учитывая, что в общем случае картина мира, открывающаяся субъекту, – это субъективный образ или субъективное отражение объективной действительности, и обозначается она понятием "психика", получается, что "сознание", по Леонтьеву, – это психика субъекта с добавлением образа самого субъекта. Визуализированная форма определения сознания по А.Н. Леонтьеву представлена на рис. 19.

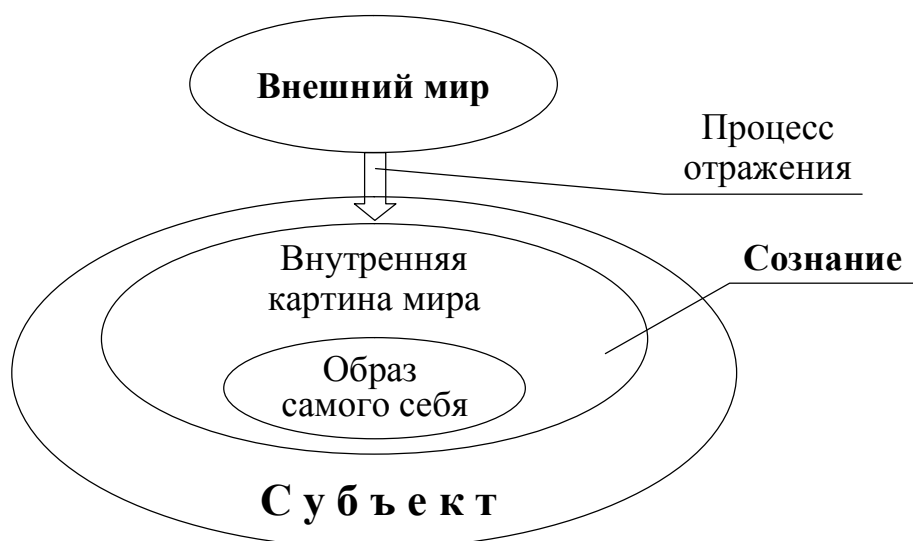

Рис. 19. Визуализированная форма определения сознания в редакции А.Н. Леонтьева.

Как видно из рис. 19, то, что понимается под психикой, оказывается включенным А.Н. Леонтьевым в состав сознания, и само сознание понимается просто как расширенная по содержанию психика. Отсюда и синонимичность в использовании понятий "психика" и "сознание".

Проблема в определении сознания, на наш взгляд, состоит в том, что оно не рассматривается как психический процесс. Будучи признаваемым в качестве высшего уровня развития психики, сознание не включается ни в одну из классификаций психических процессов. Его нет ни в традиционной классификации, представленной, например, в учебнике общей психологии А.Г. Маклакова [85], ни в "рациональной" классификации Н.И. Чуприковой [128], ни "функциональной" классификации В.В. Никандрова [91]. Обычно оно рассматривается не как психический процесс, а как некоторое интегративное образование, в котором особым образом интегрируются все психические процессы. По определению В.И. Гинецинского, "сознание в качестве ингредиента психики выступает как результат интеграции отдельных психических функций, как инвариант их многообразия" [23, с. 93]. "Трактовка сознания как интеграции психических процессов, – отмечает Г.В. Акопов, – достаточно распространенный способ определения сознания в психологии" [2, с. 21].

Однако наделение сознания функцией интеграции психических процессов лишает сознание статуса самостоятельного психического процесса и, соответственно, процесса отражения. Интеграция или какая бы то ни было форма организации психических процессов сама по себе не является особым психическим процессом и, соответственно, процессом отражения. В то же время, признавая сознание высшим уровнем развития психики, в определении которой подчеркивается ее отражательная функция, следует, очевидно, сохранить эту отражательную функцию и в определении сознания. Причем следует соотнести содержание действительности, отражаемое в психике благодаря сознанию, с тем содержанием, которое отражается благодаря психическим процессам ощущения, восприятия и мышления, характеризующим психику на ее более низких по сравнению с сознанием уровнях развития. Определение сознания как интегратора психических процессов сделать этого не позволяет.

Отказаться от интегрирующей функции сознания имеет смысл и по другой причине. Приписывая сознанию функцию интегратора психических процессов, мы фактически признаем, что до появления сознания, то есть на всех предыдущих стадиях развития психики, интеграция психических процессов не осуществлялась. Однако это явно не так. Без интеграции психических процессов обеспечение адекватности взаимодействия организма с окружающей средой было бы просто невозможным. Во взаимодействии с окружающей средой любой организм выступает как единое целое в единстве и взаимосвязи всех его структур и функций. Поскольку основной функцией психики является обеспечение адекватности поведения организма условиям, в которых это поведение реализуется, психические процессы на каждом уровне развития психики не могут быть не согласованы и не интегрированы. Ссылка на то, что появление сознания связано с особой интеграцией психических процессов, практически ничего не меняет – на каждом уровне развития психики имеет место своя особая форма интеграции психических процессов. Не понятно и отличие "интеграции" от взаимосвязи и неразрывности психических процессов, на наличие которых даже у более про-

стых видов живых существ указывал еще Г.И. Челпанов [125]. Кроме того, возникает проблема с дифференциацией понятия "интеграция" относительно таких понятий, как "функциональная система" П.К. Анохина [5] или "психическое состояние" В.Д. Левитова [75], которые также имеют непосредственное отношение к "интеграции" и различным формам организации психических процессов.

Проблемными и крайне непродуктивными, на наш взгляд, являются представления о сознании В.М. Аллахвердова [3] в развиваемой им "психологике", претендующей на особую форму организации научных психологических знаний, альтернативную классической психологии. Мало того, что предлагается лишить психику (и сознание, в том числе) общепринятой функции отражения и регуляции поведения, ссылаясь на то, что такая точка зрения не более чем "привычная банальность", сознание в определениях В.М. Аллахвердова представляется чем-то вроде гомункулуса, который "все объясняет", может "догадываться о причинах наблюдаемых явлений", "проверять справедливость своих догадок", "мыслить", "принимать решение о том, что следует осознать, а что заведомо осознать не следует" и т.п. Но если все это делает сознание, то что же тогда делает человек?! Приписывая сознанию способность выполнять функции, которые обычно считаются функцией человека (это человек может объяснять, догадываться, принимать решение, осознать, мыслить и пр.), В.М. Аллахвердов фактически мифологизирует понятие "сознание". Однако здесь он не оригинален. Подобная трактовка сознания бытовала в психологии еще во времена Т. Липпса (1863-1914). Касаясь проблемы субстрата сознания, Т. Липпс ввел понятие "реальное Я", близкое по смыслу с понятием "душа", и предложил рассматривать это "реальное Я" в качестве источника и носителя явлений сознания. В связи с критикой своего предложения он писал следующее: "Воспрещение говорить о "реальном Я" или о субстрате явлений сознания оказывается не столь безобидным, как оно может показаться сначала. Оно ввело в соблазн ставить нечто иное на место субстрата явлений сознания, а именно само "сознание"... Таким-то обра-

зом возникло сознание, которое воспроизводит содержания сознания, ощущает, мыслит, чувствует, хочет... Таким образом, стремясь избежать мнимой метафизики души, создали мифологию сознания" (Цит. по [73, с. 26]).

К непродуктивным представлениям можно отнести и идею В.М. Аллахвердова о множественности сознаний, о наличии таких "сознаний", как "сенсорное", "моторное", "сенсомоторное", "вербальное" и пр. На наш взгляд, это именно тот случай, когда, выражаясь словами Г.В. Аكوпова, "все возрастающие нагромождения и завалы в психологической проблематике сознания не только не приближают долгожданного решения, но и вызывают сомнения в оправданности и целесообразности самого понятия "сознание" в психологии" [2, с. 12].

Решение проблемы с определением сознания видится нам в рассмотрении сознания не как особой психики с добавлением образа "Я" или ее "интегративного" качества, и уж тем более не как механизма, обладающего способностью "объяснять", "выдвигать и проверять гипотезы", "принимать решение об осознании или неосознании" и т.п., а как особого психического процесса, относящегося к группе познавательных психических процессов, в результате которого в психике человека образуется особый образ – образ "Я" [62, 68, 71]. "Особость" или специфика этого образа состоит в том, что он является образом самого субъекта как носителя психики, и возникает исключительно в психике человека в процессе и в результате его взаимодействия с другими людьми. Если использовать термин "реальное Я", введенный Т. Липпсом, но не для обозначения души, как субстрата или источника явлений сознания, а самого субъекта, обладающего сознанием, то образ "Я" оказывается отражением в психике субъекта того реального "Я", которым этот субъект и является. И вопрос нужно ставить не о том, что делает сознание, а о том, что может делать человек (реальное "Я"), обладающий сознанием. Это же касается и других психических процессов, в частности, мышления – не мышление решает задачи, а человек решает задачи с помощью процессов мышления; задача ставится не перед мышлением, а перед человеком.

Очевидно, что образ "Я", как образ носителя психики, включает в себя и образ психики (по принципу "матрешки"), и потому является сложным психическим образованием. По существу, в результате познавательного психического процесса, который называется сознанием, в психике субъекта возникает образ самой психики. В отличие от исходной или первичной психики психика, отраженная в образе "Я", может быть названа вторичной или рефлексивной психикой, а сам процесс образования рефлексивной психики – процессом рефлексии. Образ "Я", таким образом, представляет собой множество образов рефлексивной психики, каждый из которых является результатом отдельного рефлексивного процесса. Под рефлексивным процессом в данном случае понимается процесс, благодаря которому образ первичной психики становится достоянием вторичной или рефлексивной психики. Как будет показано ниже, основу этого процесса составляет процесс осознания (как особая форма процесса мышления), в результате которого образуется связь образа первичной психики с образом "Я" и придание ему статуса образа рефлексивной психики. Интересно отметить, что в составе рефлексивной психики оказываются не только рефлексивные образы объектов внешней действительности, но и рефлексивный образ самого субъекта, то есть рефлексивный образ "Я", который, по видимому, можно соотнести с понятием "самосознание" [62].

Если под сознанием понимать не только процесс образования образа "Я", но и сам образ "Я", как результат этого процесса (по аналогии с понятием "отражение", которое рассматривается и как процесс, и как результат), то вполне правомерным оказывается использование таких выражений, как "в психике" и "в сознании" с сохранением специфичности их смыслового содержания. В первом случае речь идет о том, что находится или происходит в первичной психике, во втором случае – во вторичной или рефлексивной психике.

Определив сознание как особый познавательный психический процесс, можно представить развитие психики в виде следующей цепочки непрерывно усложняющихся процессов психического отражения: ощущение ⇒ восприятие ⇒ мышление ⇒ сознание. Каждый из указан-

ных процессов характеризует определенный уровень в развитии психики. В общей структуре познавательных психических процессов каждый из них характеризуется сложностью отражаемого с помощью него содержания объективной действительности. Как показано в одной из наших работ [54], в ощущениях отражаются отдельные свойства объектов и явлений действительности; в восприятиях – отдельные объекты и явления в совокупности их свойств и качеств; в мышлении – взаимосвязи объектов и явлений и целостные ситуации; в сознании – сам субъект как носитель психики.

На рис. 20 представлена схема, поясняющая суть понятия "сознание" как познавательного психического процесса, результатом которого является формирование в психике субъекта образа "Я", рефлексивной психики и рефлексивного образа "Я".

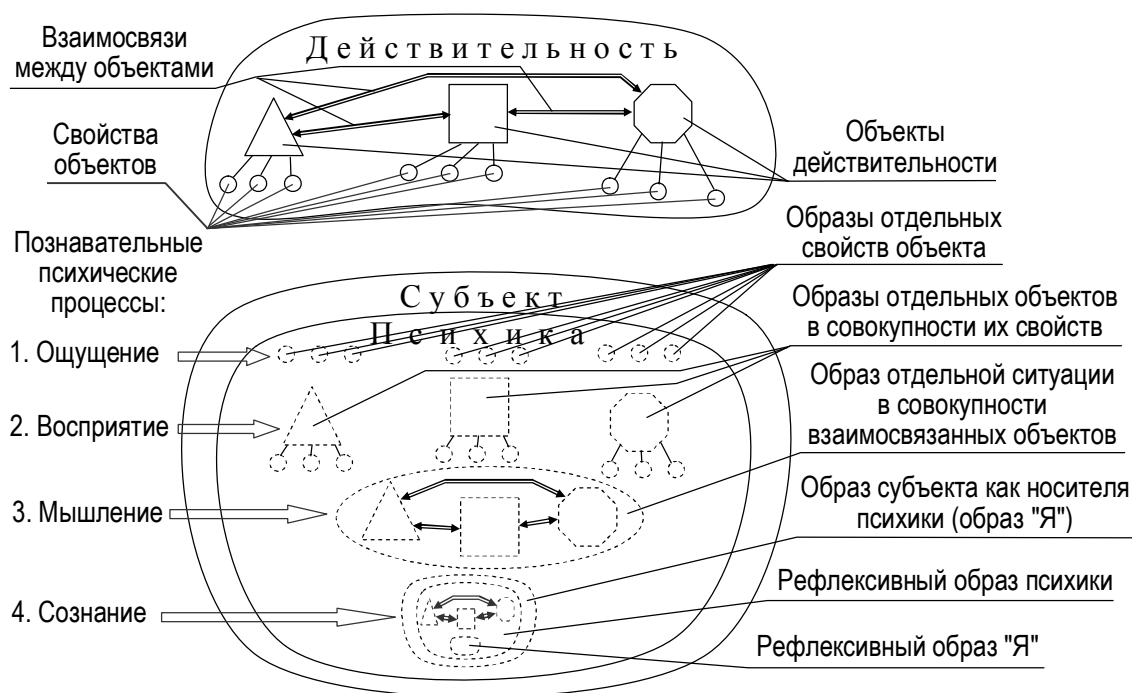

Рис. 20. Сознание как высший уровень развития познавательных психических процессов, обеспечивающий возникновение в психике субъекта образа самого субъекта как носителя психики (т.е. образа "Я").

Чрезвычайно важным для понимания механизмов регуляции сознательных форм поведения человека является понятие "осознание". Поведение может считаться сознательным, если оно осуществляется осоз-

нанно. В психологической литературе понятие "осознание" не имеет четкого определения и часто используется в качестве синонима не только понятию "сознание", но и понятию "понимание", например, в выражениях типа "Я осознаю (сознаю/понимаю), что ...".

Примером крайне запутанного и противоречивого до абсурда определения понятия "осознание" может служить определение доктора психологических наук А.Ю. Агафонова, который является учеником и последователем В.М. Аллахвердова. Полагая, что осознание есть "конечный результат, интегральный психический продукт активности сознания", А.Ю. Агафонов пишет: "любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания" [1, с. 10-11]. И деятельность эта, по мнению автора, заключается в принятии сознанием решения об осознании. "Как осознание, так и неосознавание, – отмечает А.Ю. Агафонов, – трактуются как итоговые результаты когнитивного процесса, в котором одним из этапов является «принятие решения об осознании/неосознавании»" [1, с. 13]. Если следовать логике А.Ю. Агафонова, то получается, что осознание есть результат деятельности сознания по принятию решения об осознании, которая осуществляется сознанием неосознанно. Потрясающе!!!

Выше (см. раздел 2.6) мы уже изложили наше понимание понятия "осознание", указав на его отличие и от понятия "понимание", и от понятия "сознание". В нашем определении, в отличие от определения А.Ю. Агафонова, осознание есть результат не сознания, а мышления.

Осознание есть всегда осознание "чего-то", и осознается это "что-то" всегда "кем-то". Будучи явлением психическим, осознание представляет собой связь, с одной стороны, образа "Я", который является результатом сознания и отражением того, кто способен осознавать, и, с другой стороны, образа "чего-то", что является результатом любого

другого протекающего в психике психического процесса. Образование же самой связи между этими образами осуществляется благодаря процессам мышления. Осознать что-то – значит связать образ этого "что-то" с образом "Я".

Очевидно, с образом "Я" будут связываться не все возникающие в психике человека образы, а лишь некоторые из них, в частности, те, в которых отражается то, что имеет для него достаточно высокую степень значимости. Осознается, таким образом, то, что отражается в познавательных психических процессах и вызывает достаточно интенсивные эмоциональные реакции, проявляемые в эмоциях, чувствах и переживаниях.

Совокупность образов, связанных с образом "Я", вместе с самим образом "Я" представляет собой особую область психики, для обозначения которой вполне подходит широко известное словосочетание "область сознательного". Соответственно, множество других имеющихся в психике образов, которые не образуют непосредственных связей с образом "Я", составляет содержание той части психики, которую можно обозначить как область "бессознательного". Таким образом психика человека выступает в единстве "сознательного" и "бессознательного", на что обращал внимание, в частности, К. Юнг. "Сознание и бессознательное, – писал К. Юнг, – не имеют четко очерченных границ; одно начинается там, где отступает другое. Дело в том, что психе представляет собой сознательно-бессознательное целое" [135, с. 397]. Поскольку объем области "сознательного" значительно меньше объема области "бессознательного", а регуляция поведения и деятельности человека осуществляется на основе всей психики (о чем гласит один из основных принципов психологии – принцип "единства психики и поведения"), получается, что большая часть совершаемых человеком действий и по-

ступков, обуславливается содержанием того, что находится и происходит в области "бессознательного". На особое значение "бессознательного" в регуляции поведения человека обратил внимание З. Фрейд, который заложил основы новой, по существу, отрасли психологии – психологии бессознательного – и нового направления в психотерапевтической практике, получившей название психоанализа.

Область "сознательного", как часть психики человека, появление которой обуславливается появлением у него сознания, и есть та вторичная психика, которую мы обозначили термином "рефлексивная психика". Интересно отметить, что исходное содержание образа, попадающего в область "сознательного" в результате образования связи этого образа с образом "Я", по существу не меняется, оно становится лишь осознаваемым или представленным в психике представителю реального "Я", в качестве которого выступает "образ Я". Очевидно, то же самое можно сказать и по отношению к содержанию образа, который перестает быть достоянием области "сознательного" и переходит в область "бессознательного", когда его связь с образом "Я" по каким-то причинам нарушается. В связи с этим хотелось бы привести следующую цитату из работы К. Юнга: "Итак, мы подошли к вопросу: в каком состоянии находятся психические содержания, когда они пребывают вне связи с сознательным эго? (Эта связь конституирует все то, что может быть названо сознанием.) В соответствии с принципом, получившим название «бритва Оккама», – *entia praeter necessitatem non sunt multiplicanda* (не следует усложнять существование сверх необходимости) – наиболее осторожным выводом будет следующий: когда некое содержание становится бессознательным, ничего не меняется, за исключением связи с сознательным эго" [135, с. 383].

Из определений, которые были даны нами понятиям "понимание" и "осознание", следует, что любое осознание есть понимание. Но не любое понимание есть осознание! Осознанием является лишь такое понимание, в котором в качестве одного из связываемых образом выступает образ "Я". Осознание – более узкое понятие по отношению к пониманию и является особым видом понимания, присущего человеку, обладающему сознанием.

Учитывая, что понимание является результатом мышления как познавательного психического процесса, а результат любого психического процесса есть образ, можно сделать вывод, что понимание – это не только процесс установления связей между образами, но и образ тоже. Этот образ представляет собой совокупность взаимосвязанных образов и его можно называть "образом понимания" или "образом мышления" (по аналогии с понятиями "образ восприятия", "образ памяти, "образ воображения"). При появлении в психике особого образа – образа понимания – и при наличии там образа "Я" между этими двумя образами благодаря процессу мышления может устанавливаться взаимная связь, и в этом случае мы можем говорить о возникновении у человека осознания понимания. Обычно осознание понимания сопровождается достаточно бурными эмоциональными проявлениями в форме переживаний, которые на вербальном уровне могут выражаться возгласом типа "Эврика!".

Сущность понятий "сознание", "осознание", "понимание" и "осознание понимания" в наглядной форме показана на рис. 21. На этом же рисунке показано, что совокупность образов, связанных с образом "Я", вместе с самим образом "Я" составляют в психике область "сознательного". Множество других имеющихся в психике образов, которые не образуют непосредственных связей с образом "Я", составляет содержание области "бессознательного".

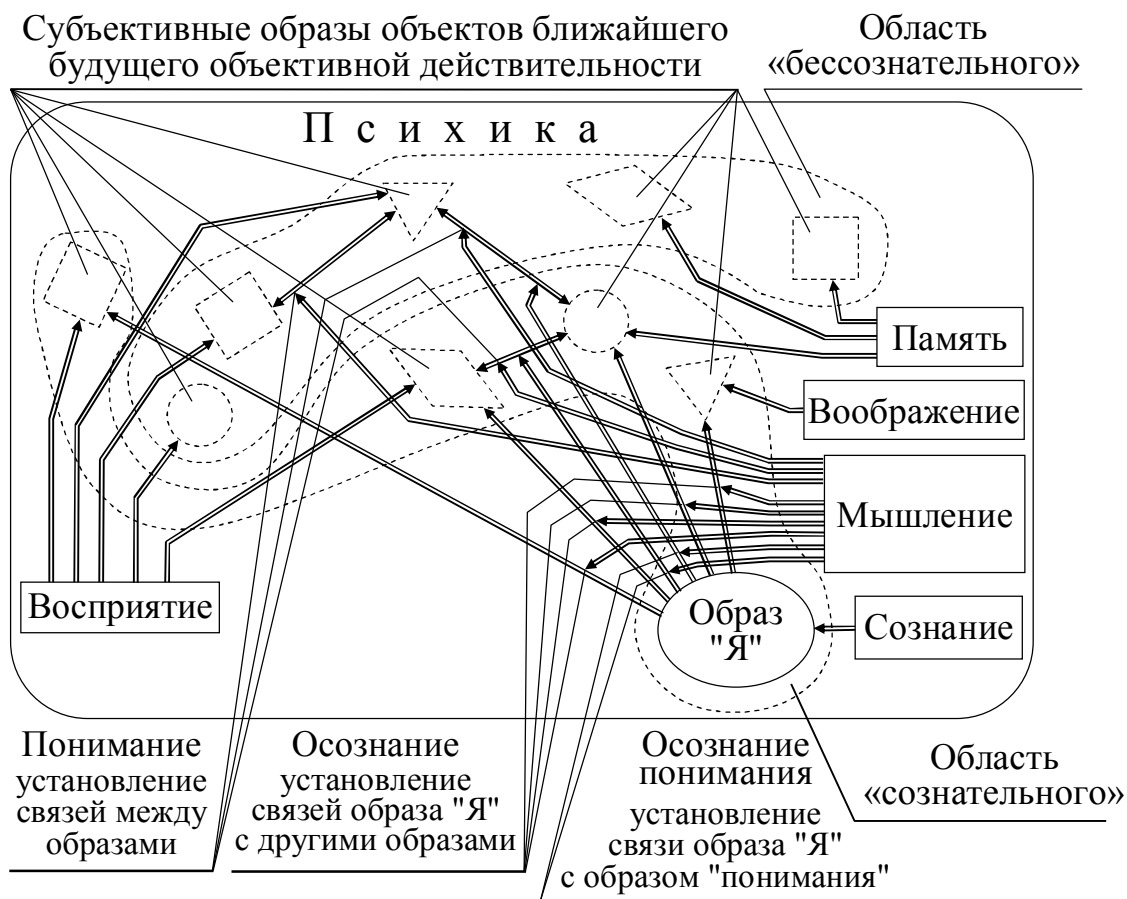

Рис. 21. Процессы осознания, понимания и осознания понимания, возникающие в психике человека благодаря познавательным психическим процессам сознания, мышления, восприятия, памяти и воображения.

Предложенное понимание понятия "осознание" позволяет говорить о различных вариантах осознания:

- а) осознание всей совокупности объектов ситуации или только ее части;
- б) осознание полного или частичного понимания ситуации.

Когда мы рассматриваем поведение человека, то в зависимости от того, что и в какой степени им осознается, мы будем иметь разные типы или формы поведения. При осознании совокупности объектов ситуации (всей или только части) и осознании понимания ситуации (полного или частичного), поведение можно назвать "сознательным" или "осознанным" (в большей или меньшей степени). Если осознание совокупности объектов ситуации есть, но нет осознания понимания, то поведение может быть названо "интуитивным".

В случае отсутствия осознания всей совокупности объектов ситуации, осознание понимания ситуации, по-видимому, также должно отсутствовать. Однако само понимание ситуации в принципе возможно, так как психические процессы восприятия, памяти, мышления могут работать и выполнять свои функции по отражению действительности. В этом случае механизм регуляции поведения человека без участия сознания можно назвать "автопилотным" (по аналогии с названием режима движения самолета, когда пилот не принимает непосредственного участия в управлении его полетом). При этом человек может находиться как в бессознательном состоянии, так и в сознательном. В первом случае имеет место либо нарушение процесса образования образа "Я", то есть процесса сознания, либо нарушение процесса образования связи образа "Я" с другими образами, то есть процесса осознания. Примером такой "автопилотной" формы поведения может служить поведение человека в состоянии сильного алкогольного опьянения. Во втором случае процессы сознания и осознания не нарушаются, но человек представляет себя, находящимся не в ситуации "здесь и сейчас", а в ситуации "там и тогда". В этом случае его образ "Я" связывается с образами объектов этой другой представляемой ситуации, а все движения и перемещения тела, находящегося в текущей ситуации, продолжают регулироваться психическими процессами и образами из области "неосознаваемого", то есть из области "бессознательного". Такое поведение и соответствующий механизм его регуляции обычно называется не бессознательным, а "неосознаваемым" или "машинальным".

3.2. Деятельность как сознательная форма поведения человека

Появление у человека сознания и процессов осознания приводит к кардинальным изменениям в механизмах регуляции его поведения. Появляются особые, сознательные формы поведения человека, для обозначения которых предлагается использовать термин "деятельность".

В силу социальной обусловленности и социальной детерминации механизмов возникновения сознания появляются особые формы и особые механизмы социальной регуляции поведения и деятельности человека.

Как известно [138], понятие "деятельность" в психологию было введено М.Я. Басовым, который предложил использовать его вместо понятия "поведение", прочно ассоциируемого в то время с бихевиоризмом и рефлексологией, чтобы подчеркнуть специфику поведения человека как активного деятеля во взаимодействии со средой ("человек как деятель в среде") в отличие от рефлексологических форм поведения животного, описываемых известным в бихевиоризме соотношением "S $\Rightarrow$ R".

Принципиальное отличие деятельности от других форм поведения состоит в том, что в деятельности всегда присутствует мотив и цель. Под мотивом, в соответствии с определением Б.Ф. Ломова [83, с. 206], мы понимаем отражение в сознании человека потребности в деятельности (осознание ее необходимости), что выражается в наличии у него субъективно-переживаемого побуждения к этой деятельности. Под целью понимается осознаваемый результат деятельности, то есть осознание того, что должно быть достигнуто в результате реализации предпринимаемой деятельности. Коротко можно сказать, что появление мотива связано с осознанием потребности, появление цели – с осознанием предмета потребности. Если в поведении человека отсутствует мотив, то есть человек не осознает необходимости в данном поведении, и нет осознания того, что он хочет добиться или достичь в результате этого поведения, значит, это не та форма поведения, которая может быть названа деятельностью.

У животных в силу отсутствия сознания и, соответственно, процессов осознания не может быть мотивов и целей поведения просто по определению. Следовательно, по определению у них не может быть и деятельности. Хотя побуждение к определенной форме поведения за счет актуализации потребности и реализации побуждающей функции протекающих в их психике эмоциональных психических процессов у них может возникать, как может возникать в их психике и образ результатов поведения. Но без осознания это будет всего лишь интеллектуальная форма поведения.

Что касается побуждений, которые лежат в основе любых форм поведения и деятельности человека и являются их движущей силой, то можно выделить четыре особые формы побуждений:

- 1) потребности, в которых отражается то, что необходимо для существования и развития организма, субъекта, личности;
- 2) мотивы, представляющие собой осознаваемые потребности;
- 3) отражаемая в эмоциональных психических процессах субъективная значимость объектов и явлений действительности;
- 4) интересы, в которых сочетаются осознание познавательной потребности субъекта и субъективная значимость (эмоциональная привлекательность) того, что отражается в познавательных психических процессах.

Выделение потребностей и мотивов в качестве побуждений поведения и деятельности особых проблем не составляет – здесь мнение психологов практически единодушное. Однако хотелось бы обратить внимание на встречающуюся иногда в психологической литературе трактовку мотива как предмета внешней объективной действительности, который может удовлетворять потребность. Такое понимание мотива было сформулировано А.Н. Леонтьевым и, несмотря на его критику, наличие которой отмечалось В.П. Зинченко [41], до сих пор продолжает воспроизводиться. "Термин «мотив», – пояснял А.Н. Леонтьев, – мы употребляем не для обозначения переживания потребности, но как означающий то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность, как на побуждающее ее" [77, с. 243]. Л.И. Божович, определяя мотив как то, "ради чего осуществляется деятельность", добавляет, что "в качестве мотива могут выступать предметы внешнего мира..." [12, с. 53]. Точно также, рассматривая проблемы общения, М.И. Лисина полагает, что "для каждого участника взаимодействия **мотивом общения служит другой человек, его партнер по общению**" [82, с. 47].

Поскольку любые предметы внешнего мира, в том числе и партнеры по общению могут отражаться в психике человека и могут им осознаваться, на основе понятия мотива, как предмета или объекта, удовлетворяющего потребность, возникает понятие об осознаваемых и неосознаваемых мотивах. Однако если считать, что "мотив" является все же категорией психологии и, причем, ее базисной категорией (см. [100]), то следует признать, что он представляет собой явление субъективное. И поэтому предмет или объект внешнего мира как объективное материальное образование никак не может быть мотивом. В лучшем

случае речь может идти об отражении, об образе этого объекта в психике, на что, собственно, также обращается внимание в одном из высказываний А.Н. Леонтьева. "До своего первого удовлетворения, – пишет А.Н. Леонтьев, – потребность "не знает" своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функции, т.е. становится мотивом" [77, с. 205]. Более четко мысль о том, что мотивом является не сам предмет, а его отражение в психике, выражена в следующем высказывании А.Н. Леонтьева. "В отличие от развития потребностей у животных, которое зависит от расширения круга потребляемых ими природных предметов, потребности человека порождаются развитием производства. Ведь производство непосредственно есть также и потребление, создающее потребность. Иначе говоря, потребление опосредствуется потребностью в предмете, его восприятием или мысленным его представлением. В этой отраженной своей форме предмет и выступает в качестве идеального, внутренне побуждающего мотива" [Там же, с. 206].

Несколько иная, причем противоречивая трактовка мотива дается С.Л. Рубинштейном. Подчеркивая, что "всякое действие, направляясь на определенную цель, исходит из тех или иных побуждений", С.Л. Рубинштейном называет мотивом "более или менее адекватно осознанное побуждение" [108, с. 443] и буквально через несколько строк отмечает: "мотивы поведения, как они осознаются действующим субъектом, представляют собой отражение его побуждений" [Там же, с. 444]. Но если мотив – это "осознанное побуждение", то зачем нужно еще раз осознавать то, что уже является осознанным?

Не вдаваясь далее в дискуссию о том, кто и как понимал суть мотива, отметим, что в любом случае мотив рассматривался и рассматривается как форма побуждения.

Выделение в качестве побуждения субъективной значимости объектов и явлений действительности тоже особых проблем не вызывает. Во-первых, потому, что понятие о субъективной значимости близко по смыслу понятию мотива в определении А.Н. Леонтьева. Во-вторых, многими психологами принимается положение о том, что эмоциональные психические процессы выполняют функцию побуждения. Функция

побуждения эмоций, по мнению А.А. Реан с соавторами, заключается в том, что "эмоции не только сигнализируют о потребности или желании, но и с достижением ими определенной интенсивности они настоятельно побуждают субъекта их удовлетворить" [107, с. 115]. По глубокому убеждению В.К. Вилюнаса, "именно эмоции являются теми психологическими образованиями, которые "окрашивают" в образе отражаемое содержание, как бы добавляясь к нему, выражая значимость этого содержания для субъекта (функция оценки) и определяя его к соответствующей деятельности (функция побуждения)" [17, с. 291]. По большому счету, функцию побуждения выполняют не столько эмоциональные психические процессы сами по себе, сколько их результаты, то есть отражаемая в них субъективная значимость тех особенностей действительности, которые составляют содержание "окрашиваемых" образов.

Несколько сложнее дело обстоит с интересами. Как показано в работе Т.В. Шороховой, "проблема интереса очень широко исследовалась в современной педагогике и психологии, но, несмотря на это, интерес остается одной из «загадочных» категорий, поскольку множество исследований не проясняет сути данного явления психики, а скорее наоборот, ведет к еще большей путанице" [131]. В принципе, среди психологов нет особых возражений против того, что интересы являются формой побуждения. Проблемы возникают с указанием их специфики относительно других форм побуждений и с научным определением понятия "интерес".

Истоки указанных проблем кроются, на наш взгляд, в этимологии слова "интерес", которое в переводе с латинского "interesse" означает "иметь важное значение" [134]. С одной стороны, в этом слове отражается наличие важности (в смысле необходимости) чего-то для субъекта, что непосредственно соотносит интерес с потребностью субъекта, а при осознании потребности и с мотивом. Однако в силу отсутствия в психологической литературе четкой дифференциации понятий "мотив" и "потребность", интерес часто называется то потребностью, то мотивом, в результате чего теряется специфика интереса как особой формы побуждения. С другой стороны, наличие в смысловой структуре слова

"интерес" понятия "значимости" ("значения") обуславливает возможность соотнесения интереса с эмоциональными психическими процессами, функцией которых как раз и является отражение субъективной значимости объектов и явлений действительности.

В связи с этим появляется возможность уйти от непосредственного отождествления интереса с потребностями и мотивами и придать ему специфический оттенок, выделив в структуре интереса две составляющие – мотивационно-потребностную и эмоциональную. Так согласно С.Л. Рубинштейну, "интерес – это мотив, который действует в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности" [108, с. 526]. В психологическом словаре "интерес" определяется как "эмоциональное состояние, связанное с осуществлением познавательной деятельности, и характеризующееся побудительностью этой деятельности" [113]. В определении И.А. Зимней интерес – это "эмоциональное переживание познавательной потребности" [40, с. 224]. Вместе с тем, не трудно заметить, что, несмотря на отражение в приведенных определениях двухкомпонентной структуры интереса, в этих определениях используются разные термины и формулировки, для согласования которых требуется приложить немало усилий. Используемые в определениях интереса в качестве первичных такие понятия, как "мотив", "эмоциональное состояние" и "эмоциональное переживание" вряд ли можно назвать синонимами.

В нашем определении интерес выступает как форма побуждения, в которой сочетаются признаки мотива (осознание познавательной потребности) и субъективной значимости (эмоциональной привлекательности). Кроме того, мы полагаем, что на основе интересов происходит формирование у человека новых потребностей. Если в результате неоднократной реализации интереса к чему-либо у человека возникают устойчивые положительные эмоциональные реакции (положительные переживания), то интерес переходит в потребность. В качестве примера и обоснования сказанного, может послужить описание М.И. Лисиной механизма формирования у ребенка потребности в общении на основе "пробуждения ... познавательного интереса к взрослому" [82, с. 35].

Поскольку интерес может быть связан как с объектом действительности, ставшим эмоционально привлекательным для субъекта, так и с каким-то действием по отношению к нему, на основе интереса могут формироваться как предметные потребности, так и операциональные, то есть потребности в определенных действиях. Трансформация интереса в потребность представляет собой психологический механизм формирования не только социально приемлемых, "положительных" потребностей, но и различного рода негативных зависимостей, в том числе наркотической или игровой [56].

Выделенные нами формы побуждения и их соотношение представлены в виде схемы на рис. 22.

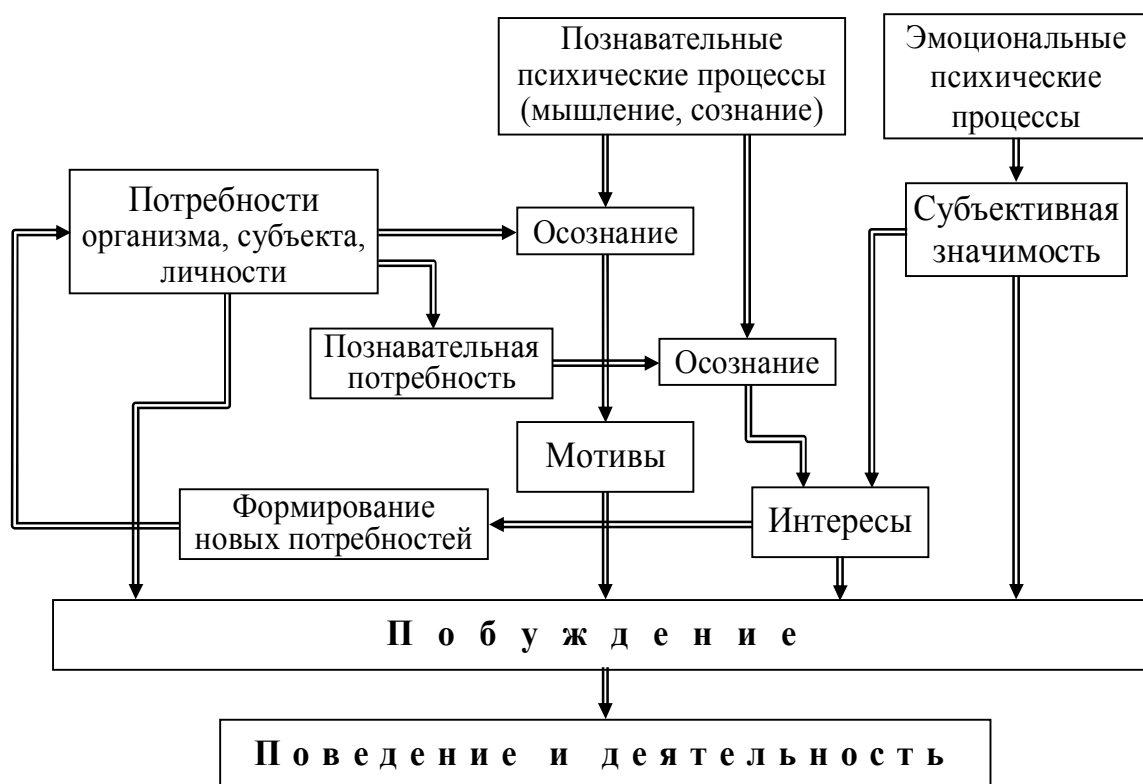

Рис. 22. Формы побуждений, лежащих в основе поведения и деятельности человека, и их соотношение.

Итак, деятельность, по определению, является одной из форм поведения, которая отличается наличием механизма его сознательной регуляции посредством формирования мотива и цели. Существенное значение в регуляции поведения и деятельности человека играют также возникающие и формируемые у него интересы, которые, будучи свя-

занными с процессами осознания, можно отнести к особой разновидности мотивов.

Общая схема, поясняющая механизм регуляции деятельности как сознательной формы поведения человека, представлена на рис. 23.

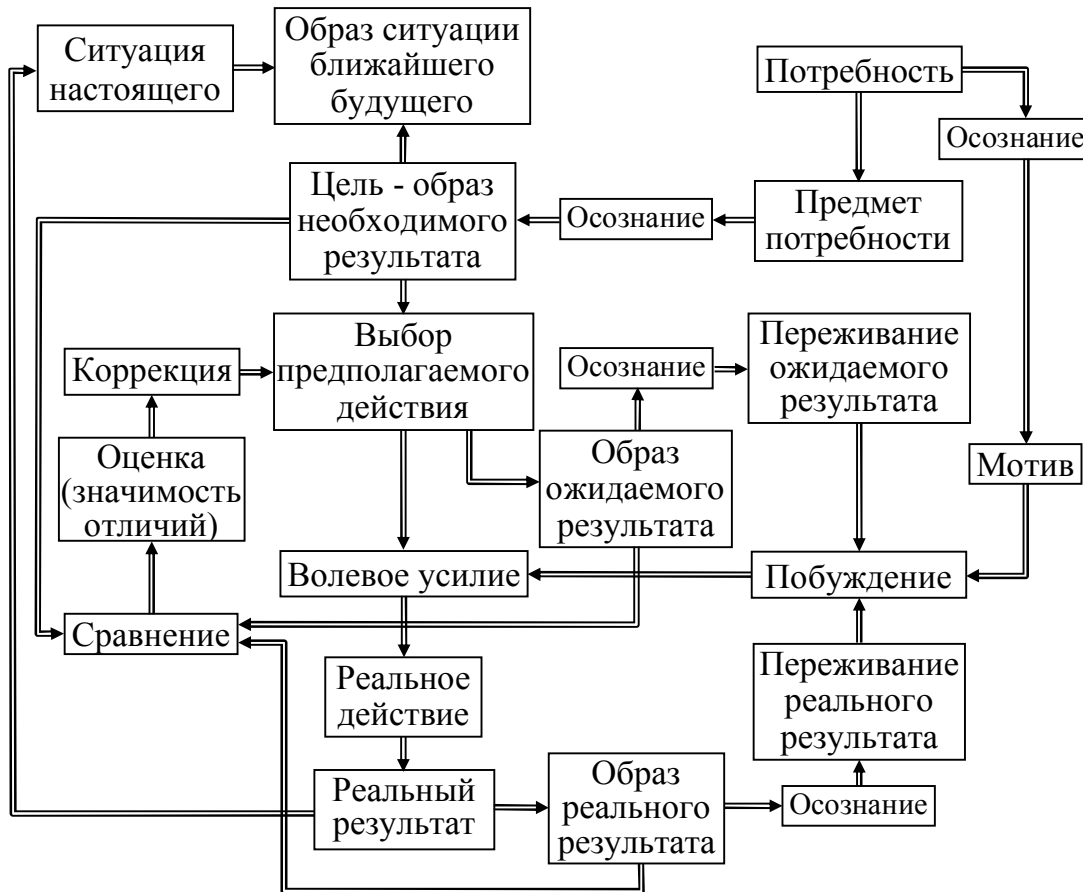

Рис. 23. Механизм регуляции деятельности как сознательной формы поведения человека.

При разработке схемы, отражающей механизмы регуляции поведения человека и представленной на рис. 23, мы исходили из двух фундаментальных, на наш взгляд, положений.

Во-первых, из положения Б.Ф. Ломова о том, что "мотив и цель образуют своего рода «вектор» деятельности, определяющий ее направление, а также величину усилий, развиваемых субъектом при ее выполнении" [83, с. 205]. При этом мотив "побуждает к деятельности", а цель "«конструирует» конкретную деятельность, определяя ее характеристики и динамику. Мотив относится к потребности, побуждающей к деятельности, цель – к предмету, на который деятельность направлена" [Там же, с. 207].

Суть второго положения, которое сформулировано в работе В.А. Орлова [95] и было использовано нами при разработке общепсихологической модели формирования психологической зависимости [56], состоит в том, что "побуждение к определенным действиям обуславливается у человека не столько необходимостью в удовлетворении определенной потребности, сколько ожиданием положительных переживаний, которые он может испытать в результате предполагаемых действий" [56, с. 133].

Представленные на рис. 23 элементы схемы, обозначенные как "Выбор предполагаемого действия", "Коррекция" и "Волевое усилие", характеризуют функции, которые выполняют в регуляции поведения человека волевые психические процессы.

Рассматривая деятельность как сознательную форму поведения, мы не должны забывать о том, что исходное понятие "поведение" мы определили как внешне проявляемую форму двигательной активности организма. Однако в психологии кроме внешне проявляемых форм активности и внешне-предметных действий рассматриваются так называемые "внутренние умственные действия" (в концепции П.Я. Гальперина [21]) и "внутренняя психическая деятельность" (в концепции А.Н. Леонтьева [79]). При наших определениях "действий" и "деятельности" как внешних форм двигательной активности использование их в сочетании с прилагательным "внутренний" было бы не корректным. Тем не менее, поскольку явления, описываемые и П.Я. Гальпериным, и А.Н. Леонтьевым все же существуют, и они действительно являются внутренними, их необходимо как-то обозначить. Наиболее подходящим, на наш взгляд, может быть использование понятия "процесс", тем более что сам А.Н. Леонтьев часто употреблял выражения "умственные процессы", "мозговые процессы", а также "психические процессы". Поэтому вместо понятий "внутренние умственные действия" и "внутренняя психическая деятельность" лучше использовать понятия "умственные процессы" и "психические процессы". При этом нет необходимости добавлять прилагательное "внутренние", так как эти процессы, протекая в психике, и так уже являются внутренними.

Вместе с тем в психике человека как субъекта, обладающего сознанием, могут протекать психические процессы, инициируемые не только внешними, но и какими-то внутренними факторами. Например, когда человеку для чего-то нужно что-то вспомнить или что-то понять, он запускает процессы памяти и мышления. При этом человек осознает не только причину запуска процессов – "для чего", но и необходимый результат, который должен быть достигнут. Следовательно, есть и мотив, и цель, но не внешней, а внутренней активности, поведенческие проявления которой могут быть и скрыты. Очевидно, в этом случае также имеет смысл говорить о деятельности, но не о "внутренней психической деятельности", а просто об умственной деятельности, как деятельности, протекающей в умственном или мысленном плане на основе определенной совокупности психических процессов. И тогда можно говорить как о процессах памяти или мышления, так и о мнемической или мыслительной деятельности человека. Причем в осуществлении и мнемической, и мыслительной деятельности принимают участие не только процессы памяти и, соответственно, мышления, но все другие психические процессы – и познавательные, и эмоциональные, и волевые. Как указывал Б.Ф. Ломов, вектор "мотив-цель" "выступает в роли системообразующего фактора, который организует всю систему психических процессов и состояний, формирующихся и разворачивающихся в ходе деятельности" [83, с. 206].

Появление у человека сознания и сознательных форм поведения, конечно же, не означает, что у него не могут проявляться формы поведения, присущие животным. Новые, более сложные формы поведения, которые возникли на высшей стадии развития психики, не исключают возможность реализации тех формы поведения, которые стали возможны на каждой из предшествующих стадий. Каждые новые формы поведения надстраиваются над предыдущими, обогащая общую совокупность форм поведения и образуя определенную иерархическую многоуровневую структуру, в которой формы поведения ниже лежащего уровня оказываются подчиненными формам поведения более высокого уровня. Как отмечал Н.А. Бернштейн, "ведущий уровень (*построения движений* – А.К.) явно распространяет свой контроль на все нижележащие, фоновые уровни, участвующие в данном движении, так что каждый из последних исполняет свою партию в оркестре движения, но

уже теряя в какой-то мере свое индивидуальное лицо и звуча только из-под палочки уровня-дирижера" [9, с. 53].

Для более удобного и наглядного обозрения рассмотренных нами субъективных (психических) форм поведения, включая сознательные, на рис. 24 представлена схема, в которой отражается динамика их эволюционного развития и развития лежащих в их основе психических процессов.

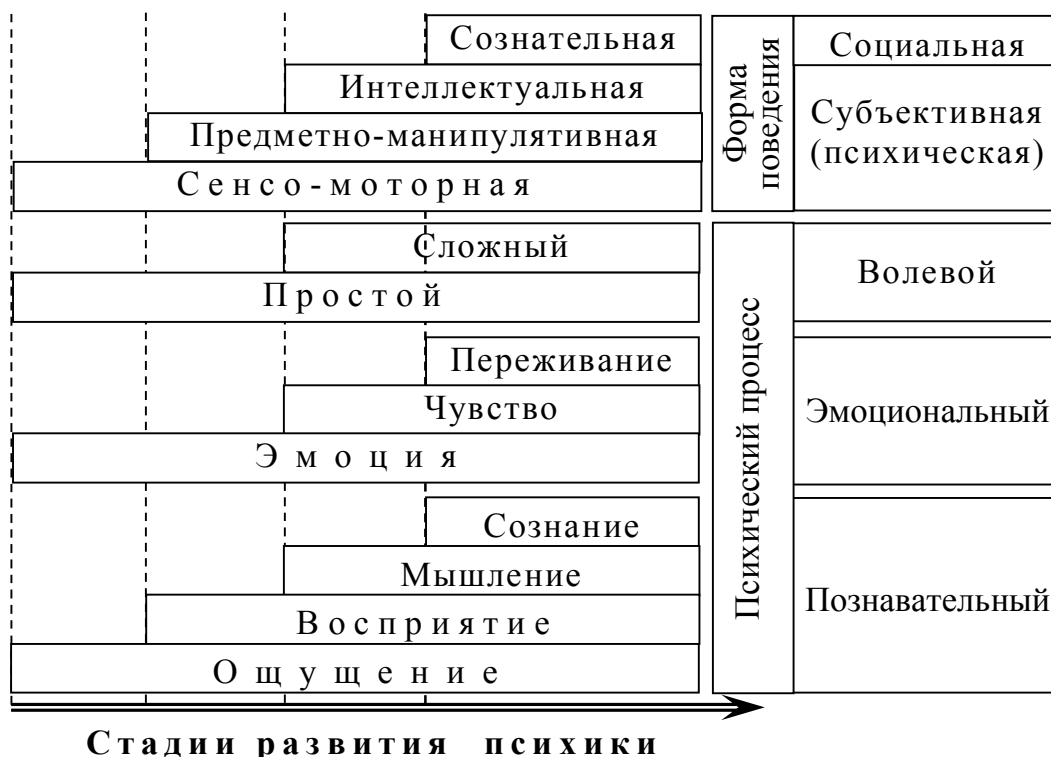

Рис. 24. Динамика эволюционного развития психики (познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов) и субъективных (психических) форм поведения, включая сознательные (социально обусловленные).

3.3. Психологические механизмы социальной детерминации возникновения сознания в фило- и онтогенезе

3.3.1. Постановка проблемы социальной детерминации сознания

Рассматривая сущность сознания и сознательной формы поведения человека, мы выясняли, что такое сознание, для чего оно предназначено и какую функцию выполняет в системе психических процессов и в регуляции поведения человека. Фактически мы занимались решением гносеологической (эпистемологической) проблемы сознания, признавая

сам факт наличия сознания. Однако существует еще онтологическая проблема сознания – проблема, которая связана с поиском ответов на вопросы о том, как появилось сознание, благодаря каким механизмам оно стало возможным. Сложность этой проблемы усугубляется тем, что по формально логическим причинам мы не можем рассматривать возникновение сознания в совместной трудовой деятельности, как это делается, например, в работе А.Н. Леонтьева [77], поскольку для осуществления любой деятельности, согласно определению понятия "деятельность", уже требуется наличие сознания. Без сознания и процессов осознания не может быть ни мотивов, ни целей, ни самой деятельности просто по определению. Очевидно, что по той же причине мы не можем говорить о наличии в животном мире социальных отношений и социальных процессов до появления сознания. Социальные отношения, по определению, представляют собой взаимодействие между людьми, совокупность которых образует социум. Как отмечается в работе В.В. Парцвания-Чараия, "«человек» как явление не может явиться без его сущности – социальности, и наоборот: социальность мыслима как качество, и в этом отношении смысловые нагрузки понятий «социальность» и «человек» совпадают" [97, с. 62].

И вот здесь, применительно к проблеме филогенеза сознания, можно согласиться с достаточно эмоциональным высказыванием В.М. Аллахвердова, о том, что "часто встречающееся утверждение, что сознание порождается социальными процессами, вообще выглядит нелепостью" [3, с. 49].

Тем не менее, следует признать, что появление сознания и, соответственно, человека с его социальной сущностью и самих социальных отношений все же состоялось. Значит, был и механизм, породивший сознание. Существует механизм, порождающий сознание, и сейчас. Сознание появляется у каждого вновь рождающегося человека в процессе его онтогенетического развития. Но и здесь мы не можем сказать, что оно появляется в результате какой-то совместной деятельности взрослого человека, уже имеющего сознание, и ребенка, еще не имеющего его. Не имея сознания, ребенок не может заниматься ни совместной, ни индивидуальной деятельностью. И все же сознание у ребенка возникает именно благодаря наличию взрослого и тем взаимодействиям, которые складываются между ребенком и этим взрослым.

Учитывая, что сознание является высшим уровнем развития психики, можно сделать вывод, что появление сознания в онтогенезе обусловливается двумя факторами: во-первых, наличием у самого ребенка определенных особенностей в развитии его психики, и, во-вторых, наличием рядом с ним другого человека, с которым у него складываются определенные взаимодействия и взаимоотношения. Однако взаимодействие между ребенком и взрослым не есть их совместная деятельность. Поэтому, когда в результате такого взаимодействия у ребенка появляется сознание, то его появление не должно рассматриваться как следствие совместной деятельности ребенка и взрослого. Вместе с тем, несмотря на то, что появление сознания не является результатом совместной деятельности, следует признать, что его появление, по крайней мере, в онтогенезе, социально детерминировано. Эта социальная детерминированность выражается в том, что сознание у ребенка возникает лишь при его взаимодействии с другим человеком, выступающим в качестве представителя социума.

Доказать наличие социальной детерминации в возникновении сознания в филогенезе более сложно, поскольку, как уже было сказано, пока сознание не возникнет, говорить о человеке и о социуме некорректно. Кроме того, здесь встает еще одна проблема – проблема необходимости возникновения сознания. С естественнонаучной точки зрения возникновение сознания у субъектов как носителей психики должно иметь причинную обусловленность, истоки которой лежат в особенностях самих субъектов и их взаимодействиях. При рассмотрении онтогенеза сознания эта проблема не возникает, поскольку сознание как специфическое явление уже существует у взрослых людей, а возможность появления сознания у ребенка детерминирована генетически. Необходимы лишь особые, в частности, социальные условия и социальные отношения. При наличии социальных отношений развитие психики ребенка с необходимостью достигает уровня, который характеризуется появлением сознания.

В связи с повышенной сложностью проблемы филогенеза сознания, рассмотрим сначала решение проблемы возникновения сознания в онтогенезе. Основная идея этого решения была изложена нами в работах [64, 68].

3.3.2. Психологические механизмы возникновения сознания в онтогенезе

Рассмотрим ситуацию взаимодействия ребенка и взрослого, которая представляет собой особую "диадическую систему", в рамках которой разворачивается процесс первичной социализации и социального научения ребенка [94]. Поскольку нас интересует механизм возникновения сознания как высшего уровня развития психики, мы можем рассматривать ребенка как субъекта (носителя психики), у которого психика в своем развитии уже достигла уровня интеллекта и познавательные, эмоциональные и волевые психические процессы, соответствующему этому уровню развития психики, развиты достаточно хорошо.

При взаимодействии взрослого (B) с ребенком (P) в психике взрослого формируются следующие образы:

- $(B)'_B$ – образ самого себя (в следствие наличия сознания);
- $(P)'_B$ – образ ребенка;
- $(\xrightarrow{BP})'_B$ – образ своего поведения по отношению к ребенку;
- $(\xrightarrow{PB})'_B$ – образ поведение ребенка по отношению к себе.

И вот здесь мы сделаем очень важное предположение о том, что представление взрослого о своем поведении по отношению к ребенку должно быть непосредственно связано, во-первых, с представлением о самом себе и, во-вторых, с представлениями о ребенке и о его поведении. Другими словами, мы предполагаем, что содержание образа $(\xrightarrow{BP})'_B$ непосредственно зависит от содержания образов $(B)'_B$ и $(P)'_B$, а также от содержания образа $(\xrightarrow{PB})'_B$.

Данное предположение, по существу, является выражением общих представлений Дж. Гибсона о том, что "информация о мире, который окружает точку наблюдения, подразумевает информацию о точке наблюдения, которая окружена миром. Один вид информации подразумевает наличие другого" [22, с. 121]. Применительно к явлениям субъект-субъектных взаимодействий можно сказать, что поведение каждого из взаимодействующих субъектов подразумевает наличие взаимных или реципрокных представлений друг о друге и возможных форм поведения по отношению друг к другу. Если это так, то в поведении взрослого по отношению к ребенку, должны как-то проявляться и его представления о себе, и представления о ребенке и его поведении.

Аналогичная мысль, но в несколько иной форме, выражается в работе М.И. Лисиной. "Взрослый, – пишет М.И. Лисина, – обращается с ним (с ребенком – А.К.) не как с предметом, вещью, но как с субъектом, и потому в воздействиях взрослого помимо объективно необходимых появляются еще и дополнительные компоненты особого свойства" [81, с. 248]. По мнению М.И. Лисиной наличие этих дополнительных компонент вызывает у ребенка "ощущение своей важности для окружающих, своего значения для них" и способствует развитию потребности в общении, главное в котором – "это узнать о себе и оценить себя через другого и с его помощью" [Там же].

При взаимодействии ребенка с взрослым в психике ребенка, уровень развития которой мы считаем достаточно высоким, возникают следующие образы:

- $(B)'_P$ – образ взрослого, полученный в результате процессов его непосредственного восприятия;
- $(\xrightarrow{BP})'_P$ – образ непосредственного восприятия поведения взрослого;

В силу того, что в поведении взрослого в соответствие с нашим предположением проявляются его представления о себе $(B)'_B$, о ребенке $(P)'_B$ и о поведении ребенка $(\xrightarrow{PB})'_B$, в психике ребенка при восприятии поведения взрослого помимо образа поведения $(\xrightarrow{BP})'_P$ дополнительно благодаря процессам мышления (точнее, благодаря операции анализа, которая является составной частью мышления) возникают еще три образа:

- $((B)'_B)'_P$ – образ, в котором отражается представление взрослого о самом себе;
- $((P)'_B)'_P$ – образ, в котором отражается представление взрослого о ребенке;
- $((\xrightarrow{PB})'_B)'_P$ – образ, в котором отражается представление взрослого о поведении ребенка.

Как в восприятии, согласно концепции Дж. Гибсона, из "объемлющего света" человек извлекает информацию об объектах окружающего мира, так и здесь мы можем сказать, что ребенку удастся при восприятии поведения взрослого за счет процессов мышления (операций анализа) извлечь из этого поведения проявляемые в нем представления взрослого $(P)'_B$ и $(\xrightarrow{PB})'_B$, то есть представления о себе и своем поведении, которые есть в психике взрослого.

В наглядной форме образование в психике ребенка указанных выше образов в результате его взаимодействия с взрослым представлено на рис. 25.

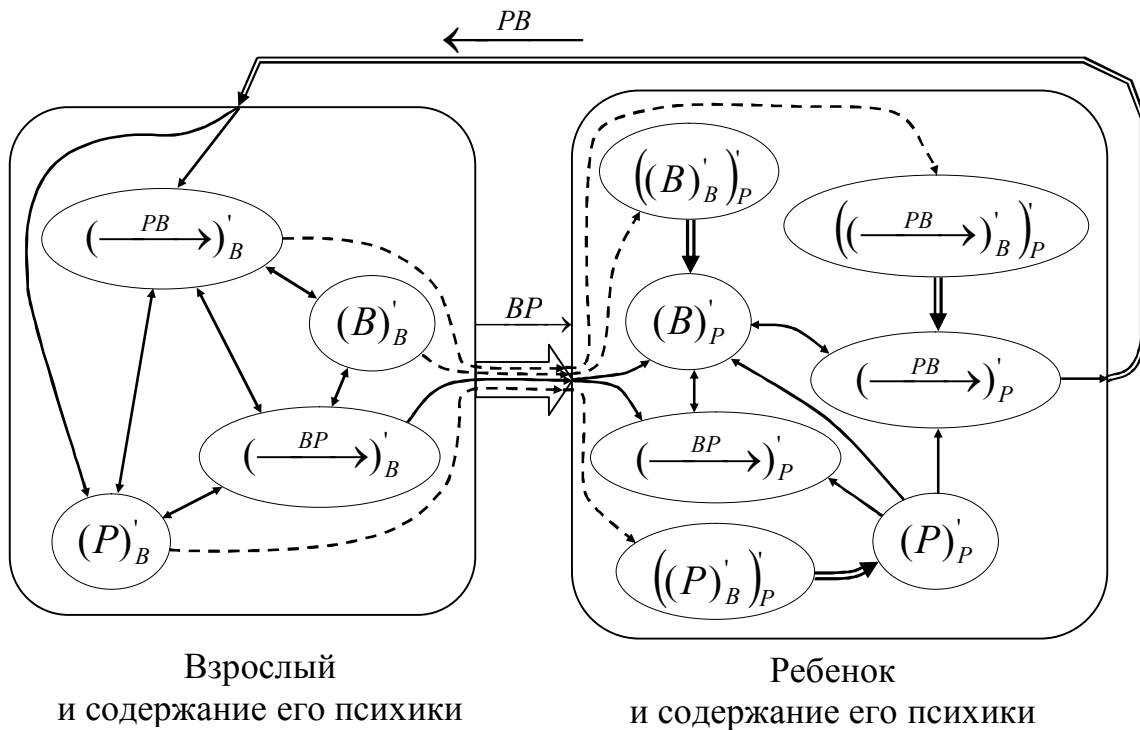

Рис. 25. Психологические механизмы возникновения сознания и образования в психике ребенка (P) при его взаимодействии с взрослым (B) образов себя $(P)'_P$ (как образа "Я"), взрослого $(B)'_P$ (как образа "Другого") и образов своего поведения $(\xrightarrow{PB})'_P$ и поведения взрослого $(\xrightarrow{BP})'_P$.

В представленной на рис. 25 схеме следует обратить особое внимание на то, что в результате взаимодействия ребенка с взрослым в психике ребенка образуется не только образ самого ребенка $(P)'_P$, то

есть образ его "Я", но и образ взрослого $(B)'_P$, как образ другого человека, отличного от "Я". Механизм трансформации образов $\left((P)'_B\right)'_P$ и $\left((B)'_B\right)'_P$ соответственно в образы $(P)'_P$ и $(B)'_P$ представляет собой не что иное, как механизм сознания. Это и есть тот процесс сознания, в результате которого человек, в данном случае ребенок, начинает выделять себя среди объектов окружающей среды, становится способным осознавать факт своего существования в этой среде и отличать себя ("Я") от всех других живых и неживых объектов, которые соотносятся с понятием "Не-Я".

В рассмотренном нами примере образ "Я", который возникает у ребенка, является, своего рода, копией (проекцией, трансляцией) представлений о нем того взрослого, с которым ребенок взаимодействует. Однако в реальной жизни ребенок, взаимодействует со многими взрослыми, которые, как правило, по-разному относятся к ребенку, и у них о ребенке складываются разные представления. Соответственно, и в поведении взрослых по отношению к ребенку будут проявляться их специфические представления о ребенке. Как в этом случае происходит формирование образа "Я"?

Допустим, что ребенок взаимодействует с двумя взрослыми. Назовем их условно мама (M) и папа ($П$). У мамы представления о ребенке характеризуются образом $(P)'_M$, который содержит множество отдельных признаков $(p_i)'_M$. У папы образ ребенка $(P)'_П$ отличается от маминского и включает в себя другое множество признаков $(p_j)'_П$. Очевидно, что указанные множества являются пересекающимися, то есть в этих множествах есть одинаковые или схожие признаки.

При взаимодействии ребенка с мамой в психике ребенка возникает отражение представлений о нем мамы в форме образа $\left((P)'_M\right)'_P$, в котором в качестве его составляющих выступает множество признаков $\left((p_i)'_M\right)'_P$. При взаимодействии ребенка с папой в психике ребенка, соответственно, возникает образ $\left((P)'_П\right)'_P$ с множеством признаков

$\left((P_j)'_{\Pi} \right)'_P$. Благодаря процессам мышления происходит анализ каждого из образов и выделение составляющих их признаков. Затем осуществляется сопоставление признаков каждого множества, выделение наиболее значимых из них, а также совпадающих, и формирование на их основе нового целостного образа, который и является образом $(P)'_P$. По существу образ "Я" в психике ребенка возникает как обобщенное отражение представлений о нем тех взрослых, с кем он взаимодействует.

Для нашего примера формирование сознания и, соответственно, образа "Я" ребенка можно записать в символической форме следующим образом $\left((P)'_M \right)'_P + \left((P)'_{\Pi} \right)'_P \Rightarrow (P)'_P$. В графической форме, но более упрощенной по сравнению с предыдущей схемой (см. рис. 25), то же самое представлено на рис. 26.

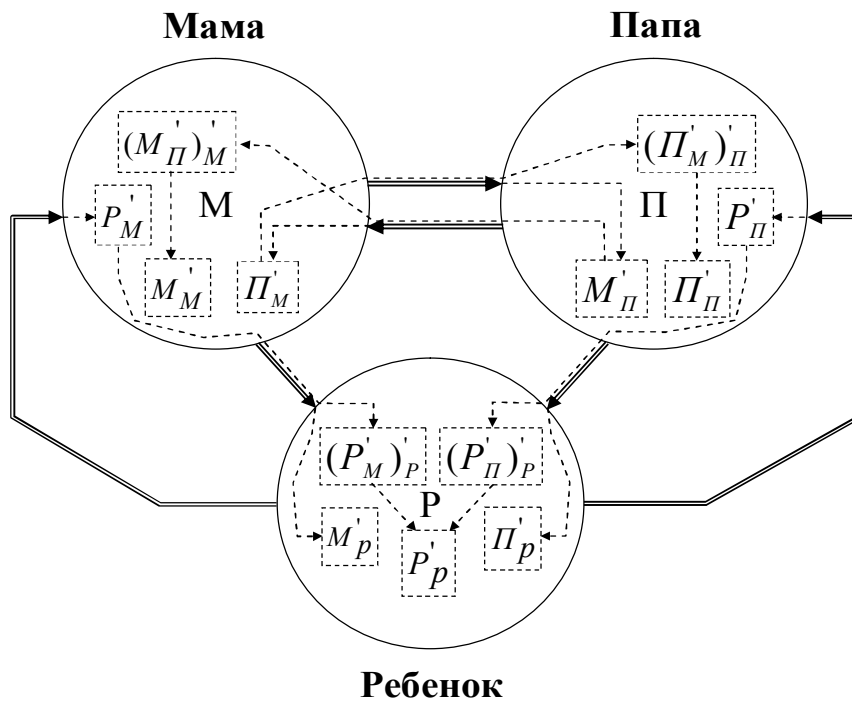

Рис. 26. Механизм возникновения образа "Я" $(P)'_P$ в психике ребенка (P) при его взаимодействии с двумя взрослыми – мамой (M) и папой (Π) . (Пояснения в тексте).

Рассматривая механизм возникновения сознания и образа "Я" в психике ребенка, следует учесть, что у взрослых благодаря эмоциональным психическим процессам при формировании образа ребенка

происходит отражение и значимости ребенка, как в целом, так и его отдельных свойств и качеств. При взаимодействии взрослых с ребенком в психику ребенка транслируются (проецируются) и сами представления взрослых о ребенке, то есть образы $(P)'_M$, $(P)'_П$, и субъективные значимости ребенка, а также субъективные значимости отдельных признаков, составляющих содержание каждого образа. В результате в состав обобщенного образа включаются те признаки, которые имеют более высокую значимость.

Значимость признаков, составляющих структуру образа $(P)'_P$, определяется не только степенью значимости ребенка для взрослого, но и взрослого для ребенка. Если взрослый не отражается в психике ребенка как значимый, то и особенности его представлений о ребенке не являются для ребенка значимыми и потому не будут включаться в состав обобщенного образа ребенка о самом себе.

Благодаря трансляции в психику ребенка субъективной значимости ребенка для взрослого, в психике ребенка формируются не просто знания о себе и своих действиях, но и отношение к себе и к своим действиям, которое является обобщением отношений взрослых. Таким образом, социально детерминированными оказываются не только представления ребенка о себе, но и его отношение к себе, то есть самооценка.

Если для обозначения субъективной значимости использовать черту, проводимую сверху над образом того, что является значимым, то отношение взрослого (B) к ребенку (P) может быть выражено следующим образом – $\overline{(P)'_B}$. Соответственно, самооценка ребенка будет выглядеть так – $\overline{(P)'_P}$.

В принятых обозначениях формирование самооценки ребенка на основе обобщения отношений со стороны двух взрослых (M) и ($П$) записывается следующим образом $\left(\overline{(P)'_M}\right)'_P + \left(\overline{(P)'_П}\right)'_P \Rightarrow \overline{(P)'_P}$. Формирование оценки ребенком своего поведения по отношению к взрослому (B)

как отраженной оценки этого поведения взрослым, записывается сле-

$$\text{дующим образом } \left(\left(\overrightarrow{PB} \right)'_B \right)'_P \Rightarrow \left(\overrightarrow{PB} \right)'_P.$$

По мере возникновения у ребенка сознания и соответствующего образа "Я", в психике ребенка благодаря процессам мышления начинают образовываться связи образа "Я" с другими образами, находящимися в психике. Начинаются процессы осознания и образования в психике области "сознательного" или "осознаваемого". Мир, отраженный в психике ребенка в форме множества образов, начинает выступать для ребенка как предстоящий ему, как Мир, в котором он находится. Предстояние Мира ребенку отражается в психике ребенка как предстояние образов, в которых отражается содержание Мира, образу "Я", в котором отражается реальное "Я" ребенка. Конечно же, то, что представлено ребенку в его сознании, составляет очень малую часть того, что отражается в его первичной психике. С появлением сознания у ребенка возникает две внутренние картины Мира. Одна, более обширная и детализированная, является содержанием первичной психики или области неосознаваемого, другая, значительно меньшая по объему, представлена в сознании (в рефлексивной психике или в области осознаваемого).

Если принять во внимание существенно меньший объем содержания рефлексивной психики по сравнению с первичной психикой и тот факт, что содержание образов первичной психики с переходом в область рефлексивной психики не меняется, возникает вполне логичный вопрос: "В чем состоит прогрессивное значение рефлексивной психики и, соответственно, сознания, благодаря которому она и возникает?". Очевидно, что в плане отражения особенностей текущей ситуации и регуляции поведения в условиях "здесь и сейчас" явных преимуществ у рефлексивной психики нет, скорее наоборот. Значит, дело не в этом, не в совершенствовании индивидуальных форм отражения и регуляции поведения в условиях текущей ситуации. Поскольку сущность человека в его социальности, то, по всей видимости, предназначение сознания, отличающего человека от животного, состоит в том, чтобы обеспечить возможность проявления этой социальности, возможность установления определенных отношений с другими людьми, отношений, которые называются социальными.

3.3.3. Онтогенетические механизмы возникновения речи и социальных отношений

Основным проявлением социальной сущности человека является общение. Как отмечает Б.Ф. Ломов, "общественная сущность человека раскрывается в материальном и духовном, непосредственном и опосредствованном, прямом и косвенном общении" [83, с. 186]. При этом под общением понимается особая "субъект-субъектная" форма взаимодействия между людьми, в которой "осуществляется как бы презентация «внутреннего мира» субъекта другим субъектам" [Там же, с. 249]. "В общении, – подчеркивает Б.Ф. Ломов, – происходит взаимная презентация субъектами результатов (и в какой-то мере самого процесса) психического отражения" [Там же, с. 262].

Принимая положение о том, что общение есть проявление социальной сущности человека, и учитывая определение общения, сформулированного Б.Ф. Ломовым, можно сказать, что простейшая форма социальных отношений возникает сразу же, как только два представителя рода "*Homo sapiens*", будучи субъектами (носителями психики), встретятся друг с другом. Поскольку поведение каждого субъекта детерминировано содержанием их психики, то хотят субъекты того или не хотят, но определенное содержание психики одного субъекта посредством его поведения так или иначе будет презентоваться другому субъекту. Когда содержание психики, презентуемое одним субъектом, будет отражено в психике другого субъекта и произведет там определенные изменения, изменится и само поведение этого другого субъекта. При встрече двух субъектов их индивидуальные формы поведения в результате процессов общения становятся взаимозависимыми.

И вот здесь возникает вопрос: "Можно ли рассматривать возникновение взаимозависимости поведений субъектов, которое происходит в результате процессов взаимной презентации содержания их психики, как форму социальных отношений между субъектами?". Вопрос этот носит принципиальный характер. Если мы ответим "да", нам придется признать наличие социальных отношений в мире животных, поскольку в животном мире психологические механизмы образования взаимозависимости поведения точно такие же. У животных тоже есть психика и

психические формы отражения действительности, и их поведение также регулируется содержанием их психики. Содержание психики животных также проявляется в их поведении, также презентуется всем другим животным и также отражается в психике этих других животных, вызывая определенные изменения уже в их поведении. Признав наличие социальных отношений в мире животных, мы вынуждены будем сделать следующий шаг. Если мы будем связывать наличие социальных отношений с наличием сознания, нам придется признать наличие сознания у животных, что, на наш взгляд, не является целесообразным. Если мы будем считать, что у животных все же нет сознания, нам придется отказаться от связи социальных отношений с сознанием, либо признать наличие двух видов социальных отношений – тех, которые присущи животным, не имеющим сознания, и тех, которые присущи людям, отличающимся от животных наличием сознания.

Если, однако, на вопрос о наличии социальных отношений в животном мире мы ответим "нет", то остаются в силе наиболее распространенные представления о том, что в социальных отношениях проявляется сущность человека, что они могут быть только между людьми, которые отличаются от животных наличием сознания. В этом случае для обозначения того, что называется "социальным отношением" в животном мире, следует использовать другой термин, например, "соподчиненные отношения" или "соподчиненное поведение".

Однако, независимо от того, как будет называться взаимодействие между животными, которое приводит к взаимозависимым формам их поведения, представляется правомерным использование понятия "общение", как процесса взаимной презентации содержания психики, и по отношению к людям, и по отношению к животным. Другое дело, что у человека в силу наличия сознания презентация содержания своей психики может быть целенаправленной – направленной на изменение либо представлений, либо поведения другого субъекта. Сам человек в этом случае будет выступать как субъект коммуникативной деятельности, то есть деятельности общения. Возможность рассматривать общение как самостоятельный, несводимый к другим видам деятельности, отмечалась А.А. Бодалевым, который писал: "Общение как вид деятельности может

иметь самостоятельное значение и прямо не обслуживать никакую другую деятельность" [11, с. 10].

Если один из двух взаимодействующих субъектов сознанием не обладает (например, в случае взаимодействия взрослого и ребенка), то мы имеем общение и как деятельность, и как процесс. Общение как процесс выражается в наличии взаимных презентаций содержания психики и взаимозависимости поведений двух субъектов (взрослого и ребенка). Общение как деятельность проявляется лишь в поведении того субъекта, который обладает сознанием и у которого презентация содержания своей психики носит целенаправленный характер (то есть у взрослого).

В случае взаимодействия двух субъектов, каждый из которых обладает сознанием и презентует содержание своей психики другому с определенной целью, мы уже имеем полноправные социальные отношения. В социальных отношениях каждый из субъектов отношений осуществляет свою деятельность общения, преследуя свои индивидуальные цели. Однако при этом имеет место и процесс общения, который, собственно, и обеспечивает реализацию коммуникативных деятельностей субъектов социальных отношений.

Если подчинить индивидуальные цели коммуникативных деятельностей двух субъектов некоторой общей цели, то получим то, что обычно называется совместной деятельностью. Б.Ф. Ломов, например, указывал, что "фактором, объединяющим людей в совместной деятельности и направляющим ее, является общая цель" [83, с. 232]. И далее в работе Б.Ф. Ломова еще раз обращается внимание на то, что "формирование общей цели является первым и непременным условием совместной деятельности" [Там же, с. 234]. Однако возможность формирования общей цели и, соответственно, совместной деятельности предполагает наличие сознания у каждого из взаимодействующих субъектов.

В качестве совместной деятельности может выступать не только коммуникативная деятельность, но и другие виды деятельности: предметная, игровая, учебная, трудовая и пр. И во всех видах совместной деятельности в обязательном порядке будет присутствовать общение как

процесс взаимной презентации содержания психики всех субъектов совместной деятельности.

Возвращаясь к рассмотрению взаимодействия взрослого, имеющего сознание, и ребенка, у которого сознание еще не появилось, можно отметить, во-первых, наличие между ними процесса общения и, во-вторых, наличие у взрослого деятельности общения.

В качестве целей в деятельности взрослого можно выделить следующие:

1) передача ребенку знаний о тех формах поведения, которые от него ожидаются;

2) создание у ребенка внутреннего побуждения к совершению ожидаемых от него форм поведения;

3) передача ребенку знаний о том, к чему он должен стремиться.

Поскольку при отсутствии сознания ребенок выступает как существо биологическое, достижение взрослым первой цели может обеспечиваться теми же способами, которыми применяются для выработки необходимых форм поведения у животных при их дрессировке, в том числе и при выработке сложных навыков интеллектуального поведения. Это может быть, например, демонстрация необходимой формы поведения на личном примере, основанная на принципе "Делай как я", или на примере поведения другого ребенка в расчете на механизм подражания. Это может быть и принуждение ребенка к выполнению необходимого поведения с использованием различных форм поощрения и наказания, положительного и отрицательного подкрепления [82, 98].

Добиться от ребенка выполнения требуемых действий и движений можно путем их действенной демонстрация, которая выражается в оказании ребенку непосредственной помощи в их выполнении. При этом у ребенка даже при пассивном воспроизведении действия происходит формирование его внутренней когнитивной модели на основе обратной проприоцептивной афферентации (на основе, так называемого, "мышечного чувства"). В дальнейшем по мере повышения степени самостоятельности и собственной активности ребенка в выполнении требуемого действия когнитивная модель этого действия, сформированная при его пассивном воспроизведении, будет служить для ребенка внут-

ренным эталоном, ориентиром, к достижению которого он будет стремиться.

Чтобы можно было представить механизмы онтогенеза сознания в наглядной схематичной форме, обозначим действия взрослого, направленные на достижение первой цели, термином "Демонстрация".

Действия взрослого, направленные на достижение второй цели, то есть на создание у ребенка побуждений к совершению требуемых действий, обозначим термином "Мотивация". В данном случае под "мотивацией" понимается действия по созданию мотива. Взрослый не просто побуждает ребенка к определенному действию, но и добивается осознания ребенком его значимости, необходимости, что является необходимым условием формирования у ребенка внутренней мотивации к выполнению требуемого действия. Для достижения этой цели нужно, как минимум, привлечь внимание ребенка к выполняемому действию, вызвать у него интерес к действию. А это достигается путем активизации у ребенка эмоциональных психических процессов. Добиться передачи значимости действия ребенку, еще не владеющему речью и не понимающему речи взрослого, можно лишь за счет соответствующего интонирования речевого воздействия, которым обычно сопровождается взаимодействие взрослого с ребенком. Ребенок на этапе доречевого развития очень чувствителен к интонации, с которой взрослый произносит слова и отдельные звуки [88].

Достижение взрослым третьей цели своей коммуникативной деятельности, то есть осознания ребенком результата требуемого действия, возможно, по-видимому, лишь путем объяснения.

В отличие от понимания, при котором в психике образуются связи между образами (знаниями), объяснение предполагает наличие этих связей в психике у одного человека и выражается в презентации их другому с целью образования соответствующих связей (понимания) в психике этого другого. Учитывая, что понимается и объясняется всегда "что-то" и "кем-то", можно сказать, что объяснение взрослого является его своеобразной деятельностью, направленной на достижение понимания ребенком того, что от него требуется.

По мере появления у ребенка процессов сознания и осознания он становится способным не только к пониманию происходящего, но и к самостоятельному объяснению возникающих у него знаний, желаний и потребностей. Соотношение процессов понимания и объяснений, возникающих при взаимодействии взрослого и ребенка, представлено на рис. 27.

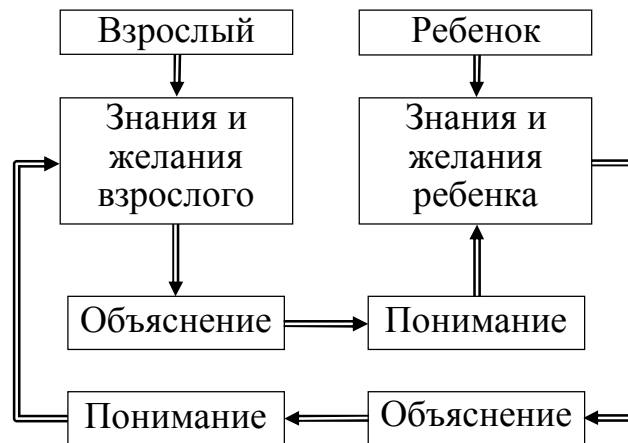

Рис. 27. Соотношение процессов понимания и объяснений, возникающих при взаимодействии взрослого и ребенка.

Следует отметить, что для объяснения чего-либо наличие процессов сознания и осознания является необходимым, но не достаточным условием. Процессы сознания и осознания обеспечивают расширение области рефлексивной психики, увеличение количества рефлексивных образов, формирование у человека внутренней, осознаваемой им картины мира. Человек может многое знать, понимать, осознавать это понимание и использовать его для регуляции своего поведения. Но для того, чтобы объяснить то, что он знает и понимает, другому человеку, ему необходимы особые механизмы передачи своих знаний и пониманий. Образ, будучи психическим отражением, не является материальным образованием, и его просто так не передашь. И вот здесь на передний план выходят процессы обозначения или "сигнификации", как их называет Л.С. Выготский [19, с. 86].

С точки зрения психологических механизмов процесс обозначения – это процесс образования в рефлексивной психике связи между двумя образами, один из которых выполняет функцию знака, информационного эквивалента содержания другого образа. В работах по семиотике

под знаком в самом общем случае понимается любое явление, обозначающее, репрезентирующее другое. Как указывается в работе А.А. Ветрова, "там, где один предмет функционирует как знак другого предмета, имеет место отношение обозначения" [16]. Для нас, однако, важно отметить, что в процессе обозначения содержание того, что обозначается, и сам знак, обозначающий это содержание, представлены в рефлексивной психике в форме образов. Принципиальное отличие этих образов состоит в следующем. В образе, содержание которого обозначается и выражается в знаке, представлено определенное знание человека о действительности, которое нужно передать другому человеку. Образ знака – это образ определенного действия или движения человека, доступного для чувственного отражения в психике других людей и служащего средством передачи этого знания. Это могут быть, например, действия по произношению определенной совокупности звуков (слов), действия, связанные с начертанием изображений (символов) или изобразительные действия (жесты). Поскольку в психике образы слов, символов, жестов связываются с образами объектов и явлений действительности (благодаря процессам мышления), слова, символы и жесты начинают выполнять функцию знака соответствующего объекта или явления действительности.

Аналогичное понимание знака дается в философской энциклопедии под редакцией А.А. Грицанова [47]. "Знак – материальный, чувственно воспринимаемый предмет (событие, действие или явление), выступающий в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования. Предназначен для приобретения, хранения, преобразования и трансляции определенной информации (сообщения)".

Система знаков, образуемая в процесс взаимодействия и общения субъектов (носителей психики), образует язык, а непосредственное использование языка в общении представляет собой речь.

Поскольку психика есть не только у человека, но и у животных, и формы их поведения взаимозависимы, можно, очевидно, говорить о том, что у животных также есть *процессы* общения (подчеркиваю – *процессы*, но не *деятельность* общения!), своя система знаков, то есть

свой язык, и своя форма его использования, то есть речь. Однако знаки у животных являются отражением не особенностей объектов и явлений действительности, представленных в их психике в форме когнитивных образов, как у человека, а особенностей эмоционального состояния самого животного, субъективной значимости содержания когнитивных образов, которая отражается у животных в эмоциональных психических процессах. По выражению Л.С. Выготского, "это – словарь эмоциональных значений" [19, с. 92]. Поэтому речь животных, в которой используются специфические для них знаки, Л.С. Выготский называет "эмоциональной речью". Он пишет: "Мы видим в сущности в этом словаре то же самое, что высказано Келером относительно речи шимпанзе вообще: это – эмоциональная речь" [Там же].

Что касается знаков и речи человека, то их появление представляет особое событие в развитии человеческой психики. Одним из первых описал это событие В. Штерн. Как отмечает Л.С. Выготский, "он показал, как у ребенка «пробуждается темное сознание значения языка и воля к его завоеванию». Ребенок в эту пору, – как говорит Штерн, – делает величайшее открытие в своей жизни. Он открывает, что «каждая вещь имеет свое имя»" [19, с. 95]. По мнению самого Л.С. Выготского, это событие представляет собой "переломный момент, начиная с которого речь становится интеллектуальной, а мышление – речевым" [Там же].

Отражение знака, представляемого взрослым, в психике ребенка всегда происходит на основе процессов чувственного познания (обычно, зрительных или слуховых восприятий). При совместном возникновении в психике ребенка образа знака и образа обозначаемого им содержания действительности между ними за счет процессов мышления образуется связь. В результате у ребенка возникает понимание, что знак есть особая форма представления содержания действительности, отраженного в психике (или знания, заключенного в образе), с помощью которой это содержание (знание) можно быть передано другому человеку. Это и есть тот переломный момент в развитии психики ребенка, когда у него возникает, с одной стороны, сознание, как процесс образования образа "Я", образа "Другого" и рефлексивная психика, и, с другой сто-

роны, "интеллектуальная речь", с помощью которой он получает возможность сообщать этому "Другому" то, что он начинает осознавать.

Механизм передачи знаний от одного человека (А) к другому (Б) посредством знаков в форме слов представлен в графической форме на рис. 28.

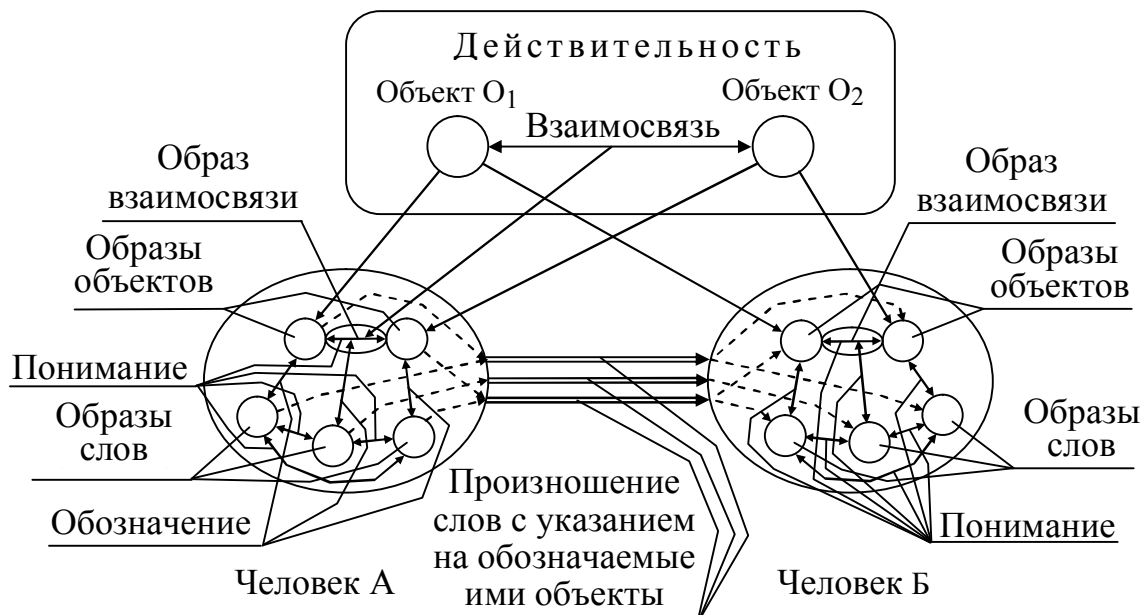

Рис. 28. Передача человеком А человеку Б знаний о взаимосвязи объектов O_1 и O_2 посредством обозначения знаний (содержания образов) об объектах и взаимосвязи между ними соответствующими словами (знаками).

Однако возникновение сознания и интеллектуальной речи не является событием одномоментным. Как отмечает Л.С. Выготский, "развитие употребления знака и переход к знаковым операциям (сигнификативным функциям) никогда – как показали систематические экспериментальные исследования – не являются простым результатом однократного открытия или изобретения ребенка, никогда не совершаются сразу, в один прием" [19, с. 76]. Взаимодействие ребенка и взрослого должно носить циклический характер и рассматриваться в динамике функционирования целостной системы "взрослый – ребенок", в которой деятельность общения осуществляется не только взрослым, но и ребенком. В этой системе, в системе взаимных общений, которую Л.С. Выготский называет "системой «Мы»", ребенок не только усваивает знаки,

демонстрируемые взрослым, но и пытается создавать свои в той мере, в какой это позволяют ему уровни его текущего психического и физического развития. И здесь уже от взрослого требуется понимание знаков, демонстрируемых ребенком.

Очевидно, что на начальных этапах развития ребенка, когда его сознание и рефлексивная психика только начинают формироваться, его речевые возможности крайне ограничены. В этот период речь ребенка настолько невнятна, что ее понимание достигается взрослым исключительно на интуитивном уровне. В возрастной психологии начальные формы речи ребенка получили названия "лепет" и "автономная речь" [90]. "Автономная речь" – это речь для внутреннего пользования исключительно в рамках той автономной системы "взрослый – ребенок", функционирование которой приводит к формированию у ребенка сознания и речи.

Интуитивное понимание взрослым знаний и желаний ребенка, выражаемых в его поведении, может привести и, скорее всего, приводит к изменению предшествующих целей и намерений взрослого. В результате цели и действия взрослого становятся зависимыми от знаний и желаний ребенка. Возникает своего рода симбиоз взрослого и ребенка, взаимозависимые действия которых позволяют говорить о становлении совместных действий и установлении между взрослым и ребенком особой формы социальных отношений, которая характеризуется появлением взаимных целенаправленных воздействий.

Схематично механизм возникновения речи ребенка и социальных отношений в форме общения в системе "взрослый – ребенок" представлен на рис. 29.

Поскольку процессы понимания непосредственно связаны с процессами мышления, понимание ребенком речи взрослого и формирование автономной речи позволяет говорить не только о появлении "интеллектуальной речи" (наряду с "эмоциональной"), но и "речевого мышления". Если в качестве знака выступает слово, то речевое мышление – это вербальное мышление. Если знаком является символ, то мышление – символное. Примером символного мышления является математическое мышление.

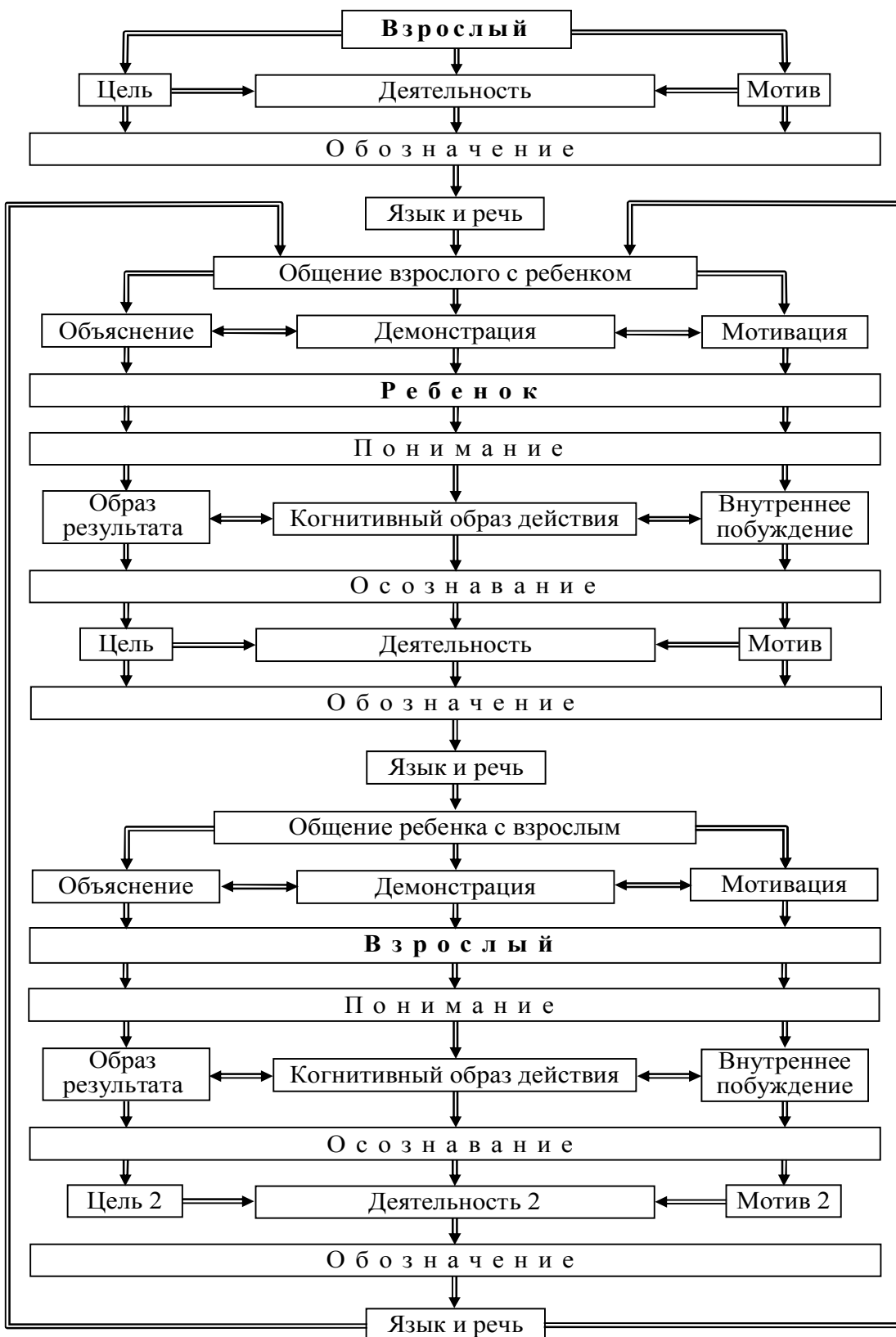

Рис. 29. Онтогенетические механизмы развития речи ребенка и социальных отношений в форме общения в системе "взрослый – ребенок".

Однако следует иметь в виду, что процессы мышления всегда протекают в психике и всегда представляют собой процесс образования связей между возникающими в психике образами. В этом смысле мышление всегда образное. Не бывает мышления безобразного. Вместе с тем, наличие в психике специфических образов, в частности, образов, выполняющих функцию знака, позволяет выделять и вербальное (понятийное, словесно-логическое), и символическое мышление. Если в качестве специфической рассматривать совокупность образов восприятия, то, очевидно, можно говорить о наглядно-образном, и наглядно-действенном мышлении [99]. Рассматривая как специфическую совокупность образов, которыми человек оперирует, занимаясь какой-либо профессиональной деятельностью, можно говорить и о профессиональном мышлении, в частности о профессиональном педагогическом мышлении [106]. Однако, если следовать этой логике, то можно договориться о наличии и "ямокопательного мышления" как вида мышления, которым человек оперирует, занимаясь копанием ямы, и при котором в его психике образуются связи между образами специфических объектов – ямы и лопаты и специфических действий – действий копания. В связи с этим хотелось бы отметить, что, выделяя разные виды мышления, необходимо быть очень осторожным в выборе логических оснований или критериев их выделения.

3.3.4. Возникновение сознания, речи и социальных отношений в филогенезе

Как мы уже отмечали, проблема филогенеза сознания значительно более сложная, нежели проблема его онтогенеза. По формально логическим основаниям возникновение сознания не может рассматриваться как результат социальных отношений, поскольку появление самих социальных отношений связано с наличием сознания у субъектов этих отношений. В связи с тем, что ни появление сознания, ни появление социальных отношений не может предшествовать друг другу, логично предположить, что их зарождение происходило одновременно, а даль-

нейшее развитие осуществлялось уже на основе непосредственного взаимного обусловливания по типу положительной обратной связи. Вопрос в том, что могло послужить начальным толчком к их зарождению и на основе какого типа взаимодействия между субъектами, обладающими психикой, это стало возможным.

Поскольку сознание считается высшим уровнем развития психики, анализ возможных механизмов его возникновения в филогенезе (как и в онтогенезе) следует начинать с рассмотрения особенностей взаимодействия двух субъектов, у которых достаточно развиты процессы мышления и которые способны к разумным формам поведения.

В качестве ключевых моментов, которые составили основу предложенной нами концепции механизмов онтогенетического развития сознания у ребенка, можно выделить два предположения. Первое предположение – это предположение о том, что в поведении взрослого по отношению к ребенку проявляется представление взрослого о ребенке. Будучи отраженным в психике ребенка, это представление трансформируется в представление ребенка о самом себе и служат основой формирования в психике ребенка образа самого себя, то есть образа "Я". Второе предположение состоит в том, что мы допустили наличие во взаимодействии взрослого и ребенка не только процессов общения, как процессов взаимной презентации содержания психики в поведении, но и деятельности общения, присущей взрослому. В отличие от процесса общения, общение как деятельность характеризуется целенаправленностью. Целенаправленность общения проявляется в том, что в поведении взрослого презентуется не только его отношение к поведению ребенка (что имеет место и у животных и обозначается понятием "эмоциональная речь"), но (и это главное) образ требуемого от ребенка поведения, образ того поведения, которое для взрослого является предпочтительным. Взрослый не просто реагирует на поведение ребенка, он пытается манипулировать его поведением, давая ему возможность понять, совершение какого действия от него требуется и создавая у него необходимое побуждение к его совершению.

Переходя к проблеме филогенеза сознания, можно, по-видимому, согласиться с тем, что как и в онтогенезе в процессе взаимодействия двух субъектов A и B их субъективные образы друг друга (образы $(A)'_B$ и $(B)'_A$) проявляются в поведении и благодаря процессам мышления отражаются в их психике в форме соответствующих образов $((A)'_B)'_A$ и $((B)'_A)'_B$.

А вот далее самое сложное. Во-первых, надо, чтобы в психике, например, субъекта A возник образ действия субъекта B , которое было бы желательным для A и доступным для выполнения субъектом B . То есть надо, чтобы субъект A догадался, понял, что для удовлетворения его потребности необходимо выполнение субъектом B определенного действия. Во-вторых, необходимо, чтобы субъект B , догадался о том действии, которое от него ожидается, и не был бы против его выполнения. В обычных интеллектуальных формах поведения, демонстрируемых животными, механизмы догадки в принципе уже существуют и, как было показано нами в разделе 2.6, проявляются в форме инсайта. Однако это догадки в отношении собственных действий субъекта. Нам же надо, чтобы у каждого из взаимодействующих субъектов возникли догадки, соответствующие образы возможных действий другого субъекта и взаимное побуждение к их выполнению.

Какие же психологические механизмы могли обеспечить появление указанных догадок у высоко развитых разумных существ, непосредственных предшественников человека?

Следует обратить внимание, что речь идет не о механизмах антиципации одним субъектом поведения, демонстрируемого другим, а о механизмах появления образа действия, отличного от того, которое им демонстрируется. На наш взгляд появление в психике субъекта такого рода образов могло происходить следующим образом.

Прежде всего, отметим, что появление в психике субъекта A образа желаемого действия субъекта B фактически означает приписывание субъектом A субъекту B этого желаемого действия. Однако приписы-

вание субъекту B какого-либо действия $\xrightarrow{D}$ предполагает, во-первых, наличие образа субъекта, то есть образа $(B)'_A$, и, во-вторых, образа приписываемого действия, то есть образа $\left(\xrightarrow{D}\right)'_A$. В качестве образа действия может выступать один из образов действий, совершенных ранее либо самим субъектом A , либо субъектом B , либо кем-то еще.

Допустим, что у субъекта A есть некоторая потребность, удовлетворение которой в ситуации C_1 возможно только благодаря совокупности последовательных действий $\xrightarrow{D_1}$ и $\xrightarrow{D_2}$. В классическом варианте построения интеллектуального поведения удовлетворение потребности субъекта A достигается путем осуществления им двухфазного поведения, связанного с преобразованием исходной ситуации C_1 в ситуацию C_2 . На первой фазе субъект выполняет действие $\xrightarrow{D_1}$ в ситуации C_1 , в результате чего возникает ситуация C_2 . На второй фазе, находясь в ситуации C_2 , он выполняет другое действие $\xrightarrow{D_2}$, которое приводит к удовлетворению потребности и возникновению конечной ситуации C_3 .

Однако допустим, что субъект A не имеет физической возможности самостоятельно выполнить первое действие, но это может сделать субъект B . Как может субъект A догадаться о возможностях субъекта B ? Коль скоро появление догадок связано с процессами мышления, а процессы мышления представляют собой процессы образования связей между образами, можно сказать, что если в психике субъекта A образуется система связей между образом субъекта B , образом действия $\xrightarrow{D_1}$ и образом ситуации C_2 , значит, у субъекта A возникла догадка о том, что ситуация C_2 может быть создана в результате выполнения действия $\xrightarrow{D_1}$ субъектом B . Но в психике субъекта B ни образа действия $\xrightarrow{D_1}$, ни образа ситуации C_2 , которая является результатом этого действия, нет. Как же он сможет узнать и понять то, о чем догадался субъект A ? И как субъект A объяснит субъекту B , о чем он сам догадался и что он сам понял? Очевидно – в процессе и в результате

взаимодействия друг с другом, благодаря наличию в этом взаимодействии процессов общения и овладению речью. По существу в результате должно произойти распределение действий между субъектами, которое будет принято каждым из субъектов. Однако если для субъекта *А* конечный результат совокупности действий связан с удовлетворением его потребности и потому имеет побудительную силу, то для субъекта *Б* особого побуждения к выполнению ожидаемого от него действия нет. Чтобы это побуждение возникло, действие субъекта *Б* должно быть также связано с удовлетворением потребности, желательной такой же как у субъекта *А*. В итоге получается, что субъекты *А* и *Б* будут заинтересованы в согласовании своих действий лишь в том случае, если эти действия необходимы для удовлетворения их общих потребностей и само удовлетворение потребностей будет достигаться лишь по завершении совместных действий. Но прежде чем произойдет окончательное распределение действий, должно пройти много времени и предпринято немало попыток их взаимного согласования в аналогичных ситуациях не у одного поколения субъектов. В конце концов, путем последовательных догадок у взаимодействующих субъектов вырабатывается общий язык специфических звуков и жестов, с помощью которых они получают возможность обозначать возникающие в их психике образы объектов ситуации и возможных действий по отношению к ним.

По-видимому, на начальном этапе процесс согласования и распределения действий субъектов, а, соответственно, и становление у них сознания и специфических социальных отношений, проходил крайне медленно на основе проб и ошибок. Однако по мере появления языка и речи этот процесс ускорялся, и сейчас мы имеем столь бурное развитие системы социальных отношений, что уже трудно в них ориентироваться.

На рис. 30 в графической форме представлены механизмы развития речи и социальных отношений в филогенезе в процессе распределения действий между субъектами, взаимодействие которых обусловлено наличием у них общей потребности и общего результата их совместных действий.

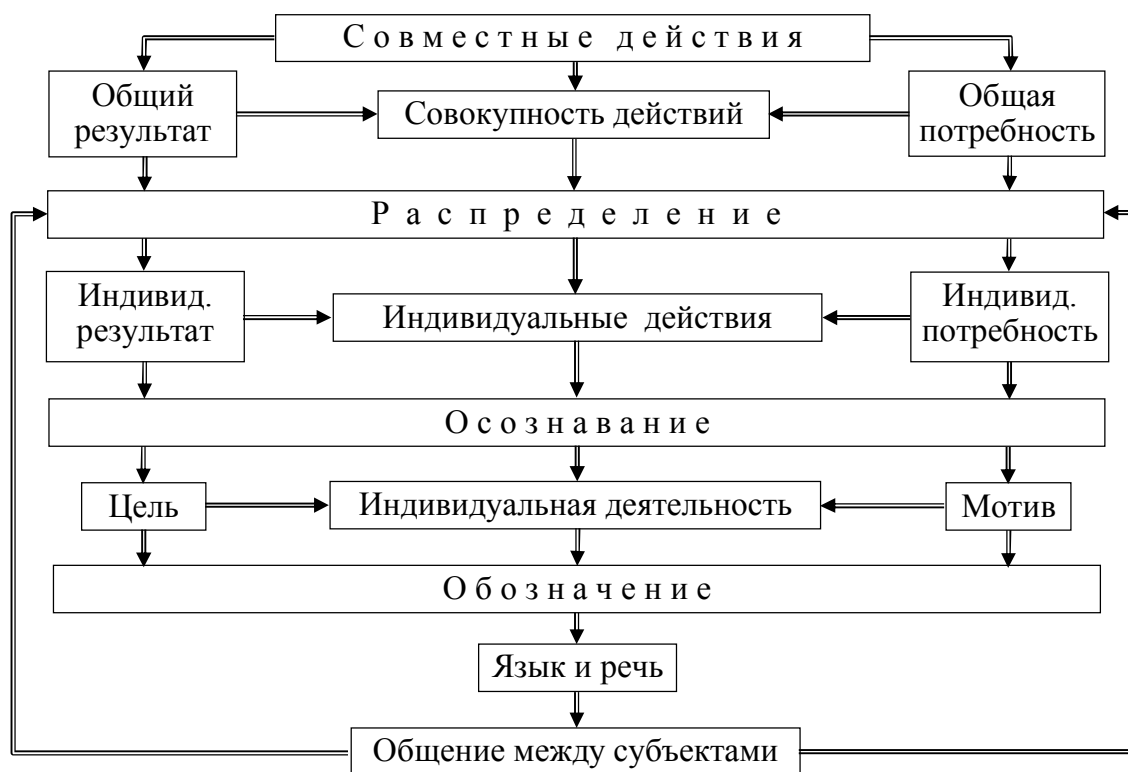

Рис. 30. Механизм развития речи и социальных отношений в филогенезе на основе распределения действий между субъектами из общей совокупности их совместных действий.

3.4. Понятие о личности и социальных формах поведения

В отличие от животного, человек существо социальное и многие формы его поведения буквально с момента его рождения становятся социально обусловленными. Будучи в системе социальных отношений и осуществляя взаимодействие с окружающей социальной средой, человек выступает не просто как субъект (носитель психики), но и как личность.

Из достаточно большого числа различных определений "личности" мы остановимся на определении А.В. Петровского, которое нам кажется более приемлемым. По определению А.В. Петровского, "личностью в психологии обозначается системное (социальное) качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении и характеризующее уровень и качество представленности общественных отношений в индивиде" [99, с. 337]. Более краткое, но аналогичное по сути определение личности дается в одной из работ Л.И. Анцыферовой: "Личность – это индивидуальная форма существования и развития социаль-

ных связей и отношений" [8, с. 20]. В соответствие с приведенными определениями поведение человека как личности характеризуется проявлением усвоенных им социальных отношений (взаимодействий между людьми), существующих в обществе, в той социальной среде, в которой происходит его развитие.

Рассмотрим социальную ситуацию, как часть социальной среды, в которой осуществляются социальные отношения между взрослыми людьми A , B . Обозначим социальные отношения между ними как $\xrightarrow{AB}$ и $\xrightarrow{BA}$. Несомненно, каждый из участников социальных отношений выступает в этих отношениях как личность, причем каждый имеет возможность демонстрировать в общем случае разные виды отношений, усвоенный ими ранее. Способность личности демонстрировать тот или иной вид социальных отношений можно рассматривать как соответствующее свойство личности [53].

Введем в эту ситуацию ребенка P и рассмотрим, что будет представлять собой развитие ребенка как личности в ситуации социальных взаимодействий с другими людьми.

Исходя из определения понятия "личность", для того, чтобы у ребенка возникло особое социальное качество и он стал личностью, необходимо, прежде всего, наличие взаимодействия ребенка с другими людьми в форме общения. В соответствие с теми механизмами, которые были рассмотрены нами в разделе 3.3.2., в психике ребенка P в процессе его взаимодействия и общения с людьми A и B возникают образы этих людей $(A)'_P$, $(B)'_P$, образы доступных для наблюдения социальных отношений между ними $(A \xrightarrow{AB} B)'_P$, $(B \xrightarrow{BA} A)'_P$, а также образы действий, ожидаемых от него взрослыми, то есть образы $\left((P \xrightarrow{PA} A)'_A \right)'_P$ и $\left((P \xrightarrow{PB} B)'_B \right)'_P$.

Очевидно, что отражение в психике ребенка социальных отношений, демонстрируемых взрослыми, есть начальная стадия усвоения ребенком социальных отношений и становления его как личности. Однако, получение представлений о социальных отношениях – не означает еще их усвоения. Необходимо, чтобы эти социальные отношения были

представлены в индивидуальном поведении самого ребенка, чтобы он сам мог их демонстрировать в отношениях с другими людьми. А это возможно при соблюдении двух условий:

- во-первых, когда в его психике благодаря процессам мышления из целостных образов восприятия взаимоотношений между взрослыми, то есть из образов $(A \xrightarrow{AB} B)'_P$ и $(B \xrightarrow{BA} A)'_P$, начинается выделение образов непосредственно социальных отношений, то есть образов $(\xrightarrow{AB})'_P$ и $(\xrightarrow{BA})'_P$;

- во-вторых, когда возникает образ ребенка о самом себе $(P)'_P$ и этот образ начинает связываться с одним из выделенных образов социальных отношений, который, в свою очередь, связывается с образом человека, с которым ребенок вступает в социальные отношения (например, когда из трех образов $(P)'_P$, $(B)'_P$ и $(\xrightarrow{AB})'_P$ образуется следующая связка образов $(P \xrightarrow{AB} B)'_P$).

В этом случае ребенок пытается продемонстрировать во взаимодействии с человеком B ту форму социального отношения, которую он имел возможность наблюдать во взаимодействии человека A с B . Однако, очевидно, что будучи ребенком, он не в состоянии в точности воспроизвести отношение $\xrightarrow{AB}$. Поэтому у него получится воспроизведение своего индивидуального отношения $\xrightarrow{PB}$, которое, тем не менее, в каких-то своих признаках будет определенным образом соотноситься с отношением $\xrightarrow{AB}$. И это будет та самая "индивидуальная форма существования социальных отношений", которая характеризует человека как личность. По мере взросления ребенка, развития его физических и интеллектуальных способностей его индивидуальные формы реализации социальных отношений будут становиться все более совершенными. Соответственно, более высоким становится и уровень развития личности ребенка.

Усвоение ребенком социальных отношений и выработка у него социальных форм поведения происходит также благодаря механизмам непосредственной трансляции в психику ребенка ожидаемых от него социально приемлемых действий. Когда взрослый выстраивает свои отношения с ребенком, он дает понять ребенку, что от него требуется, какие действия и какое поведение ребенок должен продемонстриро-

вать. Как уже отмечалось нами, в структуре поведения взрослого A по отношению к ребенку P содержатся его представления о необходимом поведении ребенка, то есть образ $(\xrightarrow{PA})'_A$. Однако можно задаться вопросом: "А каким образом в психике взрослого A возник образ поведения, ожидаемого от ребенка?". Ответ достаточно очевиден – из прошлого опыта социальных отношений самого взрослого. Взрослый либо сам осуществлял данную формы поведения в детстве, либо наблюдал ее проявление у других детей. Фактически взрослый транслирует в своем отношении к ребенку те формы социальных отношений, которые имеют место в той социальной среде, в которой он сам развивался и развивается, и которые он сам усвоил. Можно сказать, что в особенностях развития отдельной личности отражаются не только особенности социальных отношений, имеющих место в ближайшем социальном окружении, но и определенные стереотипы социальных отношений, бытующие на данный период в обществе. Совокупность этих стереотипов, по существу, составляет культуру общества. Соответственно, совокупность социальных отношений, усвоенных личностью, составляет культуру личности. Процесс же формирования культуры личности есть не что иное, как процесс воспитания.

Большое значение в воспитании личности и выработке у нее необходимых навыков социальных отношений и соответствующих свойств личности, имеет социальный статус личности – место или положение, которое личность занимает в структуре общества, в структуре социальных отношений. В зависимости, например, от того, является ли ребенок мальчиком или девочкой, наследником престола или выходцем из простой семьи, у него будут формироваться разные свойства личности, и ему будут предлагаться для усвоения разные системы социальных отношений. Избирательность и регламентация социальных отношений выражается в системе ожидаемых от личности форм поведения (или экспектаций [89]), соответствующих ее социальному статусу. Эти ожидания (экспектации) распространяются не только на внешние формы поведения, но на внутренние позиции личности – установки, ценностные ориентации, мотивы поведения и деятельности.

Если поведение личности рассматривать как форму взаимодействия с другими людьми, связанную с удовлетворением потребностей, а систему социально приемлемых форм удовлетворения потребностей обозначить как культуру общества, то развитие культуры личности, имеющей определенный социальный статус в обществе, можно представить в виде следующей схемы (см. рис. 31).

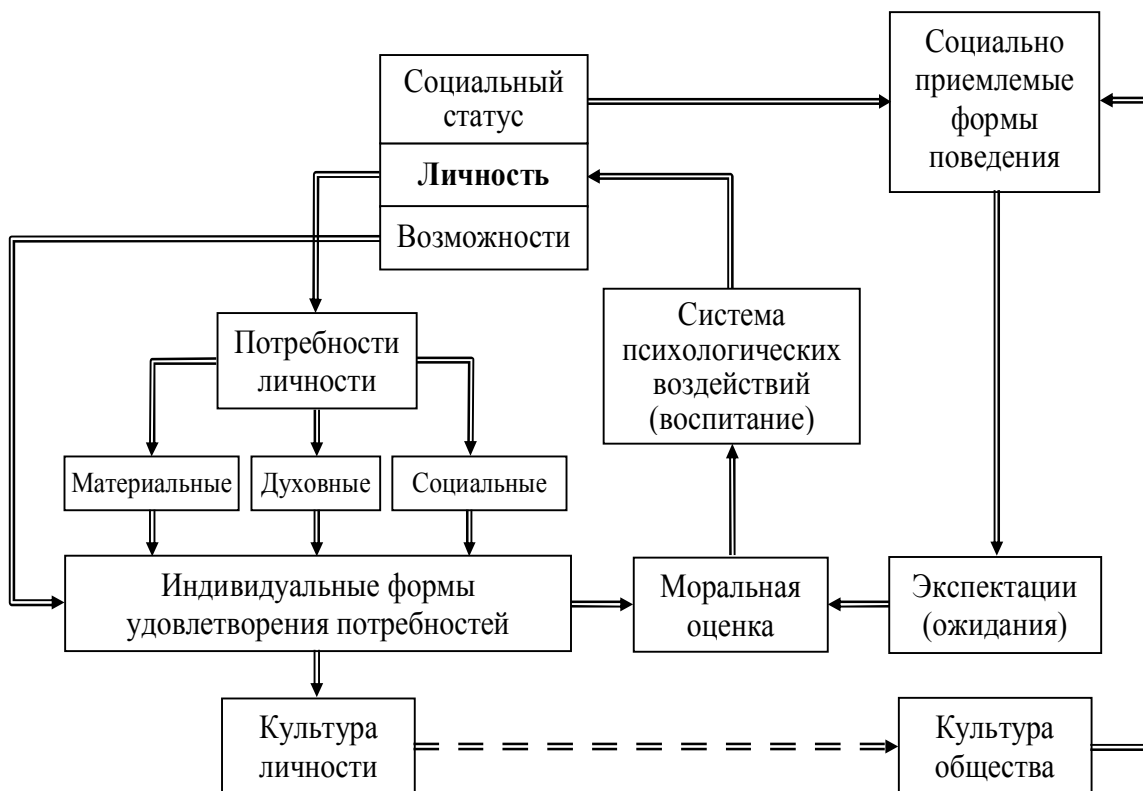

Рис. 31. Механизм развитие системы социально приемлемых форм поведения личности (культуры личности) в соответствии с ее социальным статусом в обществе.

Среди новых специфических механизмов социальной регуляции поведения человека, включенного в систему социальных отношений и выступающего как личность, особый интерес для нас представляют механизмы регуляции его поведения в период детства на начальных этапах онтогенеза. Кроме механизма развития сознания ребенка к этим механизмам можно отнести:

- а) механизм формирования самооценки ребенка (оценки ребенком своих качеств и особенностей своего поведения);

б) механизм формирования навыков социальных отношений посредством ролевых игр;

в) механизм формирования особого личностного качества, называемого "совестью".

3.5. Социальная регуляция поведения личности на основе формирования самооценки

В словаре практического психолога самооценка личности определяется как "оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей" [113, с. 583]. Выступая как особое личностное образование, регулирующее поведение и деятельность человека в социальной среде, она формируется в онтогенезе ребенка на основе внешних оценок, проявляемых по отношению к нему людьми, которые с ним непосредственно взаимодействуют [12, 37]. Таким образом, через формирование самооценки личности общество, социальная среда имеет возможность оказывать прямое воздействие на ее поведение.

Психологический механизм формирования самооценки личности практически тот же, что и механизм формирования сознания ребенка. Разница лишь в том, что при формировании сознания в психику ребенка транслируется когнитивная составляющая представлений взрослого о ребенке, а при формировании самооценки ребенка – эмоциональная, в которой, собственно, и выражается оценка личности ребенка в целом и отдельных особенностей его поведения, в частности. Таким образом, у ребенка формируются не просто знания о себе и своих действиях, но и отношение к себе и к своим действиям, которое является обобщением отношений взрослых.

Для обозначения отношения человека к каким-либо объектам или явлениям действительности (в том числе, к социальным), как выражения оценки их субъективной значимости, мы предлагаем использовать черту, проводимую сверху над образом того, что является значимым и по отношению к чему (или кому) выражается отношение. В этом случае отношение человека A к ребенку P может быть выражена следующим образом $\overline{(P)}'_A$. При взаимодействии взрослого с ребенком в психике ре-

бенка отражается отношение к нему взрослого и возникает соответствующий образ этого отношения $\left(\overline{(P)'_A}\right)'_P$. Благодаря процессу сознания образ отношения взрослого к ребенку трансформируется в образ отношения ребенка к самому себе, то есть возникает образ $\left(\overline{(P)'_P}\right)'$. Чтобы обозначить положительный или отрицательный характер отношения можно сверху над чертой поставить соответствующий знак "+" или "-". Формирование самооценки ребенка на основе соответствующих отношений к ребенку со стороны двух людей A и B записывается следующим образом $\left(\overline{(P)'_A}\right)'_P + \left(\overline{(P)'_B}\right)'_P \Rightarrow \left(\overline{(P)'_P}\right)'_P$.

Рассматривая поведение ребенка P по отношению к взрослому A , то есть поведение $P \xrightarrow{PA} A$, можно сказать следующее. Во-первых, поведение ребенка отражается в психике взрослого, и у взрослого возникает образ этого поведения $\left(\overline{PA \rightarrow}\right)'_A$. Во-вторых, у взрослого возникает определенное эмоциональное отношение к поведению ребенка, которое выражается в появлении в психике взрослого образа $\left(\overline{\left(\overline{PA \rightarrow}\right)'_A}\right)'_A$. Далее отношение взрослого к поведению ребенка $\left(\overline{PA \rightarrow}\right)'_A$ посредством поведения взрослого по отношению к ребенку $A \xrightarrow{AP} P$ транслируется в психику ребенка. В результате в психике ребенка возникает образ отношения взрослого к его поведению, то есть образ $\left(\overline{\left(\overline{PA \rightarrow}\right)'_A}\right)'_P$. Благодаря процессу сознания этот образ трансформируется в психике ребенка в образ $\left(\overline{\left(\overline{PA \rightarrow}\right)'_P}\right)'_P$, что соответствует

появлению у ребенка собственного отношения к своему поведению. Как и содержание сознания (содержание образа "Я"), характер отношения ребенка к своему поведению оказывается социально детерминированным.

Однако самооценка ребенка обуславливается не только механизмом непосредственной трансляции отношения к нему взрослого. Она зависит и от собственных достижений ребенка [38]. Если ребенок в своих реальных действиях, направленных на достижение какой-либо цели, добивается успеха – его самооценка повышается. Одновременно повышается и уровень его притязаний, который определяется сложностью целей, которые он перед собой ставит [50]. В свою очередь успех во многом зависит от наличия у ребенка определенного опыта (знаний, умений и навыков), способностей (физических и интеллектуальных возможностей), а также от наличия потребностей в достижениях и самоутверждении [36, 50].

Связь самооценки с внешней социальной оценкой и другими факторами схематично может быть представлена следующим образом (см. рис. 32).

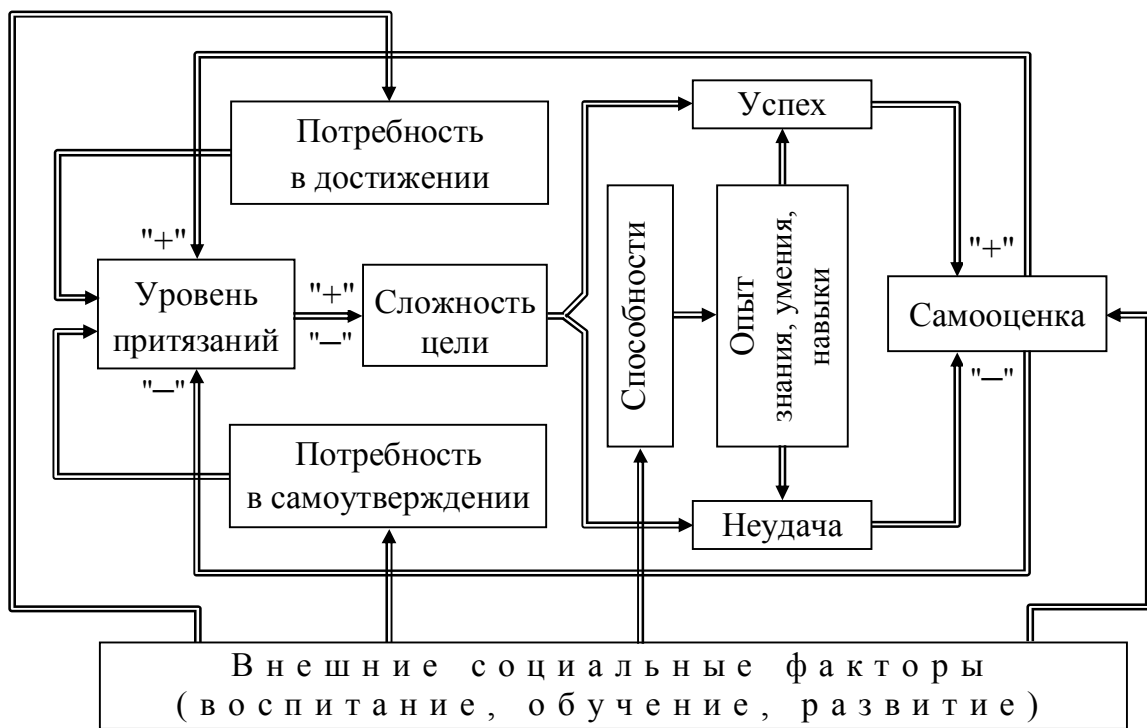

Рис. 32. Влияние на формирование самооценки внешних социальных факторов.

Как видим, социальная детерминация самооценки человека может быть как прямая, так и косвенная. Последняя осуществляется через формирование потребностей в достижении и самоутверждении, а также

развитие способностей, что достигается в результате целенаправленной системы воспитания, обучения и развития.

В силу наличия рассмотренных выше механизмов формирования у ребенка образа "Я" и самооценки, а также своего рода "навязывания" ему ожидаемых от него форм поведения и характера их оценки, социально детерминированным оказывается все поведение человека. Социальные отношения, влияющие на формирование сознания (образа "Я") и самооценки ребенка, выступают как факторы социальной детерминации поведения непосредственного действия.

Однако можно выделить особый механизм социальной детерминации поведения ребенка, при котором основа социальной формы поведения закладывается на начальном досознательном этапе развития личности, а ее реализация происходит в более позднем периоде. Суть этого механизма в следующем. В психике ребенка еще до появления сознания за счет процессов восприятия и мышления возникают образы тех социальных отношений, которые он имеет возможность наблюдать. Как правило, это различные виды взаимоотношений членов семьи или других людей, невольным свидетелем которых он становится. Поскольку у ребенка нет возможностей воспроизведения взрослых форм поведения, они просто фиксируются в памяти. Причем фиксируются лишь внешние стороны поведения взрослых без понимания лежащих в их основе мотивов и целей. В последующем, когда ребенок становится достаточно взрослым (в частности, в подростковый период, когда у него появляется "чувство взрослости"), при возникновении сходных ситуаций межличностного общения они могут воспроизводиться из памяти в качестве возможных вариантов его поведения. Происходит "слепое" копирование взрослых форм поведения, наблюдавшихся им ранее. Действие данного механизма социальной детерминации поведения можно сравнить с "миной замедленного действия". Социальные последствия "срабатывания" этого механизма образно, но очень метко отражены в народных пословицах "Яблоко от яблони недалеко падает", "С кем поведешься, от того и наберешься".

К механизмам социальной детерминации поведения отсроченного действия можно отнести усвоение ребенком различных форм социальных отношений в результате его участия в ролевых играх.

3.6. Механизм формирования навыков социальных отношений посредством ролевых игр

Мы уже говорили о том, что живые существа, находящиеся уже на перцептивной стадии развития психики, могут переносить навыки действий, полученные в процессе взаимодействия с одними объектами, на другие, сходные с ними объекты. На интеллектуальной стадии развития психики объекты могут связываться между собой не только по их внешним признакам, отражаемым с помощью процессов восприятия, но и по возможностям совершения с ними сходных действий, отражаемых в волевых психических процессах. Если по отношению к одному объекту можно завершать такие же действия, как по отношению к другому, то в психике субъекта образы таких объектов благодаря процессам мышления могут связываться независимо от их физического сходства или отличия. Образуются ассоциативные связи между объектами на основе их функциональных признаков, на основе тех действий, которые допустимы или возможны по отношению к ним. И вот тут возможно образование того, что обычно называется "игрушкой". Выделяя характеризующие сущность игру признаки, С.Л. Рубинштейн указывал на то, что "внешне наиболее бросающаяся в глаза черта игры ... – возможность, являющаяся для ребенка и необходимостью, замещать в пределах, определяемых смыслом игры, предметы, функционирующие в соответствующем неигровом практическом действии, другими, способными служить для выполнения игрового действия. В процессе игрового действия эти предметы приобретают значение, определяемое функцией, которую они в игровом действии выполняют. В результате эти особенности игры обуславливают возможность ее перехода в воображаемую ситуацию" [108, с. 489].

По определению Д.Б. Эльконина, игрушка представляет собой некоторый предмет, "лишь изображающий орудия труда и предметы обихода из жизни взрослых" [132, с. 61]. Однако в действиях с игрушкой

воссоздаются "те сферы жизни и производства, в которые они (*дети – А.К.*) еще не включены, но к которым стремятся" [Там же, с. 62]. Игрушки, таким образом, выступают в качестве особых знаков, символов, обозначающих функциональные предназначения объектов или предметов, которые используются взрослыми в системе их социальных отношений. Действия с игрушками позволяют ребенку в доступной для него форме воссоздавать и тем самым усваивать не только общую схему операционально-технической стороны трудовых действий взрослых, но и те формы социальных отношений, в которые вступают взрослые при осуществлении своих трудовых действий. Как отмечает Д.Б. Эльконин, "игрой у человека является такое воссоздание человеческой деятельности, при котором из нее выделяется ее социальная, собственно человеческая суть – ее задачи и нормы отношений между людьми" [132, с. 20].

Обнаружение объекта, функционально сходного с другим объектом, может происходить как спонтанно, так и целенаправленно. В первом случае, характерном для поведения животных, это происходит в силу объективного наличия такого объекта в зоне непосредственной видимости субъекта. Однако для выделения этого объекта из совокупности других объектов, у субъекта должна быть потребность в совершении тех действий, для осуществления которых данный объект, собственно, и должен быть выделен. Если у субъекта нет никаких побуждений к осуществлению каких-либо действий, то и необходимости в выделении объекта, который мог бы выступать в качестве игрушки, также нет. Поскольку наличие побуждений связано с проявлением активности субъекта, в исследованиях природы и механизмов игровых форм поведения, как у животных, так и у человека, достаточно распространенной является теория "избытка сил" или "избыточной энергии", сформулированная Ф. Шиллером и Г. Спенсером. Согласно этой теории игра – это механизм по выпуску избыточной энергии. "Животное работает, когда недостаток чего-либо является побудительной причиной его деятельности, и оно играет, когда избыток силы является этой причиной, когда излишек силы сам побуждает к деятельности" (цит. по [132, с. 16]).

Однако когда речь идет о ролевой игре, мы абсолютно согласны с утверждением Д.Б. Эльконина о том, что "ролевая игра возникает в ходе исторического развития общества в результате изменения места ребенка в системе общественных отношений... Ее возникновение связано не с действием каких-либо внутренних, врожденных инстинктивных сил, а с вполне определенными социальными условиями жизни ребенка в обществе" [132, с. 62]. В социальной психологии и психологии личности понятие "роль" напрямую связано с социальными условиями жизни личности и ее социальным статусом. Роль – это тот тип поведения личности, те особенности ее поведения, которые обусловлены ее социальным статусом. Исполнение роли связано со стремлением личности соответствовать ожиданиям окружающих, у которых есть определенные представления о том, кто и как должен себя вести в соответствии со своим социальным статусом и принятой на себя ролью. Однако различают выполнение роли в жизни "по-настоящему" и "понарошку". Ролевая игра – это реализация роли именно "понарошку".

В соответствии с возрастным и социальным статусом ребенка взрослые в процессе его воспитания предлагают ребенку такие ролевые игры, в которых он может познакомиться с определенной, значимой для взрослых системой социальных отношений и которые в последствии он может использовать в своем поведении в своей взрослой жизни. Усвоение ребенком социальных отношений посредством ролевых игр представляет собой механизм отсроченного социального регулирования поведением личности.

3.7. Социальная форма регуляция поведения личности на основе совести

"Совесть" крайне сложное и неоднозначно трактуемое в психологии понятие. Однако чаще всего совесть ассоциируется с механизмом регуляции морального, нравственного поведения человека. В работе К. Юнга, посвященной анализу понятия "совесть" с психологической точки зрения, отмечается: "В общем словоупотреблении «совесть» оз-

начает уверенность в наличии какого-то фактора, который в случае «доброй совести» принимает решение или подтверждает деяния, соответствующие имеющимся нравам. В противном случае она осуждает их как безнравственные. Выводимое из «*mores*» (нравы, обычаи) представление о совести можно, поэтому назвать «моральным» [136, с. 98].

С точки зрения этимологии слово "совесть" соотносится со словами "ведать", "ведать", "знать". Наличие приставки "со-" означает, что "совесть" – это совместное знание, знание вместе с другими. Вопрос в том, о чем эти знания. Обычно имеется в виду моральные или нравственные знания, знания о нормах и правилах поведения в обществе. Как отмечает Л. Фейербах, "совесть ведет свое происхождение от знания и связана со знанием, но она обозначает не знание вообще, а особый отдел или род знания – то знание, которое относится к нашему моральному поведению и нашим добрым или злым настроениям и поступкам" [119].

В приведенных высказываниях совесть соотносится с существующими в обществе нормами и правилами поведения и является их отражением в сознании человека. Совесть, по существу, – это нравственное сознание человека. Проявлением совести служит, так называемый, "голос" совести. К. Юнг в связи с этим отмечает: "Как ни обосновывать совесть, она ставит индивиду требование: следуй своему внутреннему голосу, не бойся сбиться с пути" [136, с. 89].

В чем состоит суть "голоса" совести, попытался показать М. Хайдеггер. По его мнению, то, что в обыденном толковании известно как "голос" совести, должно мыслиться "не столько озвучание, фактично никогда не обнаруживаемое", сколько "давание-понять" [124, с. 306]. "Голос" совести М. Хайдеггер называет "зовом", который "неким образом дает нечто понять" [Там же].

Что же дает понять человеку совесть? Характеризуя общепринятое толкование совести, М. Хайдеггер указывает, что совесть, выполняя критическую функцию, всегда говорит по поводу определенного совершенного или намеченного поступка и дает понять, что человек ви-

новен. Он пишет: "Весь опыт и толкования совести едины в том, что «голос» совести как-то говорит о «вине»" [124, с. 315].

Введение понятия о "вине" означает в то же время введение понятия о "долженствовании". Совесть не дала бы человеку понять, что он виновен, если бы он не совершил поступок, ставший причиной его виновности. Следовательно, чтобы не стать виновным, он должен совершать поступки, которые являются правильными с точки зрения его совести, то есть должен поступать "по совести". Совесть, таким образом, если она есть, выступает в качестве регулятора поведения человека. Чтобы показать, что совесть является социальным регулятором поведения, необходимо вскрыть социальную природу совести и показать, что она является результатом воспитания.

Мы уже говорили о том, что сознание ребенка формируется как обобщенное отражение в его психике представлений о нем других людей, и потому является социально детерминированным образованием. Сознание, как и совесть, можно рассматривать, и обычно рассматривается, как совместное знание. Но в понятии "сознание" соотносится более широкая область знаний, чем та, которая соотносится в понятии "совесть". Моральные знания лишь часть знаний, составляющих содержание сознания. Отсюда следует, что если сознание есть социально детерминированное образование, то совесть, будучи частью сознания, также является образованием социально детерминированным. На наличие непосредственной связи между совестью и сознанием обращал внимание И.С. Кон [51], подчеркивая, что в формировании нравственного самосознания ребенка, то есть совести, очень важную роль играет образ его собственного "Я", который, как мы показали, можно рассматривать не только как результат процесса сознания, но и просто как само сознание. Механизм формирования совести точно такой же, как и формирования сознания. Точно также в психике ребенка возникают обобщенные образы социальных форм поведения и их оценки как правильных или неправильных, хороших или дурных, добрых или злых с точки зрения взрослых. Затем, будучи осознанными ребенком, они становятся

правильными (нравственными) или неправильными (безнравственными) с точки зрения самого ребенка.

Однако представленные в сознании ребенка обобщенные формы нравственного поведения не являются точной копией нравственного сознания и соответствующих нравственных представлений отдельно взятого другого человека. Более того, их нравственные идеалы могут значительно отличаться и, как следствие, противопоставляться. Ребенок может поступать вопреки ожиданиям отдельных взрослых, ориентируясь на свою систему нравственных ценностей. Эта собственная система нравственных ценностей, осознаваемых ребенком, и есть не что иное, как его совесть, которая "указывает" ему, как он должен себя вести и как поступать в той или иной ситуации.

В связи с этим определением совести можно согласиться с высказыванием М. Хайдеггера о том, что "зов" совести "несомненно идет не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идет от меня" [124, с. 311]. Признавая совесть внутренним достоянием человека, М. Хайдеггер считает, что верно понятый "зов" совести является призывом быть самим собой, то есть поступать сообразно своей сущности. Аналогичным образом понимал совесть Л. Колберг (Kohlberg) [143]. В разработанной им концепции морального развития личности, совесть ставится выше конвенциальных норм и законов общества. Поступок человека квалифицируется Л. Колбергом как правильный (нравственный), если он продиктован его совестью, независимо от мнения других людей и установленных в обществе законов. Если М. Хайдеггер лишь акцентирует внимание на индивидуальном характере совести, в которой отражается сущность человека, то Л. Колберг полагает, что индивидуальная совесть есть высший уровень морального развития личности. С точкой зрения Л. Колберга можно было бы согласиться, если бы совесть имела не социальную, а божественную природу. В этом случае "голос" совести следовало бы рассматривать как "глас" божий, который, по определению, указывает путь к вершинам нравственности.

Придерживаясь, однако, естественнонаучной, а не религиозной точки зрения, мы должны признать, что человек существо социальное и его совесть является продуктом его социальных отношений и социальных условий его жизни. Как указывал в свое время К. Маркс, "совесть зависит от знаний и от всего образа жизни человека. У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего – иная, чем у неимущего, у мыслящего – иная, чем у того, кто неспособен мыслить" [86, с. 140]. Что касается "голоса" совести, то он есть не что иное, как обобщенное, отраженное в сознании человека и ставшее индивидуальным социальное требование к соблюдению установленных в обществе моральных, нравственных законов поведения.

Когда человек понимает и осознает, что его поведение по тем или иным причинам не соответствует его представлению о нравственных формах поведения, у него возникают, по выражению М. Хайдеггера, "совестливые переживания" или то, что обычно называется "укорами совести".

В качестве основных видов "уколов совести" в работе А. Николаева [92] выделяются переживания стыда и вины. Как полагает А. Николаев, стыд проявляется в виде застенчивости, стеснительности, неловкости, а к формам проявления вины, скорее всего, относятся такие разновидности уколов совести, как досада и сожаление. К сожалению, в психологии нет однозначных научных определений понятий "стыд" и "вина", позволяющих провести между ними четкую демаркационную границу. Тем не менее, ориентируясь на психологический анализ совести, проведенный М. Хайдеггером, можно допустить, что первичным проявлением совести является все же переживание вины, которое возникает у человека вследствие субъективной оценки совершенного им поступка как причины последовавших за ним нежелательных событий. Человек признает себя виновным, если понимает (и осознает), что не должен был поступать так, как поступил, и что наблюдаемые им нежелательные события являются следствием именно его поступка.

Переживание человеком своей вины имеет две разновидности, которые отмечены М. Хайдеггером как "виновен в..." (в совершении неправильного поступка, который привел к нежелательным последствиям) и "виновен перед..." (перед тем, кто каким-либо образом пострадал от того, что он совершил).

Наличие двух разновидностей вины, как особых форм проявления совести, позволяет показать наличие дополнительных механизмов социальной регуляции поведения личности на основе совести (в данном случае на основе переживания вины), которые могут быть использованы и фактически достаточно часто используются в межличностных отношениях. Это – механизмы, которые можно назвать механизмами "возложения" и "снятия" вины.

Как было показано выше, появление переживаний вины обуславливается не только наличием совести, но и пониманием причинно-следственных отношений между своими поступками и происходящими событиями. Если, например, ребенок в силу недостаточного уровня развития мышления не понимает наличие связи между своим поступком и последовавшими за ним негативными событиями, то он не будет считать себя виновным, у него не будут возникать переживания вины, и он не будет корректировать свое поведение. Чтобы "пробудить" его совесть и "заставить" ее заявить о себе, нужно ребенку объяснить, показать, дать понять наличие соответствующей связи. Только тогда у него могут появляться переживания вины, и его поведение может изменяться. Это и есть механизм социальной регуляции поведения личности путем "возложения" вины. И здесь даже не обязательно, чтобы ребенок действительно был виновен. Главное, чтобы он поверил в свою виновность. В случае, когда он действительно совершил нехороший, неправильный поступок, механизм "возложения" вины можно рассматривать как обычный механизм воспитания, развития у человека нравственного сознания и, соответственно, совести. В случае его фактической невиновности механизм "возложения" вины представляет собой мощное средство манипуляции его поведением. Чаще всего этот механизм реа-

лизуется путем демонстрации обиды. Переживание вины возникает у ребенка, когда он начинает понимать, что поступок, который он совершил, не соответствует тому, который от него ожидался, и послужил причиной обиды другого человека. Но при отсутствии опыта социальных отношений и невысоком уровне развития мышления ребенок может не отличить истинное проявление обиды от ложного. Принимая изображение обиды за "чистую монету", он оказывается подвластным вольным или невольным манипуляциям своим поведением со стороны других людей. Как видим, воспитание и манипуляции – это как "две стороны одной медали", где в качестве "медали" выступает процесс развития личности и совести, в том числе.

Однако следует отметить, что систематические или хронические переживания ребенком своей вины в чем-то или перед кем-то, заслуженной или незаслуженной крайне нежелательны, поскольку приводят к негативным последствиям в развитии его личности. Ребенок, постоянно считающий себя виновным, вынужден признать наличие у себя тех или иных недостатков и, как следствие, своей ущербности. В результате, как правило, происходит снижение самооценки, развитие различных комплексов неполноценности и общая невротизация личности.

Путем вербальных и невербальных способов психологического воздействия можно добиться понимания ребенком не только своей виновности, но и невиновности, как в случае ложно понимаемой виновности (то есть фактической невиновности), так и в случае фактической виновности. Этот механизм мы назвали механизмом "снятия" вины. В случае снятия ложно понимаемой вины механизм "снятия" вины выступает как механизм воспитания, развития нравственного сознания, но на примере неправильных, аморальных, безнравственных поступков других людей, которые в действительности являются виновными. Во втором случае – в случае снятия фактической вины – мы имеем еще один механизм манипуляции поведением ребенка, развития у него чувства вседозволенности и безнаказанности за совершаемые им фактически аморальные и безнравственные поступки.

Примером такой манипуляции может служить воздействие на нравственное сознание (а через него и на поведение) человека, который должен подчиняться любым приказам, независимо от их содержания, и быть готовыми к самопожертвованию. До их сознания доводится мысль о том, что правильным, а стало быть, и нравственным, является беспрекословное, точное и своевременное выполнение приказа. Любые сомнения в целесообразности требуемого поведения, попытки его обсуждения и тем более не исполнения расцениваются как неправильные, предосудительные и даже преступные.

Среди механизмов социальной регуляции поведения личности механизмы "порождения" и "снятия" вины можно рассматривать как механизмы прямого, непосредственного действия. К этому же типу механизмов социальной регуляции поведения личности относится и механизм порождения переживаний стыда. В отличие от переживаний вины, которые возникают после совершения неправильных поступков, переживание стыда возникает до совершения поступка и представляет собой субъективное отношение к его возможным нежелательным последствиям. Характеризуя одну из основных форм проявления стыда, а именно застенчивость, Ф. Зимбардо писал: "Застенчивость – это внутренняя позиция человека, которая предполагает слишком большое внимание к тому, что о нем думают окружающие. Другими словами, человек становится чрезмерно чувствительным к неприятию его окружающими людьми. Отсюда – желание избежать людей или ситуаций, несущих в себе потенциальную угрозу любой критики в адрес его внешнего вида или поведения" [39, с. 15]. Застенчивость, по мнению Ф. Зимбардо, "служит неким естественным защитным устройством, позволяющим человеку оценить возможные последствия того или иного своего поступка, прежде чем совершать его" [Там же].

Переживание стыда, как и переживание вины, имеет как положительную, так и отрицательную стороны. Положительная сторона связана с выполнением функции воспитания, нравственного развития личности, развития таких положительных свойств личности, как скромность,

рассудительность, осмотрительность, ответственность; отрицательная – с возможностью манипуляции поведением человека и развития у него негативных свойств личности: тех же комплексов неполноценности, заниженной самооценки, нерешительности, неуверенности в себе, замкнутости, необщительности.

В наглядной схематичной форме соотношение рассмотренных механизмов социальной регуляции поведения личности показано на рис. 33.

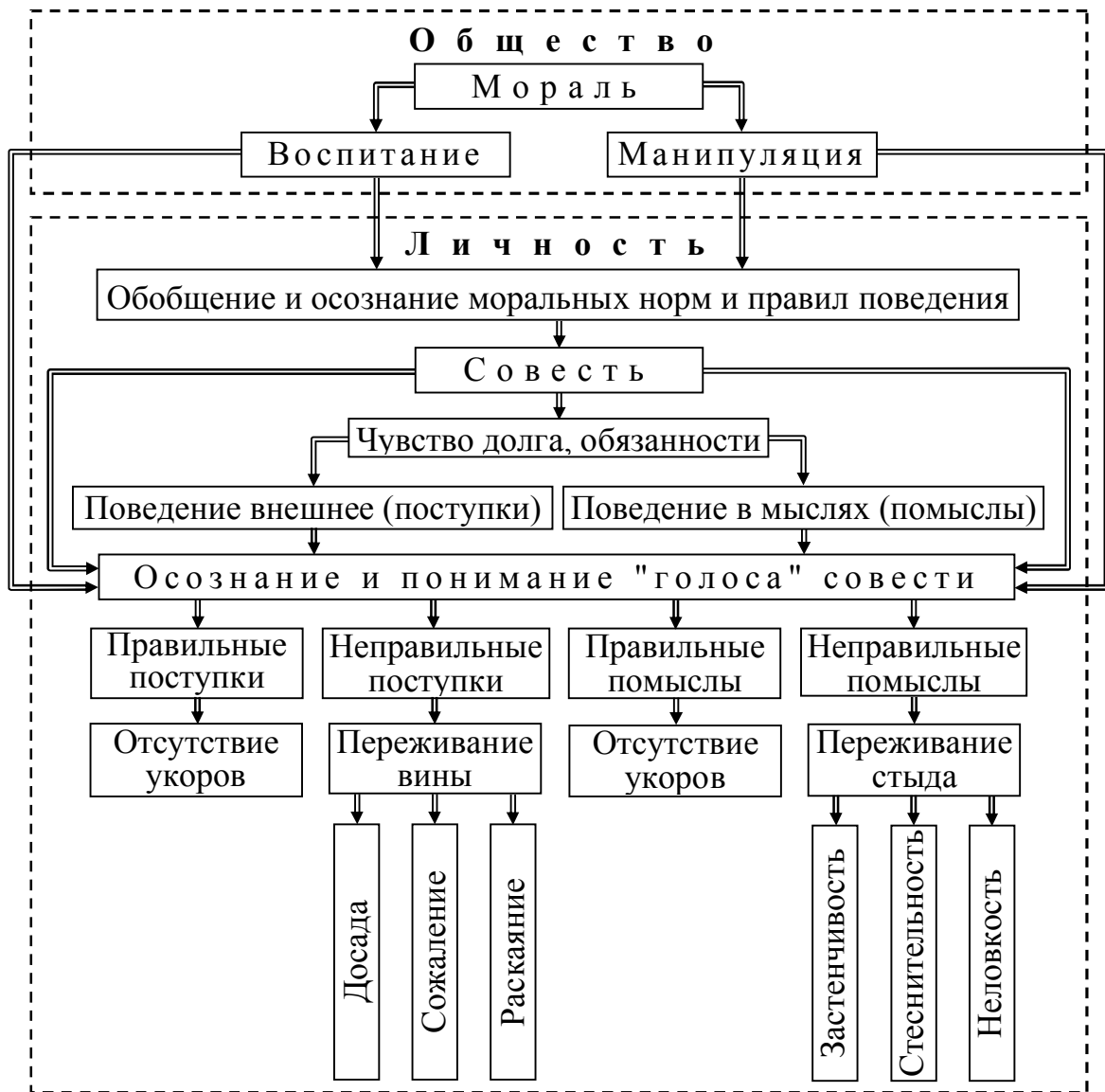

Рис. 33. Механизмы социальной регуляции поведения личности на основе совести и ее проявлений в форме переживаний вины и стыда.

Поскольку явления совести связаны с представлениями личности о себе, о своих и социально одобряемых формах поведения, а также с от-

ражением в сознании их субъективной значимости, интересным представляется возможность использования при определении совести введенных нами способов символьного обозначения результатов протекающих в психике человека познавательных и эмоциональных психических процессов.

В соответствии с принятой нами системой обозначений представление личности о себе есть образ "Я", который обозначается как $Я'_Я$. Отношение личности к себе есть ее самооценка и обозначается как $\overline{Я'_Я}$. Если личность взаимодействует с другим человеком, которого можно обозначить как $Д$, то в психике личности благодаря познавательным психическим процессам возникают образы другого человека $Д'_Я$ и своего поведения по отношению к нему $(Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Я$. Кроме того, благодаря эмоциональным психическим процессам у личности есть определенное отношение к другому $\overline{Д'_Я}$ и к своему поведению $\overline{(Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Я}$.

В свою очередь, в психике человека $Д$ при его взаимодействии с рассматриваемой нами личностью $Я$ благодаря соответствующим познавательным и эмоциональным психическим процессам возникают образы $Я'_Д$, $(Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д$ и отношения $\overline{Я'_Д}$, $\overline{(Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д}$. Последние, будучи представленными в поведении человека $Д$ по отношению к личности $Я$, отражаются в психике и в сознании личности в форме образов $\left(\overline{Я'_Д}\right)'_Я$ и $\left(\overline{(Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д}\right)'_Я$. Возникновение этих образов осуществляется посредством процессов мышления, сознания и осознания и обычно обозначается понятием "рефлексия".

Рефлексия, по определению, – это способность личности посмотреть на себя глазами другого человека. В процессах рефлексии происходит двойное последовательное отражение себя ($Я$) и своего поведения $(Я \xrightarrow{ЯД} Д)$ сначала в познавательных психических процессах,

протекающих в психике другого, затем в процессах, протекающих в собственной психике:

$$Я \Rightarrow Я'_Д \Rightarrow \left(Я'_Д \right)'_Я,$$

$$Я \xrightarrow{ЯД} Д \Rightarrow (Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д \Rightarrow \left((Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д \right)'_Я$$

Аналогичное двойное отражение, но уже отношения к себе и своему поведению (то есть отражение субъективной значимости $Я$ и $Я \xrightarrow{ЯД} Д$) имеет место в соответствующих эмоциональных психических процессах:

$$Я \Rightarrow \overline{Я'_Д} \Rightarrow \overline{\left(Я'_Д \right)'_Я},$$

$$Я \xrightarrow{ЯД} Д \Rightarrow \overline{(Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д} \Rightarrow \overline{\left((Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д \right)'_Я}$$

Если человек $Д$ является для личности значимым, и с его мнением, с его оценками личность склонна считаться, тогда его отношения становятся отношениями самой личности. В этом случае отношение дру-

гого к личности, то есть $\overline{Я'_Д}$, путем трансформации $\overline{\left(Я'_Д \right)'_Я}$ в $\overline{Я'_Я}$ ста-

новится самооценкой личности, а отношение другого к поведению лич-

ности, то есть $\overline{(Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д}$, путем трансформации $\overline{\left((Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Д \right)'_Я}$

в $\overline{(Я \xrightarrow{ЯД} Д)'_Я}$ становится тем внутренним нормативом, критерием нравственности, которым личность начинает руководствоваться в своем поведении. В результате взаимоотношений с множеством значимых других у личности возникают представления о том, каким его видят или хотят видеть другие люди, и какие формы поведения он должен демонстрировать во взаимодействиях с ними. Образ себя в ожиданиях значимых для личности людей можно назвать образом идеального "Я".

Что касается системы усвоенных личностью нравственных критериев поведения, то она представляет собой не что иное, как совесть. Очевидно, что когда личность поступает "по совести", реальное "Я" личности соответствует образу идеального "Я". Совесть, по существу, это совокупность идеальных форм поведения, присущих идеальному "Я" личности. Однако, поскольку в жизни соответствие реального "Я" идеальному "Я" встречается не часто, поведение реальной личности, а также ее помыслы не всегда оказываются в согласии с ее совестью. В этих случаях совесть вынуждена "проснуться" и подавать свой "голос". Осознание и понимание личностью "голоса" своей совести переживается ею либо в форме вины, либо в форме стыда.

Учитывая единство идеального "Я" и идеальных форм поведения личности, имеет смысл включить представление об идеальном "Я" в исходное понимание термина "совесть". Это позволит персонифицировать совесть и сделает оправданным использование по отношению к совести таких выражений, как "совесть проснулась", "совесть спит", "голос совести" и т.п.

Допустим, что личность $Я$ совершила поступок $Я \xrightarrow{ЯД} Д$, который не является правильным с точки зрения совести. В этом случае в психике личности $Я$ имеют место следующие процессы:

– появление образа $\left(\overline{\left(\left(Я \xrightarrow{ЯД} Д\right)_С\right)'}\right)'$, в котором отражается негативное отношение персонифицированной совести $С$ к совершенному личностью поведению. (Появление этого образа можно рассматривать как "голос" совести);

– осознание "голоса" совести и трансформация образа $\left(\overline{\left(\left(Я \xrightarrow{ЯД} Д\right)_С\right)'}\right)'$ в $\overline{\left(\left(Я \xrightarrow{ЯД} Д\right)'\right)'}_Я$, то есть в собственное негативное отношение личности к своему поведению.

Негативное отношение личности $Я$ к совершенному поведению выражается в появлении у личности переживания вины в его совершении. От того, насколько у личности развиты познавательные психические процессы, которые позволяют понять и оценить последствия со-

вершаемых ею поступков, а также насколько у нее развиты эмоциональные психические процессы, обеспечивающие отражение значимости для нее происходящего, будет зависеть интенсивность возникающего у личности переживания вины.

А теперь усложним ситуацию и рассмотрим, что происходит в психике личности $Я$, когда ее неправильное с точки зрения совести поведение получает одобрение со стороны самого человека $Д$, при условии, что для личности $Я$ человек $Д$ является лицом достаточно значимым (референтным).

В этом случае в дополнение к "голосу" совести о негативном характере поведения личности в виде образа $\left(\overline{(Я \xrightarrow{ЯД} Д)}\right)'_C$ в психике личности появляется образ положительного отношения к ее поведению со стороны человека $Д$, то есть образ $\left(\overline{(Я \xrightarrow{ЯД} Д)}\right)'_C$. Однако наличие в психике двух противоположных по значению образов (моральных оценок) одного и того же поведения начинает переживаться личностью как ситуация когнитивного диссонанса, понятие о котором было введено Л. Фестингером [122]. Согласно теории Л. Фестингера, "возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь консонанса" [122, с. 16]. В нашем случае психологический дискомфорт личности $Я$, находящейся в ситуации когнитивного диссонанса, выражается в том, что она оказывается перед выбором: либо стать на путь конформизма и следовать пожеланиям значимого для него человека $Д$, перестав обращать внимание на "голос" совести, либо поступать "по совести", но, возможно, испортить отношения с человеком $Д$. Очевидно, что ни один из указанных вариантов поведения не ведет к уменьшению степени диссонанса.

Поскольку основу диссонанса составляет расхождение, с одной стороны, критериев нравственности, зафиксированных в совести личности, и, с другой стороны, представлений о нравственном поведении, которые имеются у человека $Д$, уменьшение диссонанса возможно в следующих случаях:

- 1) если будут пересмотрены критерии нравственности, составляющие содержание совести личности *Я*;
- 2) если будут пересмотрены представления человека *Д* о критериях нравственности в оценке поведения личности *Я*;
- 3) если человек *Д* перестанет быть для личности *Я* значимым.

Первый случай соответствует процессам перевоспитания личности *Я*. При высокой значимости человека *Д* этот процесс, хотя и потребует от личности определенных усилий в борьбе со своей совестью, но не будет для нее особо болезненным. Совесть немного посопротивляется вследствие наличия психологических механизмов защиты "*Я*", но затем перестроится в силу значимости для личности моральных оценок человека *Д*, перейдет на новый уровень, и консонанс будет достигнут.

Второй случай соответствует процессам перевоспитания человека *Д*, что потребует от личности *Я* значительных усилий по противостоянию требованиям значимого для нее человека и перестройки его системы нравственных ценностей и критериев нравственного поведения. Однако, если личность *Я* уступает человеку *Д* по возрасту, социальному статусу, уровням физического, интеллектуального и социального развития, то шансов на успех у нее практически нет, хотя многое зависит и от желания человека *Д* не обострять отношения с личностью *Я* и пойти на компромисс, но уже со своей совестью.

Третий случай не требует изменения нравственных устоев ни личности *Я*, ни человека *Д*. Каждый остается со своей системой нравственных ценностей. Но обесценивание, снижение значимости человека *Д* для личности *Я* неизбежно будет связано с появлением как у личности *Я*, так и у человека *Д* переживаний разочарования и ограничений в контактах вплоть до возможного разрыва отношений. Такой вариант устранения психологического дискомфорта, возникающего в межличностных отношениях на почве расхождения систем нравственных ценностей, встречается в жизни довольно часто, что может быть вызвано, например, юношеским максимализмом или нежеланием "поступиться принципами".

Возможен, правда, еще один вариант взаимодействия личности $Я$ со своей совестью, который приводит к снижению остроты укоров совести и к их блокированию, по крайней мере, на некоторое время. Это – "усыпление совести". Усыпление совести достигается путем рационализации мотивов неправильного с точки зрения совести поведения и апеллирования к некоторой виртуальной личности B (реальной или вымышленной), которая, будучи свидетелем, могла бы одобрить данное поведение. В этом случае в психике личности $Я$ создается образ виртуальной личности B , то есть образ $B'_Я$, и образ ее положительного отношения к неправильному с точки зрения совести C поведению $Я \xrightarrow{ЯД} Д$, то есть образ $\left(\overline{\left(Я \xrightarrow{ЯД} Д \right)'_B} \right)'_Я$. Далее этот образ противопоставляется укору совести, который представлен в психике в форме образа $\left(\overline{\left(Я \xrightarrow{ЯД} Д \right)'_C} \right)'_Я$, что и приводит к его нейтрализации или временному блокированию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема регуляции поведения живых организмов появилась одновременно с зарождением жизни и появлением самих живых организмов. Чтобы живой организм как целостное автономное образование, оказавшись в ситуации взаимодействия с множеством других живых и неживых объектов, находящихся в окружающей его среде, смог сохранить свою целостность, возможность дальнейшего существования и нормального функционирования, во внутренних структурах организма должны протекать определенные процессы, которые, с одной стороны, обеспечивали бы ему возможность получения знаний об особенностях внешних воздействий и, в целом, о состоянии окружающей среды и, с другой стороны, обеспечивали бы возможность осуществления таких реакций и таких форм поведения в ответ на эти воздействия, которые необходимы для его выживания и дальнейшего развития.

В данной работе мы попытались показать динамику эволюционного развития и усложнения процессов, протекающих во внутренних структурах живых организмов, соответствующих внешним форм поведения и возможностям их регуляции. Основная задача заключалась в том, чтобы уточнить понятия о психике и сознании, выявить биологическую целесообразность и механизмы их возникновения и, соответственно, механизмы возникновения и дальнейшего эволюционного развития психических процессов, психических и социальных форм регуляции поведения субъекта и личности.

Очевидно, что в простейших организмах могут протекать простейшие процессы, в частности, биохимические. Соответственно, простейшим организмам присущи и простейшие формы поведения, которые обычно связываются с понятием "раздражимость" и которые проявляются в форме врожденных безусловных рефлексов на, так называемые, биотические воздействия. Достаточно простыми формами поведения являются и те, которые связаны с понятием "чувствительность". Как нами было показано, способность живого организма к реа-

гированию на абиотические воздействия, которую А.Н. Леонтьев назвал чувствительностью, реализуется простыми физиологическими процессами и нет необходимости ставить знак равенства между чувствительностью и процессом ощущения, который обычно рассматривается как простейший, но все-таки психический процесс. Психика и психические процессы возникают на более высоком уровне эволюционного развития организмов, когда у них появляются не только простые физиологические процессы, но и более сложные нервные процессы, а также мозг. Появлению способности организмов к субъективному (психическому) отражению действительности предшествует появление у них не только свойств раздражимости и чувствительности, но и такого свойства, которое мы, принимая во внимание исследования Н.А. Бернштейна механизмов построения движений, обозначили как "синергичность". Наличие синергичности обеспечивает возможность организму осуществлять сложно координированные формы поведения в различных, порой достаточно сложных ситуациях, в которых они оказываются. Раздражимость, чувствительность и синергичность мы отнесли к свойствам организма, которые реализуются биохимическими, физиологическими и нервными процессами и обеспечивают допсихические формы регуляции его поведения.

Психика, психические процессы и способность к субъективному (психическому) отражению действительности возникают у организмов с появлением мозга как его особое свойство, благодаря которому обеспечивается возможность получение знаний не о самой по себе действительности, а о ее ближайшем будущем. Нами было показано, что только на основе этих знаний организм может осуществлять поведение, адекватное непрерывно изменяющимся условиям среды. Было показано также, что адекватность поведения носителя психики, называемого субъектом, обеспечивается всей совокупностью познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов, каждый из которых выполняет свою специфическую функцию и свою роль в отражении осо-

бенностей ближайшего будущего объективной действительности и регуляции поведения субъекта. Благодаря познавательным психическим процессам субъект получает знания об особенностях объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности, которые действительно им присущи. Эмоциональные психические процессы позволяют получать знания о значимости для субъекта того, что отражается в познавательных процессах. Волевые процессы обеспечивают получение знаний о возможных и необходимых действиях по отношению к объектам, явлениям и, в целом, ситуациям ближайшего будущего объективной действительности.

В динамике развития процессов, обеспечивающих усложнение форм поведения сначала организма, затем субъекта и наконец личности нами была выстроена следующая цепочка: биохимические $\Rightarrow$ физиологические $\Rightarrow$ нервные $\Rightarrow$ психические $\Rightarrow$ социальные.

Появление социальных процессов и социальных форм регуляции поведения связано с появлением человека, который в отличие от других видов живых существ обладает сознанием и который в системе социальных отношений с другими людьми рассматривается как личность. В работе нами показано, что сознание следует рассматривать как особый познавательный психический процесс, который обеспечивает субъекту возможность получения знаний о самом себе как носителе психики. В результате процесса сознания в психике субъекта (человека) возникает образ "Я", который благодаря процессам мышления связывается с другими образами, имеющимися в психике. Поскольку в образах, возникающих в психике, отражаются особенности объектов и явлений действительности, образование связей между ними и образом "Я" представляет собой не что иное, как осознание соответствующих особенностей объектов и явлений действительности. Совокупность образов, связанных с образом "Я", образует в психике область "осознаваемого", и регуляция поведения человека на основе осознаваемых знаний о действи-

тельности есть не что иное, как сознательные формы регуляции поведения.

Однако возникновение у человека сознания сопровождается не только возникновением у него образа самого себя, то есть образа "Я", но и образа "Не-Я" или образа "Другого", что обеспечивает ему возможность установления с этим "Другим" особых взаимоотношений, которые обозначаются понятием "общение". В общении происходит взаимная презентация друг другу содержания психики каждого из субъектов общения. Поскольку содержание психики представлено в психике в форме нематериальных образов, для его передачи и понимания необходимы специальные средства и специальные механизмы. В процессе эволюционного развития психики и становления сознания в качестве таких механизмов выступают, так называемые, "сигнификационные" процессы, которые приводят к появлению языка и речи. С появлением у человека сознания, языка и речи происходит развитие социальных отношений и становление личности. В работе нами показаны механизмы, как онтогенетического, так и филогенетического развития сознания, речи и социальных отношений между людьми.

Показаны также механизмы социальной регуляции поведения личности на основе формирования ее самооценки. В частности, показано, что самооценка, как и сознание, будучи социально детерминированным образованием личности, подвержена влиянию со стороны других людей и, таким образом, может использоваться как средство манипуляции поведением личности. В качестве эффективного средства социального воздействия на поведение личности выступают ролевые игры и такое внутриличностное образование как совесть.

Использование введенных нами способов символического обозначения результатов познавательных и эмоциональных психических процессов позволило уточнить сущность понятия "совесть", показать ее социальную природу и вскрыть внутренние психологические механизмы социальных форм регуляции поведения личности на основе прояв-

лений совести в форме переживаний личностью чувства вины за неправильные поступки и чувства стыда за неправильные помыслы.

Насколько нам удалось уточнить, согласовать и отдифференцировать базовые психологические понятия от физиологических и, в результате, соотнести разноуровневые физиологические, психологические и социальные формы регуляции поведения организма, субъекта и личности, судить, конечно же, читателям. Хотелось бы надеяться, что данная книга и изложенные в ней представления автора о сущности и механизмах возникновения "психического" и "социального" найдут отклик, как у тех, кто только начинает изучать психологию, так и тех, кто относится к категории состоявшихся психологов, специалистов в области теоретической или практической психологии.

Заинтересованный и неравнодушный к судьбе психологической науки читатель может отправить свои замечания, пожелания и аргументированную критику автору работы на e-mail: korniaf@inbox.ru, и они с благодарностью будут приняты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. – Самара: ИД "Бахрах-М", 2007.

2. Акопов Г.В. Проблема сознания в российской психологии: Учебное пособие. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО "МОДЕК", 2004.

3. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство "Речь", 2003.

4. Анохин П.К. Психическая форма отражения //Ленинская теория отражения и современность. – София: Наука и искусство, 1969. – С. 109–139.

5. Анохин П.К. Теория функциональной системы //Успехи физиол. наук. – 1970. – Т. 1. – № 1. – С. 19-54.

6. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем //Принципы системной организации функций. – М.: Наука, 1973. – С. 5-61.

7. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. – М.: Наука, 1978. – С. 7-26.

8. Анцыферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности //Психологический журнал. – 1981. – Т.2. – № 2. – С. 8-18.

9. Бернштейн Н.А. О построении движений. – М.: Медгиз, 1947.

10. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991.

11. Бодалев А.А. Психология общения – М.: Издательство "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.

12. Божович Л.И. Проблемы формирования личности /Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Издательство "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1997.

13. Большой психологический словарь /Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

14. Брушлинский А.В. Мышление как процесс и проблема деятельности //Вопросы психологии. – 1982. – № 2. – С. 28-40.
15. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000.
16. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. – М.: Изд-во политической литературы, 1968.
17. Вилюнас В.К. Эмоции и деятельность //Вилюнас В. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2004. – С. 285-302.
18. Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное //Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – С. 132-133.
19. Выготский Л.С. Анализ высших психических функций //Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. – М.: Педагогика, 1983. – С. 41-90.
20. Галимов Э.М. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. – М.: Едиториал УРСС. 2001.
21. Гальперин П.Я. Введение в психологию. – М.: Университет, 2000.
22. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: Прогресс, 1988.
23. Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997.
24. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. – М.: "ЧеРо", при участии издательства "Юрайт", 2002.
25. Гольбах П.А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного //Гольбах П.А. Избранные произведения в 2-х т. Т.1. – М., 1963.
26. Гранит Р. Электрофизиологическое исследование рецепции /Пер. с англ. – М., 1957.
27. Дарвин Ч. Происхождение видов //Соч.: В 8 т. – М.; Л., 1939.

28. Дегтярев В.П. Принципы организации управления функциями //Физиология человека /Под ред. В.М. Покровского, Г.Ф. Коротько. Т1. – М.: Медицина, 1997. – С. 98-105.
29. Джемс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991.
30. Дубровский Д.И. Мозг и психика //Вопросы философии. – 1968. – № 8. – С. 125-136.
31. Дубровский Д.И. Информационный подход к проблеме "сознание и мозг" //Вопросы философии. – 1976. – № 11. – С. 41-54.
32. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. – М.: Высшая школа, 1980.
33. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований //Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 6. – С. 3-15.
34. Животовский Л.А. О наследовании приобретенных признаков //Материалы научной генетической конференции, 26-27 февраля 2002 г. – М.: Изд-во Моск. сельскохоз. академии им. К.А. Тимирязева, 2002. – С. 110-119.
35. Животовский Л.А. Наследование приобретенных признаков: Ламарк был прав //Химия и Жизнь. – 2003. – №4. – С. 22-26.
36. Захарова А.В. Психология формирования самооценки. – Мн.: РБПК "Белинкоммаш", 1993.
37. Захарова А.В. Генезис самооценки. Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. – М., 1989.
38. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М.: Издательство Московского университета, 1986.
39. Зимбардо Ф., Рэдл Ш. Застенчивый ребенок /пер. с англ. Е. Долинской. – М.: АСТ Астрель, 2005.
40. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М.: Университетская книга, Логос, 2008.
41. Зинченко В.П. А.Н. Леонтьев и развитие современной психологии //Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I – М.: Педагогика, 1983. – С. 8-16.
42. Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию //Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО "Издательство АСТ и др.", 2004. – С. 11-15.

43. Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали "говорящие" обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? /Науч. ред. д. биол. н. И.И. Полетаева. – М.: Языки славянских культур, 2006.
44. Иваницкий А.М. Мозговая основа субъективных переживаний: гипотеза информационного синтеза // Журн. высш. нервн. деят. им. И.П. Павлова. – 1996. – Т. 46. – Вып. 2. – С. 241-252.
45. Иваницкий А.М. Психофизиология сознания //Психофизиология: Учебник для вузов /Под ред. Ю.И. Александрова. – СПб.: Питер, 2003. – С. 200-217.
46. Ильин Е.П. Психология воли. – СПб.: Издательство "Питер", 2000.
47. История философии: Энциклопедия /Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.
48. Кёлер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян //Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления /Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтор, В.В. Петухова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 235-249.
49. Климов Е.А. Общая психология. Общеобразовательный курс: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
50. Коган Н.Н. Исследование взаимосвязи мотивации достижения и самооценки личности в учебной деятельности //Сб. научн. трудов Института психологии им. Г.С. Костюка АПН Украины. – Киев, 2001. – Т.3. – Ч.1. – С. 238-242.
51. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984.
52. Корниенко А.Ф. Концептуальные основы понятия личности как особого качества человека //Личность и общество: актуальные проблемы современной психологии /Материалы Всероссийского симпозиума, Кострома, 15-17 ноября 2000 г. – Кострома, 2000. – С. 39-43.
53. Корниенко А.Ф. Индивидуально-психологические свойства личности учащихся в структуре воспитательного процесса //Психолого-педагогические основы духовно-нравственного воспитания личности в системе образования /Материалы Респ. научно-практ. конф., Казань, 29-31 октября 2001 г. – Казань: Минобразования РТ, 2001. – С. 24-27.

54. Корниенко А.Ф. Структура психических процессов //Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25-28 июня 2003 года: В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – Т.IV. – С. 383-387.

55. Корниенко А.Ф. Первичные механизмы познания в концепции П.К. Анохина //Корниенко А.Ф. Методология и методы психологического исследования: Учебное пособие. – Казань: Изд-во КГПУ, 2003. – С. 20-24.

56. Корниенко А.Ф. Общепсихологическая модель формирования психологической зависимости //Вестник КГПУ. – 2003. – № 1. – С. 131-140.

57. Корниенко А.Ф. Подход В.М. Бехтерева к решению проблемы "психического" //Бехтерев В.М. и современная психология: Материалы докладов на российской научно-практической конференции. Казань, КГУ, 29-30 сентября 2005 года. Вып. 3. Т. 1. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 51-58.

58. Корниенко А.Ф. Общая теория эмоциональных психических процессов. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2005.

59. Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" //Вестник КГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

60. Корниенко А.Ф. Гносеологические проблемы психологии мышления //Диалог культур: проблемы толерантности, межкультурной коммуникации и межконфессиональных отношений: Матер. итог. науч.-практ. конф. ТАРИ. 23 мая 2003 г. – Казань: РИЦ "Титул", 2003. – С. 137-140.

61. Корниенко А.Ф. Допсихические формы регуляции двигательной активности живого организма /Психологические исследования на факультете психологии ТГГПУ: Сборник статей /Под ред. О.Г. Лопуховой. – Казань: ТГГПУ, 2007. – С. 7-21.

62. Корниенко А.Ф. Проблемы сознания, осознания и самосознания //Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции, Самара, 29 июня – 1 июля 2007 г. – Самара: Изд-во "Научно-технический центр", 2007. – С. 61-63.

63. Корниенко А.Ф. Проблемы определения понятия "психика" //Российский психологический журнал. – 2008. – Т5. – №1. – С. 9-22.

64. Корниенко А.Ф. Психологические механизмы социальной детерминации сознания и самооценки человека //Вестник университета (Государственный университет управления). № 2 (50). – М.: ГУУ, 2008. – С. 85-88.
65. Корниенко А.Ф. Специфика психической формы отражения действительности //Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 2. – С. 5-19.
66. Корниенко А.Ф. Зачем живому организму нужна психика и что это такое //Российский научный журнал. – 2009. –№ 3 (10). – С. 47-60.
67. Корниенко А.Ф. Процессы мышления, понимания, сознания и осознания //Психология когнитивных процессов /Материалы 3-й международной научно-практической конференции, Смоленск, 14-15 мая 2009 г.; Под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова. – Смоленск: Универсум, 2009. – С. 47-54.
68. Корниенко А.Ф. Психологические механизмы развития сознания и социализации личности //Психология развития и образования: теория и практика: Сборник научных трудов /Под общ. ред. И.В. Ярославцевой. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 178-186.
69. Корниенко А.Ф. Психика и психические процессы: единая система психологических понятий //Российский научный журнал. – 2009. – № 4 (11). – С. 78-89.
70. Корниенко А.Ф. Сущность, классификация и динамика эволюционного развития психических процессов // Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика /Материалы Международного Конгресса, Кострома, 10-13 сентября, 2009 г. Т. 1. – М.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – С. 166-171.
71. Корниенко А.Ф. Понятие о сознании как высшем уровне развития психики //Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 36. – С. 20-26.
72. Красилов В.А. Нерешенные проблемы теории эволюции. – Владивосток, 1986.
73. Куренной В. К вопросу о возникновении феноменологического движения //Логос 1991–2005. Избранное: В 2 т. Т. 2. – М.: Издательский дом "Территория будущего", 2006. – С. 9-46.
74. Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. – М.: Наука, 1911.

75. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М.: Просвещение, 1964.
76. Леках В.А. Ключ к пониманию физиологии: Учебное пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
77. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983. – С. 143-279.
78. Леонтьев А.Н. Воля //Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. – 1993. – № 2. – С. 3-14.
79. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – С. 94-231.
80. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2000.
81. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. – М.: Издательство "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1997.
82. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М.: Педагогика, 1986.
83. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.
84. Лурия А.Р. Эволюционное введение в общую психологию. – М.: Изд-во МГУ, 1975.
85. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001.
86. Маркс К. Процесс Готшалка и его товарищей // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. –М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1957. – С. 139-147.
87. Медников Б.М. Аксиомы биологии. – М.: Знание. 1982.
88. Менчинская Н.А. Развитие психики ребенка (дневник матери). – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957.
89. Мид Дж.Г. Аз и Я // В сб.: Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 227-237.
90. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр "Академия", 1999.

91. Никандров В.В. Психология. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
92. Николаев А. Диалоги. Моральный анализ: этика. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nounivers.narod.ru/pub/guilt.htm> (дата обращения: 22.01.2010).
93. Новоселова С.Л. Образование навыка использования палки у шимпанзе //Хрестоматия по зоопсихологии и сравнительной психологии. – М.: Росс. психол. об-во, 1997. – С. 278-283.
94. Обухова Л.Ф. Детская психология: теория, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995.
95. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1991.
96. Павлов И.П. Мозг и психика //Избранные психологические труды. – М.: Изд-во "Московский психолого-социальный институт", 2004.
97. Парцвания-Чараия В.В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. – СПб.: Университетская книга, 2003.
98. Прайор К. Не рычите на собаку! О дрессировке животных и людей. – М.: Изд-во "СЕЛЕНА +", 1995.
99. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр "Академия"; Высшая школа, 2001.
100. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. – М.: Издательский центр "Академия", 2003.
101. Пиаже Ж. Психология интеллект. – СПб.: Питер, 2004.
102. Пименов В.В. НЕ-субстанциональный подход к определению физической сущности понятия "время". Новый взгляд на старые уравнения. 2005. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/pimenov_ne.htm (дата обращения: 16.01.2010).
103. Платонов К.К. О системе психологии. – М.: Мысль, 1972.
104. Прибрам К. Языки мозга /Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975.

105. Психологический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/psychology.html> (дата обращения: 16.01.2010).
106. Психология профессионального педагогического мышления. – М.: Издательство "Когито-Центр", 2003.
107. Реан А., Бордовская Н., Розум С. Психология и педагогика: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2000.
108. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001.
109. Северцев А.Н. Морфологические закономерности эволюции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
110. Северцев А.Н. Эволюция и психика //Психологический журнал. – 1982. – № 4. – С. 149-159.
111. Северцов А.С. Направленность эволюции. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
112. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. – М.: Изд. АН СССР, 1961.
113. Словарь практического психолога /Сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997.
114. Смит К.Ю.М. Биология сенсорных систем. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2005.
115. Соколов Е.Н. Нервная модель стимула //Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 128-136.
116. Теплов Б.М. Об объективном методе в психологии //Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 45. Материалы совещания по психологии. – М., 1953.
117. Теплых Д.А. Концепция предметности психологии в контексте типов научной рациональности //Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 85-99.
118. Тихомиров О.К. Информационная и психологическая теория мышления //Вопросы психологии. – 1974. – № 1. – С. 40-48.

119. Ушаков В.Д. Мышление и интеллект //Психология XXI века: Учебник для вузов /под ред. В.Н. Дружинина. – М.: ПЕР СЭ, 2003. – С. 291-353.
120. Фейербах Л. Эвдемонизм //Избранные философские произведения. Т. 1.– М., 1955.
121. Фейгенберг И.М. Мозг, психика, здоровье. – М.: Наука, 1972.
122. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса /Пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. – СПб.: Ювента, 1999.
123. Физиология человека /Под ред. В.М. Покровского, Г.Ф. Коротко. – М.: Медицина, 1997.
124. Хайдеггер М. Бытие и время /Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: "Фолио", 2003.
125. Челпанов Г.И. Классификация душевных явлений //Очерки психологии. – М.-Л.: Моск. акц. изд. об-во, 1926. – С. 58-63.
126. Чуприкова Н.И. Психика и сознание как функция мозга. – М.: Наука, 1985.
127. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.
128. Чуприкова Н. И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности //Вопросы психологии. – 2007. – № 3. – С. 3-15.
129. Шмальгаузен И.И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. Избранные труды. – М.: Наука, 1982.
130. Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. – М.: Наука, 1982.
131. Шорохова Т.В. Проблема определения категории "интерес" в современной отечественной психологии и педагогике //Интернет-журнал "Эйдос". – 2004. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eidos.ru/journal/2004/0205.htm> (дата обращения: 16.01.2010).
132. Эльконин Д.Б. Психология игра. – М.: Педагогика, 1978.
133. Энгельс Ф. Диалектика природы. Изд. 6-е. – М.: Партиздат, 1934.

134. Этимологический словарь Фасмера. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fasmer.html> (дата обращения: 16.01.2010).

135. Юнг К. О природе психе /Перевод С.Л. Удовик. 2001. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jungland.ru/node/1592> (дата обращения: 16.01.2010).

136. Юнг К. Совесть с психологической точки зрения //Аналитическая психология: Прошлое и настоящее /К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббек; Сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. – М.: Мартис, 1995. – С. 80-99.

137. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. – М.: Мысль, 1996.

138. Chalmers, D.J. The conscious mind: in search of a fundamental theory. – N.Y.: Oxford University Press, 1996.

139. Craik, K. The Nature of Explanation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1943.

140. Jonson-Laird, P.N. Mental models: Towards the cognitive science of language, and consciousness. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

141. Hebb, D. O. The organization of behavior: A neurophysiological theory. – New York: Wiley, 1949.

142. Hooker, C.A. Information-processing Approach to the Brain-Mind and its Philosophical Remitications //Philosophy and Phenomenological Research. – 1975. – Vol. 36. – № 1.

143. Kohlberg, L.E. The psychology of moral development: The nature and validity of moral stages. Vol. 2. – San Francisco: Harper & Row, 1984.

Научное издание

Корниенко Александр Федорович

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ДОПСИХИЧЕСКИХ, ПСИХИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ФОРМ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ
ОРГАНИЗМА, СУБЪЕКТА, ЛИЧНОСТИ**

Подписано в печать _____.06.2010 г.

Гарнитура «Times New Roman». Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,6

Печать ризографическая. Тираж _____ экз. Заказ № 936

Издательство «Печать-Сервис-XXI век»
420073, г. Казань, ул. А. Кутуя, 88, оф. 19
тел.: (843) 2-945-725; тел./факс: (843) 295-14-48

Отпечатано в авторской редакции с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Печать-Сервис-XXI век»